

Л.А.Булавка

РАБОЧИЙ ПРОТЕСТ В РОССИИ

ИЛИ

нелегкий путь

ОТ СОВЕТСКИХ ЦЕННОСТЕЙ К ДЕЙСТВИЯМ

ПОСТСОВЕТСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Капитал

ежом противоречий

рос во-всю и креп

штыками и гл҃ась

Коммунизма

призрак

по Европе рыскал

уходил

и вновь маячил

в отдаленьи..

В. Маяковский.

Оглавление

Предисловие

1. Предмет и объект исследования
2. Специфика изучения протестного движения в условиях криминальной России

Введение

1. Протестное движение в России: положение и динамика
2. Экономические предпосылки
3. Динамика забастовочной активности
4. Формы протестной борьбы
5. Политическое содержание и цели протестного движения

I. Эскизы к портретам

I. 1. *Эскиз первый. Алексей Кузнецов – рабочий авангард на «краю света»*

1. 1. Знакомство
1. 2. Дальзавод
1. 3. Поединок
1. 4. Цена победы
1. 5. Затаенное
1. 6. Алексей

I. 2. *Эскиз второй. Трагедия таланта*

- 2.1. Первая встреча и ночной разговор
- 2.2. Историческая конференция
- 2.3. Дискуссия
- 2.4. Киряков и коллектив

- 2. 5. Стиль лидера
- 2. 6. Послесловие к портрету

I.3. Эскиз третий. Профсоюзный лидер с партийным билетом

- 3. 1. Биография комбината и лидера
- 3. 2. Сопротивление
- 3.3. Партийная подход
- 3.4. Успехи и их противоречия

I. 4. Эскиз четвертый. Владимир Воробьев – революционер рабочего движения

- 4.1. Биография
- 4.2. Опальность Воробьева
- 4.3. Особенность Анжеро-Суджинска
- 4.4. Рельсовые войны
- 4.5. Городская конфедерация профсоюзов
 - а) структура*
 - б) пикеты*
 - в) Балтийская*
- 4.6. Организационные принципы
 - а) гибкость и многообразие форм*
 - б) демократичность*
 - в) «азбука борьбы»*
 - г) добровольность и инициативность*
- 4.7. Правозащитная деятельность Воробьева
- 4.8. Антибюрократизм
- 4.9. Щепетильный вопрос
- 4.10. Информация
- 4. 11. Интернационализм

4. 12. Авторитет

4. 13. Последний штрих

II. К социо-культурному анализу российского протестного движения

II. 1. Трудности российских рабочих

1.1. Кризис глазами рабочих

1.2. Окрестьянивание рабочих или «дачники» по неволе

1.3. Патернализм – опасный перекресток советского социализма и «новорусского» капитализма

II. 2. Столкновения рабочих и властей: так что же в действительности?

2.1. О причинах конфликта говорят сами рабочие

2.2. Захват ВЦБК: как было на самом деле.

а) хроника событий

б) короткая предистория

в) памятная ночь – говорят очевидцы

г) я свидетельствую

2.3. «Какие же, однако, негодяи все эти порядочные люди»
(стиль властей)

2.4. А как действовали во время захватов сами рабочие?

II. 3. Собственность, приватизация и власть

II. 4. Нелегкий путь к самоорганизации и самоуправлению

4.1. Новые и сильные стороны самоорганизации
протестных рабочих

4.2. Рабочий контроль в криминальной России:
неужели возможен?

II. 5. Портрет протестного движения: его черты

5.1. Открытость и ответственность

5.2. Солидарность рабочих - впервые за много десятилетий

5.3. Протестные «низы» и профсоюзные «верхи»:
конфликт назревает

5.4. Партии versus рабочее движение

II. 6. Типы лидеров протестного движения

6.1. «Герои - одиночки»

6.2. «Герои – на цыпочках»

6.3. «Герои - авантюристы»

6.4. «Герои - с запасным аэродромом»

6.5. «Герои с личной перспективой»

6.6. Революционеры рабочего движения

II. 7. О самом главном: проблемы и противоречия протестного движения

7.1. Главный враг протестного движения - пассивность рабочих.

7.2. Боевая активность или страх и пьянство: кто кого?

7.3. Идеализм – дорогостоящая наивность или
ловушка для рабочих?

7.4. Внутренние проблемы протестного движения:
вина или беда?

7. 5. Рабочий актив и «болото»: проблемы взаимоотношения.

7. 6. «Трудно усидеть на штыках». «Мирные ситуации» -

так это хорошо или плохо?

7.7. Демократия экстремальных ситуаций.

7.8 Заводская власть и рабочий актив: кто первый?

7.9. Олигархические войны - новое в рабочем движении.

7.10. Так все же - социализм или капитализм?

II.8. Уроки и выводы протестного движения

8.1. Что удалось добиться - говорят сами рабочие

8.2. Что не удалось - признают сами рабочие

8.3. Уроки: рабочие советуют рабочим

II. 9. Выводы автора.

Заключение

Приложения

Приложение № 1.

Результаты социологического опроса
рабочих предприятий Ярославской области
От философии поступка к солидаризированным действиям

Приложение № 2

Практическое участие в протестном движении

а) семинары и конференции

б) организационно-консультационная работа

г) научно-исследовательская деятельность

д) публикации

Библиография

Предисловие

Прошло более десяти лет с момента первых выступлений рабочих, обозначивших начало протестного движения в нашей стране рубежа XX-XXI века. За все это время оно имело и свои подъемы, и свои спады, свои победы, и свои поражения. Каков смысл и каковы предварительные итоги этого постсоветского рабочего движения?

Эти вопросы требуют глубокого анализа, который уже ведется и надеюсь будет вестись теми исследователями, кто уже на деле подтвердил свою искреннюю заинтересованность в истинном освещении этой проблемы. Надо сказать, что в настоящее время (насколько это известно автору) всего лишь несколько человек на всю Россию сколько-нибудь непредвзято и профессионально работают на этом поле. Более того, тема протестного движения трудовых коллективов очень тесно вплетена в контекст более широких проблем: 1) рабочего движения и движения трудовых коллективов в целом; 2) борьбы за передел собственности; 3) развития профсоюзного движения в его взаимодействии с политическими силами страны, государственной властью и т. д.

1. Предмет и объект исследования

Безусловно, автор данной книги, не имея возможности достаточно серьезно заниматься всеми этими вопросами одновременно, но самое главное - в силу левых убеждений - сразу и без особого труда сделал выбор своего предмета исследования - **протестное движение работников**, которые шли на решительные действия с целью не только решения своих сиюминутных экономических проблем, но **изменения экономических и социальных отношений на предприятии: от развития элементов рабочего контроля и самоуправления до борьбы за деприватизацию.**

Итак, *предметом исследования является* не столько экономическая реальность постсоветской России, породившая протестное движение, сколько *сам субъект рабочего движения*. Вот почему в данной книге я обратилась преимущественно к наиболее актуальным и практически еще открытым вопросам: какие проблемы стоят сегодня перед движением трудовых коллективов, поднявшихся к конструктивной борьбе за деприватизацию, рабочий контроль и самоуправление; какие ответы на них уже найдены рабочими активистами и их лидерами, и какие еще предстоит найти? Аналитический текст этой книги будет существенно дополнен мнениями самих рабочих, а так же портретами нескольких знаковых персон – лидеров протестного движения трудовых коллективов.

Свое исследование автор проводил в составе группы ученых (профессор, д.э.н. Э.Н.Рудык, профессор, д.п.н. Я.Э.Керемецкий, с.н.с., к.ф.н. Л.А.Булавка), которые по инициативе Фонда поддержки социального творчества трудящихся «Альтернативы» (научный руководитель- профессор, д.э.н. А.В.Бузгалин) в конце 1999 - начале 2001 г.г. на ряде протестных предприятий провели целую серию пилотных исследований. Кроме этого, наша группа имела и целый ряд встреч, «круглых столов», семинаров с профактивистами тех протестных предприятий, которые пока еще не вошли в выборку наших исследований.

Общий список их названий (заодно демонстрирующий и географию исследования) в сокращенном варианте (для удобства употребления), приводится ниже :

- Адлеровский хлебокомбинат (г. Адлер) – АХК,
- Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат (**пос. Советский Ленинградской области**) - ВЦБК,
- Дальзавод (г.Владивосток) - ДЗ,
Дальэнерго (г.Владивосток) –ДЭ,
- Завод синтетического волокна (г.Барнаул) – ЗСВ,
- Завод по ремонту тепловозов им. Дзержинского (г.Воронеж) -ВЗРТ,

- Исхитимский известниковый карьер (**Новосибирская область**),
- Комбинат цветной печати (г. г. **С.-Петербург**) – КЦП,
- Сельско-хозяйственный кооператив «Дружба» (Башкирия),
- Сельско-хозяйственный кооператив «Ивановка» (**Башкирия**),
- Ленинградский металлический завод (г. **С.-Петербург**) – ЛМЗ,
- Магнитогорский металлургический комбинат (г.**Магнитогорск**) – ММК,
- «Московский подшипник» (г.**Москва**) - МП,
- Новокузнецкий металлургический комбинат (г.**Новокузнецк**) – КМК,
«Промтекстиль» (г.**Воронеж**) – ВПТ,
- «Сибжелдорпромстрой» (г.**Новосибирск**)- СЖДПС,
- Тутаевский моторный завод (г. **Тутаев Ярославской области**) – ТМЗ,
- ТЭЦ-2 (г.**Владивосток**) – ТЭЦ-2,
- ТЭЦ (г.**Краснодар**) - ТЭЦ,
- Фабрика кожаных изделий (г.**Краснодар**) – ФКИ,
- «Черниговец» (г.**Березовский, Кемеровская область**) – ЧР,
- Рыбо-консервный завод (г.**Севастополь, Украина**) – СРКЗ,
- Швейная фабрика «Заря» (г.**Рязань**) - ШФ,
- Щучанский комбинат хлебопродуктов (г.**Щучье, Курганская область, Южный Урал**) – ЩКХ,
- Ясногорский машиностроительный завод (г.**Ясногорск Тульской области**) - ЯМЧ,

Наряду с этим, «Альтернативы» на протяжении последних трех лет организовали серию семинаров, круглых столов и конференций в Москве, Питере, Уфе, Барнауле, где ученые в диалоге с рабочими и профсоюзными активистами из разных регионов страны вместе анализировали, дискутировали и искали конструктивные практические решения проблем протестного движения. В результате у нас накопился значительный материал, часть

которого автор и представляет в данной книге, стараясь в полной мере сохранить не только содержание, но стиль и дух высказываний рабочих.

Кстати, автор специально не называет в тексте фамилий и имен рабочих активистов, чьи высказывания приводятся ниже, т.к. до сих пор на большинстве протестных ситуаций сохраняется крайне напряженная обстановка, чреватая возможностью репрессий по отношению к ним, да и ко всем инакомыслящим активистам. Да, в «наконец-то свободной» **России в массовом масштабе появились новые диссиденты – рабочие и профсоюзные активисты**, угрозы и репрессии по отношению к которым вполне сравнимы с акциями в адрес диссидентов-интеллигентов брежневской поры.

2. Специфика изучения протестного движения в условиях криминальной России

А теперь несколько слов **о специфике социологического исследования**. Во-первых, понять объективную сущность и противоречия социальных процессов рабочего движения, не включаясь в них лично - очень не просто. Постмодернистская отстраненность (а по сути – безразличие) исследователя, для которого, как бы, равно ценны и равно интересны как борющиеся за свои права работники, так и паразитирующие на них олигархи и криминальные капиталисты, не стесняющиеся натравливать на безоружных рабочих спецподразделения, - такая позиция, а точнее – ее отсутствие неизбежно может сыграть с таким аналитиком злую шутку.

Занимаясь проблемами рабочего движения и при этом, оставаясь «над схваткой» можно увидеть лишь некоторые формально-юридические и формально-экономические стороны дела, но не его сущность. **Тема протестного движения требует не только конкретно-определенной позиции исследователя по отношению к тому, что в нем происходит, но и личного**, не

только аналитического, но и **практического участия автора в этом движении.**

Во-вторых, специфика исследования протестного движения заключается в том, что его теоретическое осмысление обязательно **предполагает диалектический метод**, ибо оно связано с отражением реальной борьбы, становления и развития этого движения в его действительных противоречиях. Вот почему единственным ключом к истинному (в той мере, в какой это вообще возможно в данных условиях) проникновению в тайны протестного движения стало личное включение автора в саму эту деятельность. Впрочем, это и понятно: истина всегда конкретна и соотнесена с практикой как со своим критерием-источником.

Именно уже **изнутри протестного движения**, причем на «собственной шкуре» (которую в криминальных условиях, кстати, запросто могут и повредить – и это так же важно для понимания реальной диалектики борьбы) **можно** не только увидеть, но и в совместной с борющимися рабочими деятельности **распредметить** суть дела. Более того, правоту собственного понимания проблем протестного движения придется всякий раз заново доказывать и опять-таки личным участием и работой (консультациями, организационной помощью) в нем, что, кстати, не раз и происходило на практике. Так что, **понимание протестного движения** нельзя сводить только к информации о нем - это еще и **тот род знания, которое обязательно предполагает личное отношение к нему.**

В-третьих, специфика исследования рабочего движения определена еще и тем, что **заниматься** изучением этой темы **приходится в условиях бюрократической и криминальной** не только **экономики, но и всей атмосферы в целом.** Социологическое исследование в криминальных условиях – это больше, чем научное исследование. Кто занимался в России - тот знает. И действительно, исследование рабочего движения в России оказалось неп-

ростым, а порой и небезопасным делом, хотя поначалу все это представлялось иначе.

До этого у меня и моих товарищей был опыт борьбы с представителями мэрии Москвы (господами Музыкантским и Лазаревым) за сохранение городской библиотеки им. Некрасова, которую они хотели вывести из центра, чтобы на ее месте построить очередной офис. Тогда нам удалось отстоять основную часть библиотеки - она пока еще стоит на Пушкинской площади, напротив Макдональдса). А еще годом раньше, борясь с дирекцией театра Киноактера, пытавшейся превратить его в казино, нам удалось совместно с его актерами защитить спектакль по пьесе М.Горького «На дне» (реж. Э.Марцевич) от снятия его из репертуара. Показательно и то, что это был едва ли не единственный в постсоветской Москве спектакль о трудящихся, хотя и дореволюционной России.

После этих, объективно небольших, но для нас совсем не маленьких (ибо дело касалось чьей-то прибыли и не маленькой) побед, причем в Москве - центре российского криминального бизнеса и бюрократии, исследование заводов в российской провинции поначалу показалось мне делом куда менее сложным: ведь я и мои товарищи собирались лишь понять роль трудовых коллективов в протестном движении, а вовсе не заниматься тем, чтобы (как это было в случае с библиотекой и театром) портить чьи-то финансовые аппетиты.

Уверенность придавала также и память о личном участии в крупномасштабном социологическом исследованиях с выборкой в несколько тысяч респондентов еще в советские 80-е гг. на Магнитогорском металлургическом комбинате. Методика проведения исследований и опросов была известна. Оставалось решить только одну техническую проблему - как попасть на завод. Но разве это проблема?

Действительно, на первый взгляд, казалось, что этот вопрос решается достаточно просто: надо найти телефон администрации, потом позвонить секретарю директора и договориться о встрече с ним – вот и все решение. Да,

это видимо так, но только в случае, если вы - иностранный специалист, или журналист, или же депутат Государственной Думы, хотя и это еще не абсолютный гарант. Но если вы, например, просто российский исследователь, то попадание на завод для вас становится уже достаточно серьезной проблемой. Правда, иногда вас могут даже пустить на завод, но кроме дипломатического разговора длиною в одну чашку чая вас более ничем не угостят.

Моя личная и уже богатая практика решения этой проблемы - едва ли не самая трудная и в определенном смысле интересная часть в процессе проведения самого исследования. К сожалению, я не могу об этом писать подробно, чтобы не рисковать личной возможностью дальнейших исследований. Но в любом случае решение уже одного этого вопроса (как исследование в исследовании) показывает всю меру и российской «демократии», и «свободы», и «прав человека» и особенно «человека труда», который сегодня является лишним для капитала, впрочем, и как сам труд.

Спекулятивная природа российского капитала (возникшего по формуле «У-П-У»: *украл – перепродал- убежал*), **делает труд зачастую просто ненужным.** Эта ненужность труда современному капиталу поначалу повергала российских рабочих в глубокую растерянность, независимо от их политических убеждений. Действительно, сегодня в России идет настоящая война между капиталом и трудом и ее линия фронта как раз и проходит на поле протестного движения. Другой вопрос – сумеют ли российские рабочие **превратить эту войну против криминального капитала в борьбу не только за право на труд, но самое главное - за освобождение труда,** а значит и за свое собственное освобождение (как когда-то большевики сумели перевести Первую империалистическую бойню на рельсы революции) – на этот вопрос придется отвечать уже не только рабочим, но и всем кто для себя в этой жизни уже сделал выбор.

Введение

1. Протестное движение в России: положение и динамика

После периода активного выступления шахтеров еще в конце 80-х гг. в СССР историю протестного движения уже в постсоветской России можно разбить на два этапа. Первый – это период с 1991 по конец 1999 гг., и второй – с конца 1999 года по настоящий момент. Если первый этап имел все циклы своего развития, завершившись событиями на ВЦБК, то второй этап, начавшись с упадка протестного движения лишь только сейчас набирает силу. *Понять различие этих этапов, их общность* - для автора данной работы *является важнейшей задачей* не только *исследовательской работы*, но и *условием личного участия в практическом* прокладывании и *подкреплении* вместе со своими товарищами *левых альтернативных тенденций* общественного развития не только России, но и мира.

По классификации Э.Рудыка и Я.Керемецкого, все предприятия, на которых нам приходилось бывать можно разделить условно на два вида. Первый из них – это те, на которых работники протестуют против невыплат заработной платы, сокращения занятости, ухудшения материального положения, закрытия своих предприятий. И таких предприятий большинство. Второй тип – это где трудовые коллективы повышают уровень своих требований: они отстаивают свое право не только контролировать, но и распоряжаться (частично или полностью) хозяйственной властью на производстве.

Пережив волну оживления, массовые забастовки на различных предприятиях России с активными действиями, направленными на изменение руководства предприятием, форм собственности (борьба за деприватизацию, рабочий контроль и самоуправление) в конце 1999-2000 гг. пошло на убыль особенно в 2001 году. По мнению А.Колганова, это отчасти было связано с

относительной стабилизацией в социально-экономическом развитии России. Но уже в этом – 2002 году, хотя еще и слабо, но, тем не менее, начинает подниматься новая волна рабочего движения, о чем российская пресса пытается старательно умалчивать.

2. Экономические предпосылки

В России в процессе «рыночных реформ» не только произошел глубочайший спад производства (максимальный кумулятивный спад ВВП составил 50%, средних реальных доходов – более 30%, доходов низших и средних доходных групп работников промышленности, составляющих типичную среду протестного движения, - более 50%). Лишь в последние два года начались некоторые позитивные подвижки в экономике, но они затрагивают далеко не все отрасли и регионы, весьма нестабильны и противоречивы.

Но главное даже не в этом. **В стране сложилась система олигархически-криминального капитализма**, что ныне не секрет не только для отечественных, но и для зарубежных специалистов. В результате отношения труда и капитала в наших условиях оказываются весьма далеки от модели договорных отношений свободного наемного работника и работодателя, честно конкурирующих на рынке рабочей силы и развивающих отношения социального партнерства. В нашей стране отношения капитала и труда пронизаны пережитками советского патернализма и полуфеодального, внеэкономического принуждения, осуществляются в условиях правовой незащищенности работников и сращенности бизнеса как с организованной преступностью, так и с государственной бюрократией - все это будет показано в работе ниже.

Говоря о предпосылках российского рабочего движения, стоило бы специально показать экономическую ситуацию того периода, который как раз и вызвал самую мощную волну протестных действий трудящихся России. Речь идет в первую очередь о пике протестного движения - периоде 1997 –

1998 г., когда совокупность экономических предпосылок протестного движения достигла своей «критической массы». Остановимся на самых главных из них.

Задолженность по зарплате «в декабре 1997 года имели 97,5 тыс. предприятий и организаций, в том числе, в промышленности более 51 тыс., а в отраслях социальной сферы – свыше – 48 тыс. Каждое четвертое предприятие по состоянию на конец 1997 г. было признано неплатежеспособным. *Общая сумма задолженности* к 1 декабря 1997 года по данным Госкомстата РФ составляла 55, 6 трл. руб. Поэтому положение в этом отношении по сравнению с 1996 г. в ряде регионов стало еще напряженнее» (1)

«К началу 1998 года, по информации ФНПР, около 100 тыс. предприятий, на которых было сконцентрировано подавляющее число работающих по найму, не выполняли своих обязанностей по расчетам с работниками» (2)

В этот период рабочие вместе денег получали либо продовольственные, либо промышленные товары, например, двери, или водка, хрустальные изделия, и даже ...гробы (это не шутка). Развивалась бартерная система, которая не давала рабочим иметь деньги. Хотя в это время «администрация, причем, не только заводская, но и территориальная, как правило, исходила из своей личной корысти, тратя бюджетные средства на приобретение квартир, автомобилей, гаражей, на заграничные поездки, назначая при этом себе многомиллионные оклады, превышающие в 20-30, а иногда и в 100 раз зарплату работников и выписывая для собственных нужд дополнительные ссуды» (3). Этим могли похвастать руководители многих предприятий: Кировское муниципальное предприятие, «Ростсельмаш», АО «Меланк (Ивановская область), ОАО «Хакасуголь», ОАО «Текстильмаш» (Чувашия) (4)

Так, начисленная номинальная среднемесячная заработная плата возросла по сравнению с 1996 годом почти в 1,2 раза, а *размер реальной зарплаты увеличился* всего на 4,38% (5). В 1997 году на долю 10% наиболее обеспеченной части населения приходилось 31, 7 денежных доходов, а на долю

10% наименее обеспеченной части населения – всего лишь 2,6 %. (6) В 1997 году общая численность занятых по сравнению с 1991 годом сократилась на 8,4 млн. чел (7).

Здесь надо учесть и другие факторы: например, *из-за нарушения норм и правил охраны труда* в РФ за 1995-97 гг. *пострадало* свыше 970 тыс. чел., а более 18 тыс. работников в результате аварий на производстве погибли (8).

3. Динамика забастовочной активности

Борьба рабочих России против результатов либеральных рыночных реформ длительное время носила в основном (если не исключительно) характер борьбы против задержек заработной платы. При этом забастовочная активность носила имела довольно низкий уровень. Более половины всех забастовок приходилось не на промышленность, а на сферу школьного образования. В промышленности большая часть забастовок происходила в одной отрасли – угледобыче. Политические лозунги (подчас весьма громкие – например, отставка президента) если и выдвигались, то лишь как средство добиться выплаты задержанной зарплаты.

В 1997 г. забастовки продолжительностью более одной смены состоялись на 17007 предприятиях, то время как в 1996 г. они были зарегистрированы на 8278 предприятиях, т. е. **количество предприятий, включившихся в забастовочное движение** за это время, выросло более чем вдвое (9). Одновременно **увеличилась численность участников стачек**. Если в 1996 г. бастовало почти 664 тыс. чел., то в 1997 г. их было более 887 тыс. чел., т. е. в 1,3 раза превышало количество стачечников 1996 г. При этом надо сказать, что в забастовочных акциях приняло участие коллективы таких крупнейших предприятий как «Ростсельмаш», Кировский, Балтийский заводы, «Русский дизель» в Питере, Норильский горно-металлургический комбинат, Липецкий тракторный завод, судостроительный завод «Янтарь» (г. Калининград) и многие другие.

Забастовки в 1997 году стали значительно более длительными и напряженными. Так, **средняя продолжительность одной стачки** составила 6, 8 дня, т.е. по сравнению с 1996 г. увеличилась в 2,5 раза. Длительные стачки провели, например, шахтеры крупнейшего на Южном Урале угольного разреза «Коркинский», горняки кузбасской шахты «Киселевская», рабочие Юргинского машиностроительного завода (Кемеровская область), АО «Сибэлектротерм» (Новосибирская область), завода по ремонту атомных подводных лодок (г. Большой камень Приморского края), работники медицинских учреждений г. Улан-Удэ (республика Бурятия) (10)

В 1,5 раза по сравнению с 1996 г. **возросли и потери рабочего времени из-за забастовок**, которые составили в 1997 г. 6000, 5 человеко-дней. (11)

Еще один критерий – на протяжении 1997 года **забастовки состоялись в 67 республиках, краях и областях РФ**. (12) Причем, в каждом из регионов число бастующих предприятий составляло около ста. (13)

Но по мере приближения к президентским выборам 1999 года (когда Ельцин сменил Путин) забастовочная активность в России заметно снижалась. В 1999 г. число забастовок по сравнению с 1998 г. сократилась в 1,5

раза, а в первом полугодии 2000 г. – почти в 8 раз по сравнению с соответствующим периодом 1999 г.(20)

Причин для этого было немало:

- усталость активистов,
- изменение состава бастующих и смена лидеров,
- низкая эффективность используемых методов борьбы,
- нет стратегии протестного движения,
- отсутствие механизма широкой солидарности,
- зависимость от профсоюзных чиновников,
- недостаточная юридическая обеспеченность активистов

Эта забастовочная борьба достигла максимального уровня в 1997-98 гг., а затем заметно пошла на убыль. Однако именно с этого времени рабочие начинают выступать против «святая святых» рыночных реформ – сложившегося в результате приватизации распределения прав собственников и характера экономической власти на предприятиях. Впервые в коллективных акциях рабочих выдвигаются требования лозунги деприватизации, расширения участия рабочих в управлении производством. К началу 2000 года уже в десятках трудовых коллективах были предприняты действия подобной направленности и в некоторых случаях они увенчались успехом.

Разумеется, несколько десятков коллективов среди сотен тысяч крупных и средних предприятий России – это капля в море. Однако эти выступления, в силу своей реальной направленности, получили весьма широкий общественный резонанс.

4.Формы протестной борьбы

Понятно, что забастовочное движение не имеет линейного характера развития. Это сложный процесс, очень чуткий к общественным противоречиям, для которого характерны подъемы и спады. *Протестное движение, достигнув подъема в 1997-98 гг. уже позже стало идти на убыль.* И причина

этого была, конечно, же не в улучшении объективной ситуации, а в, частности, в том, что развитие протестного движения в этот период привело к изменению форм борьбы. «Не достигнув быстрого осуществления желаемых результатов, одни участники движения прекратили конфронтацию, устав от перенапряжения и постоянных стрессов, другие решили переменить тактику, сделав упор на переговорный процесс, а некоторые из стачечников пошли на применение еще более радикальных мер (захват заложников из состава администрации, перекрытие авто и железнодорожных магистралей и т.п. (14). Далее забастовки продолжались, но почти вдвое (с 527 до 272) уменьшилось количество промышленных предприятий, на которых они состоялись.

На протяжении почти всего периода глубокого спада (1991-97 гг.) главными формами активности обездоленной части общества (рабочих, врачей, ученых) были пассивные акции – забастовки с требованием выплатить задержанную зарплату, голодовки и даже самоубийства. Даже на тех предприятиях, где поначалу активизировалось протестное движение, забастовки были редкими и не носили упорного характера. Рабочие распродавали свои акции и не помышляли о борьбе за контроль над предприятием.

В 1997 году происходит и *изменение участников забастовочных акций*, занятых на промышленных предприятиях. Если в 1980-90 гг. зачинателями рабочего движения были шахтеры, то уже позже - после 1997 г. их активность заметно падает. Так, например, из числа стачечников, «занятых в промышленности, доля шахтеров в 1996 г. составила 81, 6%, (15)то в 1997 г. – уже только 22, 6%. Лидирующие места в протестном движении теперь занимают машиностроители: если в 1995 г. они составили 10,6 тыс. работников этой отрасли, то в 1997 г. – уже 107, 7 тыс. , т.е. в 10 раз выше. За этот период активность работников металлургической отрасли (16) выросла почти в 3 раза. «Длительные марши протеста организовали работники атомных электростанций, в частности, Смоленской АЭС. Волнения прошли в

Российском федеральном ядерном центре, расположенном в г. Снежинске Челябинской области, на ряде авиационных заводов, на предприятиях ВПК (военно-промышленного комплекса) в городах Красноярске, Златоусте, Муроме, Северо-Двинске, и Большом Камне (Приморский край)” (17).

В протестном движении в это время *использовались такие формы борьбы* как 1) **обращения** к руководству (завода, города, области, региона, президента, к парламентариям, органам исполнительной власти, 2) **рассмотрение дел в судах**, 3) **пикеты**, 4) **митинги**, 5) **уличные демонстрации**, 6) **голодовки**, 7) **марши протеста** и др.

Если эти меры не давали никаких результатов, то тогда *бастующие начинали переходить и к более радикальным*, а иногда и просто к силовым *методам борьбы*: перекрытие транспортных магистралей, блокирование взлетных полос аэродромов, а также захват заложников из представителей местной администрации и директорского корпуса. Так, например, “в ноябре истекшего года авиаторы аэроклуба “РОСТО” (Ставропольский край) угнали вертолет МИ-8, заявив, что вернут машину лишь после того, как им будет погашена задолженность по зарплате с 1996 года”, т.е. еще за прошлый год. А вот другой пример - горняки Анжеро-Суджинска (Кемеровская область) в декабре перекрыли движение по Транссибирской железнодорожной магистрали, потребовав погашения задолженности по зарплате за прошедшие полгода. В результате были блокированы 9 пассажирских и 14 грузовых поездов (18).

В этот период акции протеста обретают характер солидарности общегородского и общерегионального масштаба, в которых участвуют работники разных отраслей..

Но именно в конце 90-х гг. на фоне убывающей активности протестного движения появляются качественно новые формы борьбы. И в первую очередь, это **рабочий контроль (ЯМЗ)**, которые установили сами рабочие, чтобы сразу решить несколько задач. Активисты начинают использовать и **прямые**

действия для предотвращения разграбления предприятий, и налаживания элементарного порядка в производстве и финансовой сфере. И среди таких действий в этот период все более частой становятся **оккупационные забастовки**, когда выдворяют прежнее руководство и берут контроль за предприятием в свои руки, как это случилось на ЛМЗ.

Однако во многих случаях прямые действия по наведению порядка и налаживанию первых шагов рабочего контроля не исчерпывают конструктивной активности трудящихся. Они идут дальше, **видоизменяя отношения собственности** (например, на ВЦБК).

5. Политическое содержание и цели протестного движения

Существенно, что в настоящее время конструктивные действия рабочих по сути дела проходят **под левыми лозунгами: солидарность, рабочий контроль, учет, борьба за общественную собственность и самоуправление.** При этом, как и следовало ожидать, разные политические партии, группы и группочки пытаются оседлать это движение. Трудящиеся и их лидеры, не скрывая в большинстве своем левых взглядов, пока разумно воздерживаются от того, чтобы однозначно слиться с какой-либо из существующих партий и это очень позитивный знак. **Новое движение по сути своей стремится быть политически самостоятельным.** Об этом значительно подробнее написано в главе «Партии и рабочее движение».

И здесь важно не повторить фундаментальных ошибок движения трудовых коллективов 1990-91 годов, создав мощные тогда еще общественные структуры, оно не заняло определенной политической позиции, не создало органов всего политического представительства и защиты и это стало одной из причин его угасания. Если в будущем трудящим удастся создать свое достаточно мощное политическое движение, которое бы выражало их интересы

и отстаивало их во властных структурах, соединившись с левой интеллигенцией, готовой ей помочь своими знаниями, подпитываясь от них энергией и опытом, то это может стать качественно новым фактором социально-политической жизни России в 21 веке.

Как показали проведенные нами обследования флагманов протестных предприятий, трудящиеся выражают недовольство в первую очередь против самой идеи приватизации, ее итогами и последствиями. Получив горький урок приватизации, способствовавший во многом чрезвычайному ухудшению жизни большей части населения, *наиболее активная и сознательная часть работников, выступила за недопущение насильственной приватизации своих предприятий* (как это имеет место, например, государственном предприятии «Мосхимфармпрепараты»), *либо за его деприватизацию*. В этом они находят, как свидетельствуют, многочисленные опросы, поддержку со стороны подавляющего большинства сограждан, что при соответствующих условиях способно взорвать здание российской приватизации – ядро проводимой экономической реформы.

I. Эскизы к портретам

Маяковский среди рабочих мира
был настолько свой, он – настолько они,
что спокойно мог дымить на них
английским табаком из английской трубки
и сверкать на них черным лаком
парижских башмаков и
собственной парижской машины
только радость: своему повезло
и говорить рабочим «ты».

М. Цветаева

1.1. Эскиз первый.

Алексей Кузнецов – рабочий авангард на «краю света»

1. 1. Знакомство

Владивосток. От Москвы до него лететь почти как до Нью-Йорка - десять часов. Выйдя из самолета, меня никто не встречал – только морозный ветер. Я отправилась искать автобус, который бы довез меня до города. Дверь автобусной станции, которую я с радостью обнаружила, вмерзла в обледеневшее крыльцо ровно настолько, что вовнутрь можно было войти только боком, причем, предварительно раздевшись. Но из этой полуоткрытой двери все-таки раздавались чьи-то женские голоса. Как они туда попали? Видимо, во внутрь мог войти только голос, а вот весь человек целиком - уже нет. А войти хотелось, т.к. мороз «кусался» уже изрядно, но автобусы так и не появлялись. Правда, рядом стояло много импортных частных машин (как потом выяснилось, это поддержанные автомобили из Японии, которые обходятся горожанам дешевле, чем «Жигули»), но попутчика никто не хотел брать.

Все устойчивее охватывало ощущение (оно потом повторялось), что Владивосток – это «конец света» и не только потому, что здесь в январские морозы действительно часто не было света (катастрофа с электроснабжением продолжалась), а день и ночь поменялись своими местами. Просто, многое из того, что составляет для большинства москвичей незыблемость основ столичной жизни, здесь за восемь тысяч километров сразу становилось картонным и неубедительным. «Авторитет» столицы, диктующей как жить всей стране – здесь «на краю света» сокращался как «шагреновая кожа», а зачастую казалось, что уже вообще нет никакой Москвы, а есть только этот

суровый и замерзший город Владивосток. В нем я надеялась найти и встретиться с теми людьми, кто, пытаясь отстаивать права и достоинство рабочего человека, тем самым хоть как-то противостоял этому уродливому режиму, что сегодня господствует в России.

Не зная никого в городе, я решила ехать прямо на «Дальзавод», о событиях на котором я немного была наслышана.. Я понимала, что попасть на него мне будет очень непросто, впрочем, как на все протестные предприятия. Но данная ситуация была еще сложнее, т.к. завод относился к оборонной промышленности. И действительно, получение пропуска мне далось большим напряжением нервных усилий в борьбе между их (административным) скрытым, но упорным - «не пущать» - и моим настойчивым - «надо».

Вообще, попадание на протестные заводы, где администрация стоит в оппозиции к своим рабочим, и потому не очень жаждет видеть посторонних - это задача не из легких, если, конечно, вы не представитель власти или капитала. Уже само обсуждение с администрацией проблемы получения вами пропуска на завод чем-то похоже на проникновение иглы под кожу: и здесь и там по мере проникновения в суть дела (тела), вы чувствуете, как болезненно дергаются задетые нервы, кстати, не только администрации, но и ваши. Автор этих строк испытывал это на себе и не раз. Возникающая по этому поводу социальная нервозность администрации, в большей степени очевидная именно в начале переговоров, уже сама по себе достаточно красноречиво говорит о том какая в России нервная, агрессивная и в целом - стрессовая экономика. Впрочем, это закономерно - у криминального капитала всегда плохо и с нервами, и с психикой.

Но в то морозное утро «Дальзавод» я все-таки «взяла», хотя и с трудом – в руках я держала пропуск. А с героем «Дальзавода» я познакомилась не на заводе, где я была днем (как выяснилось – администрация его туда уже не

пускала), а лишь вечером на одной из встреч с представителями местного отделения ВКПБ, которая немало помогала всем протестным трудовым коллективам города. Основной зачинщик акций солидарности с бастующими рабочими - первый секретарь ВКПБ Потапейко Виктор Николаевич, как раз и организовал эту встречу, на которой я рассказывала собравшимся о выступлениях рабочих в других регионах России, а потом уже сама слушала о происходящих событиях в Приморье. Встреча на редкость была толковой, полезной и теплой. И конечно же, основная организационная заслуга в этом была Виктора Потапейко. Открытый, не демагогичный, теоретически грамотный и критично мыслящий, он уже только этими качествами заметно отличался от политического стиля московского и питерского руководства своих единомышленников. Жизнь еще раз подтвердила правоту слов, что *людей надо оценивать* не по названиям и заслугам тех организаций, в которых они состоят, а *по их личному участию в реальных и практических делах* на благо выбранных ими идей.

И вот на этой встрече я как раз и познакомилась с героем данной истории. Помню, как в маленькую комнату, где собрались рабочие, вошел мужчина около 40 лет, высокий, крепкий с русыми волосами. Всей своей статью он походил на богатыря – героя русских сказок. Это был Алексей Кузнецов. Биография его лаконична: родился в Сибири, служил на флоте матросом, вернувшись после службы, закончил институт и стал работать инженером – энергетиком. Алексей Кузнецов – человек слова, что означает «сказал = сделал». И действительно, все свои слова он всегда подкрепляет делом и поступком. Будучи человеком разносторонним, Алексей обладает еще достаточно редким качеством – умением спокойно организовать людей на то или иное дело. И видимо эта способность наряду с его высоким профессионализмом позволили ему за достаточно короткий срок подняться до уровня одного из ведущих энергетиков завода.

1.2. Дальзавод

Но в полной мере все его достоинства, как этот ни странно проявились не столько в советские времена, сколько уже в условиях российского капитализма - «бессмысленного и беспощадного». Его история как профсоюзного лидера «Дальзавода» и борца за интересы рабочих началась с того момента, когда работникам завода перестали выплачивать заработанную плату в полном объеме и регулярно (от семи месяцев до двух лет). Алексей начал добиваться встречи рабочих с директором завода, а это дело непростое. Не зная как отказать настойчивому профсоюзному лидеру, директор тогда сделал контр-предложение. «Хорошо, мы попытаемся решить этот вопрос, - сказал он, - но только пусть эти рабочие, за которых ты хлопчешь, сами придут ко мне». Спорить с этим было трудно, и Кузнецов пошел в цех за рабочими. Но они отказались идти к директору - так велик был их страх. А ведь директор как раз на это и рассчитывал. Своим решением он «убивал сразу двух зайцев»: во-первых, теперь у директора появлялось основание и далее не выплачивать рабочим зарплату, а, во-вторых, формально он вроде не виноват и более того - готов решать проблему.

Но если позиция директора вызывает возмущение, - говорил мне Алексей, то позиция таких рабочих - глубокую растерянность. Это до какой же степени велик страх, если рабочие, у которых администрация крадет их зарплату (а невыплата – это и есть кража), так и не сделали ни одного шага, чтобы изменить свою ситуацию. Но ведь отсутствие зарплаты – это постоянное недоедание, что особенно чувствительно в зимнее время, когда квартиры отапливаются слабо.

А насколько в январе в домах было холодно, я могла судить уже хотя бы по тому, что в гостинице, в которой я поначалу жила и которая отапливалась лучше, чем жилые дома, мне все же пришлось спать, не снимая с себя теплой шубы. И действительно, погода, при которой средняя температура зимой составляет 20-25 градусов и при этом сохраняется господство ветров при

высокой влажности воздуха - такие условия рожают массу серьезных проблем, а порою становятся и вовсе жизненно опасными, когда происходит длительное отключение электроэнергии (иногда и по 20 часов). Я сама была свидетелем митинга, который проходил в один из зимних дней и на котором люди стояли с таким плакатом - "Чубайс, мы вышли на улицу погреться», а вот еще: «Наздратенко! Прекрати холодную войну со своим народом!» И если эта ситуация для меня была временной, то для людей, большинство из которых не очень здоровы, не очень сыты да еще с детьми - эти муки продолжались изо дня в день.

Но если возвращаться к нашим рабочим, то мое глубокое убеждение, что страх большинства из них – это социально-психологический продукт трех эпох. **Сталинизм лишил человека социально-политической самостоятельности, брежневизм превратил** этого социально-надломленного человека **в частного человека**, или попросту говоря – **в мещанина**, а **ельцинизм** (для которого убить человека, стрелять в парламент по живым людям из танков среди бела дня, да и просто начать войну со своим народом, как в Чечне – все это норма российской «демократии») **просто физически запугал этого атомарного частного человека.**

Тем не менее, Кузнецов по решению цехового профсоюзного комитета организовал четыре акции отказа от работы в связи с невыплатой зарплаты. Более того, в знак протеста против политики заводской администрации, он вместе со своими активистами организовал акцию, в соответствии с которой все работники энергетического цеха № 36 вышли на свои рабочие места, но к работе не приступили. Сразу прибежало взволнованное начальство, но их беспокоили не проблемы жизнедеятельности завода. Вовсе нет, ибо в состоянии бездействия это предприятие находилось уже давно: многие основные цеха либо совсем не работали, либо были загружены на одну треть.

В действительности, администрацию беспокоило другое: созданные ею непосредственно на территории завода более десятка фирм, которыми

заправляли их прямые родственники, оказались без электроснабжения. Надо сказать, что именно создание этих фирм, куда и стали перекачиваться основные средства "Дальзавода" как раз и стало основной причиной истощения, а в конечном итоге – и полного развала предприятия. Причем, если бы эти фирмы были хотя бы производственными. Но их основная "деятельность" была связана со спекулятивной распродажей заводского оборудования, содержащего цветные металлы. **Спекулятивная распродажа ресурсов, а не производство - вот что является характерной чертой деятельности новых российских «промышленников», находящихся в тесном союзе с криминальным капиталом.**

И "Дальзавод" - здесь не исключение. Вот почему Кузнецов и его товарищи, выступая против политики администрации, реально разорившей завод, пошли на отключение всех этих паразитических фирм от электроснабжения, в результате чего перестали работать все их компьютеры. После этого разъяренная администрация завода сразу примчалась в энергетический цех, требуя подать электроэнергию. "Пожалуйста, включайте" - ответили им рабочие. Но начальство, будучи безграмотным в этих вопросах, оказалось бессильным в этой ситуации. После пары не удачных попыток оно в бешенстве покинуло цех, оставляя угрозы в адрес председателя цехового комитета профсоюза Кузнецова Алексея. Пример борющегося цеха № 36 стал заразителен. Начались волнения в других подразделениях завода: в 4-ом (кузнечном) и 42-ом (плавцехе).

Алексей вместе со своими товарищами сумел добиться от директора частичной выплаты задолженности по заработной плате. Но за это рабочим пришлось заплатить и не мало. В дни забастовки администрация предпринимала методы запугивания и угроз, чтобы сломать людей и сломить их к штрейкбрехерству. В результате такого психического давления у одного пожилого работника случился сердечный приступ, от которого он вскоре скончался в больнице. И конечно же, сразу началась волна репрессий по

отношению к Кузнецову и его трем товарищам. Администрация издала приказ об их увольнении, более того, она подала на Алексея в суд.

1.3. Поединок

Но Алексей не растерялся. Он сам стал готовиться к судам: купил книги по правовым вопросам, засел за тщательное изучение КЗОТа - ведь у рабочих, как правило, нет своих юристов. Специалисты – правовики сегодня, как правило, стараются обслуживать капитал, и потому почти все устремлены на то, чтобы выгодно продать себя на рынке экономических и политических услуг. А что касается оказания юридической помощи бастующим рабочим, то здесь, к великому сожалению, большинство юристов соответствуют известному высказыванию: «Есть ли в России честные юристы? Конечно, есть. Но они стоят дороже».

Вот почему Алексей серьезно засел за книги, чтобы основательно изучить все новые понятия, статьи кодексов. Изучением материалов приходилось заниматься даже по ночам. Сегодня профсоюзные и рабочие активисты, оставшись реально без своих юристов, вынуждены сами самостоятельно осваивать эти знания и всю эту правовую казуистику. Причем, это касается вопросов не только права, но и экономики, психологии, социальной проблематики. Но весь этот штурм юриспруденции не оказался для Алексея напрасным. Свой первый суд он выиграл, и это было его большой личной заслугой. Убедительность аргументов, грамотная форма их подачи, корректное поведение на суде и главное - моральное превосходство Алексея Кузнецова - все это позволило одержать победу на суде, став одновременно и нравственным вызовом, и пощечиной всем этим продажным служителям Фемиды. И эта победа была тем более ценна и убедительна, что судебный процесс происходил не где-нибудь, а во Владивостоке, отличающимся особым произволом местных властей. В поддержку активистов «Дальзавода» стали приходить телеграммы солидарности от трудовых коллективов таких городов как Магадан, Чита, Пермь, Тула.

Центр в поддержку рабочего движения при общественно-политическом движении "Альтернативы" (координатор - профессор А.Бузгалин) регулярно издавая свой рабочий бюллетень для активистов протестного движения, в одном из них даже специально опубликовал стенограмму выступления Алексея Кузнецова на этом суде. Мы посчитали, что, во-первых, это уже исторический документ рабочего движения в постсоветской России. А, во-вторых, речь Кузнецова на суде - это просто методика того, как можно и как нужно защищать свои интересы в российских судах.

Но этот успех Алексея разозлил заводскую администрацию еще сильнее. Проиграв свое дело против Кузнецова, она не могла не выполнить решение суда, но в тоже время хотела любой ценой избавиться от него. И поэтому она приняла такое решение: с одной стороны, восстановить Кузнецова на своем рабочем месте, ибо это было решение суда, а, с другой - на завод к рабочим его все-таки не пускать. Для этого она развесила на всех проходных завода его фотографию с надписью "На завод не пускать". Такой прием с фотографиями обычно применяют, когда разыскивают уголовного преступника. Правда, такой метод еще использовали фашисты во время Второй мировой войны, пытаясь найти партизан.

Тем не менее, на следующий день после суда Алексей Кузнецов утром идет на завод, но на проходной его останавливают охранники. «На территорию завода идти нельзя. Не велено пускать» - говорят они ему. Между охранниками и Алексеем завязывается разговор. Не очень понимая, в чем суть дела, они из любопытства пытаются узнать почему его - специалиста такого высокого класса, непьющего, спокойного, вежливого в общении с товарищами, более того, пользующегося среди них авторитетом - тем не менее, на завод не пускают. Между Кузнецовым и охранниками завязывается разговор, из которого они с удивлением для себя узнают, что оказывается, он пострадал только за то, что помог своим товарищам получить честно заработанные своим трудом деньги.

Узнав об этом, охранники попросили Алексея рассказать, как же это он сумел "выбить" из начальства заработную плату, которую им тоже постоянно задерживают. «Хорошо, - сказал Алексей - я готов Вам помочь, только не здесь же – прямо в дверях проходной». Охранники согласились, что надо поговорить, но как-то по-человечески и постарались незаметно для чужих глаз пропустить Алексея на завод в свою служебную комнату. Разговор был долгим, ибо Алексей говорил не только о заработной плате, но и о проблеме самоорганизации рабочих в целом, без чего нельзя добиться даже маленького успеха.

Но все же, кто-то заметил эту встречу, и уже на следующий день об этом было донесено начальству. Через два дня эти двое охранников были уволены с завода. Вот так они расплатились за свое право на информацию. Больше Алексея на завод не пускали. Но это не остановило его. Он продолжал вести свою профсоюзную борьбу, встречаясь со своими товарищами, но уже в помещении заводского профсоюза, который вынесен за территорию завода. Более того, уже дома он начинает издавать на своем личном компьютере (и что очень важно – регулярно) информационный бюллетень, ставший альтернативой официальной заводской газете «Авангард», находящейся под контролем дирекции завода. В них он давал информацию не только о всех решениях городских и краевых властей, касающихся вопросов настоящего и будущего завода, но и о протестных событиях на других предприятиях Владивостока.

И уже эти размноженные информационные бюллетени его товарищи проносили на завод в столовую и незаметно оставляли на столе, к которому рабочие подходили за вилками и ложками. Кто не боялся - забирал информационный листок, а кто боялся – узнавал от товарищей, но в любом случае информация расходилась по заводу.

Несмотря на то, что Кузнецова не пускали на завод, он, тем не менее, продолжал через суды выбивать задолженность по заработной плате своим

товарищам. За все это время он сумел выиграть не много - не мало, а еще пять судов! Но чем ярче был личный успех Кузнецова и чем значительнее становился его авторитет на заводе, тем сильнее он превращался в личного врага заводской администрации. К этому времени Алексей Кузнецов был включен в региональный список кандидатов в депутаты Государственной Думы от избирательного блока № 7 «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз». Вот, кому бы понадобилась депутатская неприкосновенность, в отличие от полукриминальных «авторитетов».

Понимая, что этого, уже известного даже в рамках города профсоюзного лидера нельзя купить, хотя такие попытки были, администрация начала использовать по отношению к нему приемы психического давления. В частности, она пыталась запугивать рядовых работников завода, чтобы они избегали общения с Кузнецовым. Администрация стремилась создать вокруг него вакуум. Если администрация видела, что кто-то общается с Кузнецовым - это верный знак того, что по отношению к заподозренному начнутся преследования, а в условиях сокращения он – верный кандидат на увольнение.

1.4. Цена победы

Вот почему в одном из ночных разговоров Алексей мне с горечью сказал: "А вы знаете, иногда идя по улице, я вижу, как идущий мне навстречу рабочий начинает спешно переходить на другую сторону улицы. Пытаясь встряхнуть от страха своих рабочих, я начал ходить по их домам и разговаривать с их женами. Оказывается, что они более смелые, чем их мужья".

Слушая все это, я думала, что **протестное движение, уже в силу своих моральных основ является альтернативным**. И действительно, рабочий как никто другой (служащий или интеллигент) оказывается в положении очень жесткой нравственной альтернативы: либо он солидаризируется со своими профсоюзными и рабочими активистами, которые защищают права человека труда, либо он их просто предает.

В стороне стоять не получится - третьей позиции нет. Но не смотря ни на что, Кузнецов продолжал свою профсоюзную борьбу. Здесь необходимо сказать об одной важной детали: Кузнецов являлся не освобожденным профсоюзным лидером, т.е. заработную плату он имел только за свою работу в качестве инженера – энергетика. А всю свою профсоюзную работу он выполнял на общественной основе, не получая за это никаких денег, более того, часто даже наоборот выкладывая из своего собственного кошелька.

О важности этого момента Александр Бузгалин говорит постоянно на организуемых нашим Центром семинарах с рабочими и профсоюзными лидерами. И деятельность Алексея Кузнецова подтвердила эту непростую истину. Будучи освобожденным профсоюзным активистом, он не имел никаких материальных стимулов в отношении своего лидерства. Наоборот, у него были все основания расстаться со своей профсоюзной деятельностью, ибо для этого надо было постоянно тратить не только время, силы, нервы, но и деньги.

Насчет денег стоит сказать особо. Администрация, вопреки своему собственному желанию восстановив Алексея на рабочем месте после того, как он выиграл дело в суде, решила применить к нему экономический прессинг: она назначила ему самый маленький по заводу оклад, да и то, выплачивая его частично. Это делалось специально. А ведь Алексей являлся специалистом высочайшего класса, талантливым профессионалом. Здесь надо сказать, что в советские времена на оборонные предприятия кадровый отбор был очень строгим: на них, как правило, брали специалистов высококвалифицированных, очень толковых и способных.

Сегодня политика директоров ориентирована на прямо противоположные интересы: на выдавливание с предприятий наиболее талантливых, наиболее квалифицированных и толковых специалистов. И это в очередной раз подтверждает, что вовсе не на производственные задачи ориентирована их политика, если они так поступают со своими кадрами.

А если вернуться к нашему герою, то про него можно смело сказать, что при тех условиях, которые ему были созданы на «Дальзаводе» оставаться на нем и далее у него не было никаких стимулов. Здравый смысл диктовал одно – надо уходить. Остаться в качестве профсоюзного лидера? «А зачем эта лишняя головная боль, когда все равно ничего не изменишь?» А остаться в качестве специалиста – «так с такими «мозгами» всегда можно найти денежную работу даже в условиях конкуренции». Так видимо, рассуждала администрация про Алексея Кузнецова с позиции здравого смысла. И действительно, заводская власть сделала все, чтобы у Алексея возникло сильное желание уйти с этого завода и как можно скорее. *Все было против него.*

Но ни на того напали. Алексей опрокинул *позицию здравого смысла*, которую, кстати, очень любят либералы и которая, по большому счету, всегда проигрышна. Он поступил по-другому: он нашел себе работу грузчика, чтобы хоть как-то кормить семью и учить дочь-старшеклассницу, которая, выиграв несколько международных научных олимпиад для школьников, подавала большие надежды и собиралась дальше серьезно учиться.

Так что, Алексей не только не бросил свою профсоюзную борьбу, но и стал специально зарабатывать, причем, черной работой буквально (работу грузчика трудно назвать чистой и я помню его руки с темными складками) на то, чтобы иметь возможность эту борьбу продолжить. Так что вопреки вульгарному здравому смыслу **Кузнецов** не только не бросил профсоюзную борьбу, но стал специально зарабатывать на ... (не только хлеб) возможность продолжить свою борьбу, но уже не только за интересы рабочих, но и за сохранение завода, который разворовывался прямо на их глазах.

Администрация, понимала, что **Кузнецова** купить нельзя, скомпрометировать нельзя, выгнать окончательно с завода нельзя, Тогда она решила попробовать придаться к нему уже с другой стороны, чтобы парализовать его общественную активность. Кстати, в практике борьбы с

профсоюзными лидерами представители российского капитала и власти почти всегда используют подлые методы: это и постоянные телефонные, а зачастую и просто прямые запугивания активистов и их родственников; это калечение и убийство собак; это и неожиданные нападения с избиениями или переломами; это и незаконные аресты.

Но по отношению к Кузнецову заводская администрация, исчерпав к нему все возможные приемы воздействия и убедившись в собственном бессилии, решила «давить» его посредством ГАИ. А что? Я не знаю как в других странах, а в «демократической» России и ГАИ может быть карательным органом. Почему бы и нет? Безосновательное лишение водительских прав, арест машины и многое другое – все сгодится для такого дела, тем более, что машина у Алексея была.

Здесь надо сказать, что вопрос личного транспорта для жителей Владивостока очень актуален и потому многие из них обзаводятся старыми подержанными японскими машинами. Поэтому, глядя на проезжий транспорт, можно подумать, что ты в Японии двадцатилетней давности. И причина этого – вовсе не рост уровня благосостояния горожан, ***а монополизация энергетической системы Чубайсом, в результате которой Дальний Восток особенно в зимний период оказывается без электричества.***

Как все приморские города, Владивосток очень растянут вдоль побережья и потому без машины здесь крайне неудобно. Общественный транспорт, столь популярный в советские времена, сегодня стал ненадежным средством передвижения. Перемещаясь по городу на трамваях (они более доступны, чем автобусы), я часто оказывалась в ситуации, когда подача электричества вдруг прекращалась, и трамвай замирал-замерзал на рельсах.

Такие вынужденные остановки могли длиться от 20 до 40 минут и более. Но самое плохое во всем этом – это невозможность прогнозирования ситуации на этот счет: то ли оставаться в замерзшем трамвае и ждать когда он пойдет, то ли идти пешком. Но если я еще могла позволить себе опоздать,

рискуя потерять то, чем никогда не обладала, т.е. потерять репутацию пунктуального человека, то человек, работающий на заводе, такое себе позволить себе уже не мог.

Вот почему машина во Владивостоке при всей дороговизне бензина, важна не как роскошь, а как средство выживания. И именно поэтому администрация «Дальзавода», фактически отняв у Кузнецова заработную плату, теперь решила лишить его еще и машины. И надо сказать, что ей это удалось. Только ей не удалось одного - испугать Алексея. Он по-прежнему со своими товарищами продолжал вести профсоюзную борьбу.

1.5.Затаенное

Поездив по разным городам и заводам (от Выборга до Владивостока, от Питера до Севастополя) моей страны (страны, которая для меня сегодня не имеет имени: называть ее "СССР" нельзя, т.к. его уже больше 10 лет нет, а "Россией" - не хочется, не выговаривается, т.к. это имя - продукт распада), а также разговаривая с людьми на заводах, на станциях, в поездах, в гостях - почти всегда, как только разговор становится более откровенным, нельзя не увидеть в них глубоко затаившегося гнева против сегодняшнего режима. Этот гнев как спрессованная энергия невыраженного **чувства оскорбленного достоинства** за себя, за страну, за свою прошлую историю; **страха перед будущим, горечи за** постыдную безответность и **беспомощность** перед криминальным режимом, перед войной в Чечне, уже давно ставшей циничным бизнесом, где на входе тела чеченских и русских солдат, детей, женщин, а на выходе чьи-то конкретные деньги - темный и опасный сплав всех этих чувств сегодня густо разлит по человеческим душам.

Экономисты говорят, что сегодня многие процессы приняли необратимый характер. Видимо, то же самое можно сказать и про этот гнев, который, на мой взгляд, уже нельзя растворить никакими подачками и никаким заигрыванием

властей с народом. Глубинное недовольство, как и экономический кризис также приобрело необратимый характер. И что из этого будет - я не берусь говорить.

Я только до сих пор не могу забыть, что мне сказали молодые безработные рыбаки январским вечером во Владивостоке, торгующие на улице замерзшей рыбой - это то что им удалось поймать, сидя по несколько часов на морозе: "Ну, что рыболовецкого флота у нас нет - продали, но у нас и моря нет - все квоты на ловлю рыбы тоже продали. Вот что нам сейчас делать? Чем кормить своих детей? А нас таких здесь не сотня и не две. Хотя бы война гражданская что-ли началась, я бы тогда знал, что делать. Слава богу, воевать умею, как никак прошел войну в Афгане. Ладно, мы уже пожили (как потом выяснилось ему только 42 год), а вот дети как наши будут жить- не знаю, боюсь думать».

Я тогда спросила, а какое событие было для него самым счастливым. Отпив несколько глотков водки прямо из бутылки (для него, ловящего рыбу несколько часов на морозе, а потом еще и продающего ее также на морозе, водка - не только еда, но еще и средство, чтобы не замерзнуть), аккуратно вытерев рот рукой, широко заулыбался – «Да, это несколько дней, что мы были с женой после свадьбы».

Владимир оказался самым открытым и смелым, остальные рядом стоящие, слушали его с улыбкой, испытующе и украдкой смотря на меня. На лицах этих безработных рыбаков, отогревающихся от общего разговора, начали оживать в общем-то молодые глаза, какая-то детская наивность; в разговор пошли шутки. Уходить от них не хотелось. На прощание, когда уже совсем стало темно (в округе светилось лишь несколько фонарей и это в центре Владивостока) мы сфотографировались моей "мыльницей". Каким же было мое огорчение, когда уже в Москве я узнала, что эти фотографии не получились, но пленку все равно храню.

1.6. Алексей

Приближался день моего отъезда из Владивостока. К этому моменту, хотя усталость была чертовская, я чувствовала, что здесь мною прожит какой-то плотный и нужный (может быть, не только для меня) кусок жизни, общей со всеми с кем я общалась. А их было немало: с утра до вечера встречи с профсоюзными лидерами, активистами и рабочими на предприятиях, изучение документов, а вечерами – лекции и беседы с теми, кто оказывал поддержку протестным коллективам.

И уже совсем поздно вечером, после одиннадцати часов и до глубокой ночи, согреваясь горячим чаем, мы втроем (Галина Ивановна – одна из местных левых активисток, забравшая меня к себе жить, Алексей и я) долго разговаривали, пытаюсь разобраться во многом. Речь шла не только о ситуации на "Дальзаводе». Я рассказывала о других протестных предприятиях, и что в связи с этим делаем мы – ученые из «Альтернатив». С большим интересом и удивлением (неужели это правда?) они слушали мой рассказ о том, что делают наши товарищи - левые стран Балканского полуострова, Западной Европы, Америки и т. д.

Но даже, когда Алексей уходил, долго не засыпалось от сильных впечатлений, тревожных мыслей, вопросов, что и как нужно делать дальше. Думалось обо всех сразу и о каждом по отдельности, с кем я встречалась в эти дни на предприятиях, с кем стояла в промерзших трамваях и кого видела за его окнами. И думалось, что же нужно, чтобы все эти люди труда, стяхнув с себя этот обветшалый, уродливый, бесчеловечный и не талантливый мир, наконец-то объединились бы в такое МЫ, которое начнет творить историю и заявит себя в культуре радостью новых отношений между людьми. Да, конечно, в этом новом мире тоже будут и трудности, и страдания, но не те, которые оскорбляют и унижают человека как это есть сегодня, а те страдания,

которые неизбежно сопровождают любое созидание, в том числе, и новой жизни.

И, конечно же, Алексей и был одним из тех, кто со своими товарищами как раз и делает не только **социальный**, но и **культурный вызов** жалкой **российской реальности**. Надо сказать, что Алексей был **интересен** мне не только **как человек поступка**, но и **как личность**: широтой своего мировоззрения, отсутствием догматизма любого рода, способностью диалектически рассуждать на достаточно сложные темы.

Как человек глубокий и имеющий самостоятельную позицию, он умеет спокойно выслушать противоположное мнение. Алексей обладает чрезвычайно редким (даже для людей науки) качеством: обнаруженную у собеседника в ходе разговора противоречивость взглядов, он объясняет противоречивой природой самой реальности, а вовсе не пытается усматривать в этом вражеский умысел, скрытую недоговоренность или хитрость собеседника. А ведь именно таким подходом страдает сегодня большинство российских левых, независимо от возраста.

Или, выражаясь по-другому, у Алексея отсутствовал такой феномен, как «сталинизм мышления», понимая под этим не столько любовь к товарищу Сталину и его политическим методам, сколько такой подход, при котором законы исторического развития сводятся к мистической силе тех или иных супер-персон. А кого в этом смысле имеют в виду: бога, царя, генерального секретаря или президента - в данном случае это уже не столь важно. Не случайно, для интеллектуальных сталинистов (если брать в расчет их реальный подход, а не то как они себя называют) ход истории определяется не развитием общественных противоречий, а силой того или иного заговора. И тому примеров немало: от российских сталинистов (с их «жидо-массонским заговором») до либералов (для которых Ленин – немецкий шпион, а вся Октябрьская революция – заговор кучки авантюристов- большевиков).

К сожалению, этим интеллектуальным сталинизмом в значительной степени страдает и большинство современных троцкистов, не умеющих мыслить противоречиями, что, на мой взгляд, является одной из наиболее серьезных методологических проблем левых. И, как один из характерных признаков этого: большинство современных левых, как в России, так и на Западе скорее предпочтут говорить и спорить по поводу того, что сказал Сталин Троцкому и что из этого вышло, чем анализировать те современные проблемы и противоречия, которые, не смотря уже на другой виток истории и уже в отсутствии «отца всех народов», тем не менее, порождают сталинизм, хотя и в новых формах.

Интеллектуальным сталинизмом заражены и российские либералы. С утра до ночи их СМИ передают, что Чубайс сказал президенту, а Путин - Бушу, а вот каково реальное мнение и состояние общества - это уже для них уже не интересно... пока ...Пока такие события как протестные выступления рабочих в России или – Всемирный форум в Порту-Аллегри не заставляют их так или обращать свой слух в сторону общества. Но об этом они предпочитают молчать. Тогда об этом говорить должны мы.

Утром мой самолет поднялся в морозный воздух. Десять часов полета. Впереди - Москва. Позади – Владивосток. Увижусь ли со своими вновь обретенными товарищами снова? Теперь нас разделяет страна, когда-то объединяющая людей не только СССР, но и всего мира. Но все равно - мы уже знаем друг о друге. И это уже немало.

1.2. Эскиз второй.

Трагедия таланта

(Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат)

2.1. Первая встреча и ночной разговор

Осенний Питер. Уже стемнело. Я спешила к гостинице «Октябрьская», где меня с машиной ждал Владимир Тонни – заместитель председателя профкома Ленинградского металлического завода. Мы собирались ехать на Выборгский ЦБК. В машине кроме Тонни был еще один незнакомый мне молодой человек. Как потом выяснилось, это был журналист одного из каналов Центрального телевидения из Москвы. Мы ждали председателя профкома ВЦБК – Кирякова Виталия Витальевича, с которым я еще не была знакома. Когда я была на комбинате первый раз спустя несколько часов после ночного захвата (14 октября, между 5 и 6 часами вечера), то среди тех профсоюзных активистов, с кем мне довелось общаться В. Кирякова я тогда не встретила.

А сейчас в машине он появился как-то незаметно, но с его присутствием сразу же возникло ощущение, что в салоне стало тесно. От него шла волна концентрированной энергии, не смотря на то, что время было уже позднее. Представившись нам, он сразу же деликатно, но прямо задал мне и сидящему рядом журналисту вопрос - кто мы такие. Все правильно.

В моей деятельности, связанной с поддержкой и изучением протестного движения, всегда есть один не очень приятный момент, когда мне приходится спрашивать у собеседника разрешения записать предстоящий разговор на диктофон, чтобы потом с этим уже спокойно работать. А неприятность связана с тем, что, во-первых, уже самим этим вопросом я невольно вызываю у него неожиданное напряжение. Ведь время в России сегодня темное, неизвестно что чем обернется. «Может быть в этой затее ничего страшного и нет, но все равно, как-то получается так, что она послушала, записала все и потом ушла со своим диктофоном, а я сиди и думай, не случится ли после этого чего дурного. Ведь если она это записывает, значит для чего-то ей все это нужно.» - так, наверняка думает про меня каждый мой новый собеседник.

И действительно, почему он, видя меня первый раз, должен мне доверять? Сегодня в России, когда большинство людей, выйдя из прошлого с советской ментальностью, в которой было много от детской по своему характеру социальной наивности (доверия к слову, обещанию, а также веры в государственные институты власти) сразу оказались в криминальном капитализме - в такой ситуации очень трудно сохранить готовность верить любому слову, даже красивому. Ведь за свое прежнее доверие почти каждый человек в России (не о власти речь) заплатил лично: как минимум – серьезными проблемами, как максимум – был обкраден, потеряв многолетние накопления или свое единственное жилье – всех несчастий не перечислишь.

И, во-вторых, когда я спрашиваю у собеседника позволения использовать диктофон, то я в любом случае ставлю его в принудительное положение. Ведь дав согласие на общение, собеседник уже тем самым, выразил мне определенное доверие, а своим вопросом о разрешении записать весь разговор на диктофон, я, как бы, проверяю на прочность его первоначально оказанное мне доверие и желание говорить со мной.

И если человек даже по уважительной причине мне хочет отказать, то формально в его же собственных глазах он выглядит вроде бы трусом, даже, если в действительности им и не является. В любом случае, мой вопрос вынуждает его комментировать свой отказ. И эта вынужденность положения, в которое ю я ставлю своего собеседника, как правило, уставшего после работы и спешащего по своим делам, но тем, не менее, стремящегося мне помочь, уже сама по себе тяготит меня.

Но главное (и этого уже боюсь я) - это то, что мой вопрос, связанный с диктофоном, может вспугнуть хрупкое доверие, которое появляется в начале встречи, и без которого разговор становится формальным, мало что дающим к пониманию интересующих меня событий. Поэтому я всегда предлагаю человеку сделать дубликат записи и для него. Но от этого, как правило, всегда отказываются (было только одно исключение), видимо потому, что рабочие

активисты (а не просто пассивные рабочие), во-первых, не очень придают значение всем этим диктофонным записям, понимая, что в любом случае «бить будут не по паспортам, а по физиономиям», а, во-вторых, они действительно не столько доверчивы, сколько открыты. И эта открытость уже другого рода: она проистекает не из социальной детскости и инфантильности, а из того, что лично пройдя практику профсоюзной борьбы, эти рабочие активисты вполне способны развираться кто перед ними и как с ним поступать.

В них уже нет страха быть обманутыми – у них появляется классовый подход или чутье не только к экономическим вопросам, но и к пониманию человека. Вот почему за его словами они пытаются понять объективный интерес человека. На мой взгляд, это очень ценное обретение рабочих активистов, которое они сумели извлечь, может быть не столько из побед, сколько из поражений своей профсоюзной борьбы на протяжении последних лет. Кстати, надо сказать, что в этом отношении служащие и интеллигенты ведут себя принципиально иначе, менее открыто и менее доверительно.

Задав этот же самый вопрос Кирякову - «Можно ли записать наш разговор?», в ответ я услышала только одно слово - "Валяйте". Ехали мы около двух часов и все это время Виталий Киряков отвечал нам на наши вопросы, рассказывая о комбинате, переплетая рассказ рассуждениями, оценками. Какой бы темы не касался, он всегда говорил очень лично. Оценки были предельно четкими, ясными. Спустя какое время мне казалось, что с этим человеком я знакома давно.

На любой вопрос он отвечал открыто и с достоинством. По тому, как мгновенно схватывал любую чужую мысль и активно развивал ее в диалоге, чувствовалось, что он человек умный и талантливый. Но насколько у него были перекручены нервы можно было догадываться, глядя как одна выкуренная сигарета сменялась другой. Нервное переутомление стало особенно заметно, когда мы сделали перерыв на одной из автозаправок. Не смотря на то, что наш разговор шел около двух часов и время было почти ночное, тем не

менее, Киряков продолжал в темпе, энергично и не теряя логики, отвечать на вопросы уже московского тележурналиста, периодически заправляя свои паузы рюмкой водки. Но внешне это никак не сказывалось на его внутренней мобилизации.

В Выборг мы приехали поздно ночью. Машина заехала в какой-то маленький и глухой, но ярко освещенный двор. Где-то на периферии сознания, уже уставшего от интенсивного общения, возникло – « а ведь все как на ладони». Голоса разговаривающих заметно притихли. Также бесшумно из-за спины подкралось не сильное, но все-таки липкое чувство страха вперемежку со стыдом. Из машины выходить не хотелось. "Тоже мне, герой" - с иронией подумала я про себя. Но остальные, кроме Кирякова, также неохотно выбирались из салона.

После кровавых событий, связанных с расстрелом Верховного Совета России в октябре 1993 году, мне перестали нравиться закрытые дворы, которые я так любила в своем детстве за их уютность. Идя за Киряковым, мы молча зашли в темный подъезд и наконец оказались в чьей-то квартире. Разъяснив где и как здесь можно разместиться для ночлега, Киряков уехал.

В квартире было две комнаты и кухня с диваном. Посредине комнаты на полу были разбросаны детские вещи и игрушки. В ванной комнате лежало постиранное и отжатое, но не развешанное белье. Казалось, что от незавершенной стирки хозяйку этой квартиры внезапно оторвал либо важный телефонный звонок, либо чей-то внезапный приход, и что она вот-вот должна вернуться. Было очевидно, что кто-то в спешке покинул этот дом, причем на ночь да еще с маленьким ребенком. Неужели ради нас? - глупо подумала я. Очевидность ответа усилила неприятное чувство.

Оставшиеся в квартире одни, мы сразу как-то без слов определили себе места для ночлега: журналист оставил за собой диван на кухне, разместив там же телекамеру, нам с Тонни автоматически досталась каждому по комнате, ему - проходная, мне - дальняя. Сняв кожаную куртку, журналист пошел

умываться, и тут я невольно заметила, что у него под левой рукой красивый футляр из свиной кожи. Я не сразу поняла, что это кобура пистолета. На столе для нас была оставлена еда, но есть не хотелось.

Моя встревоженность, появившаяся еще в машине, здесь уже в чужой квартире не исчезла, а даже упрочилась, когда я заметила в глазах своих спутников такую же скрытую настороженность. Вспомнилось, как третьего октября 1993 года мы с Александром Бузгалиным и нашими товарищами из Италии поздним вечером поехали на розыски наших друзей в 77 отделение милиции на Хорошевское шоссе. Таксисты не хотели ехать в район Останкино, где шла стрельба. Но один все-таки согласился. Добравшись до места и не успев выйти из машины, перед нами сразу как из-под земли вырос высокий пьяный человек с автоматом в руках и перекошенным от испуга лицом. Такое я видела первый раз в своей жизни.. Вообще-то, бояться его должна была я (кстати, что я и делала), но почему у него такое лицо? Я не понимала. Нас он довел до здания, где все окна были занавешаны и куда нас не пустили, но вскоре оттуда нам навстречу вышло еще несколько таких же вооруженных и пьяных защитников ельцинского режима. С тех пор я боюсь людей, у которых одновременно страх - в глазах и оружие - в руках.

Здесь в ночной квартире ситуация была принципиально другая: головой понимала, что ничего особенного не должно быть, но все равно было как-то сильно не по себе. Мы опять не сговариваясь собрались все в центральной комнате. Но думаю, что не жажда общения собрала нас вместе, а тревожная неизвестность предстоящей ночи. Разговор хотя и завязывался, но его непринужденность давалась с трудом. Светскость была излишней, а откровенность - невозможной: говорить о своих опасениях было неловко, а скрывать очевидную для всех присутствующих тревогу - какой будет ночь - глупо.

Внутренне напряжение в каждом из нас определило и тему для разговора. Говорили о людях ВЦБК. Тонни молчал, слушал. Спор завязался между мной и

тележурналистом. "Зачем они сопротивляются? Ведь если ко мне на улице подойдет бандит и спросит, так жизнь или деньги? Конечно, я отдам ему все деньги. Так что сопротивление этих ребят с комбината бессмысленно. Для меня главное, чтобы мне платили нормальные деньги, а все остальное меня не касается. Если заплатят хорошо, я готов выполнять любую работу. Да, приходится рисковать, но рисковать я буду только за большие деньги, как, это было, например со мной, когда я ездил на съемки войны в Косово. Вы думаете, что меня волнует кто там прав?" Слов, конечно, я помнить не могу, но позиция журналиста была приблизительно такова.

Надо сказать, что его откровение был нетипичным для людей этой породы: молодых, имеющих престижную и хорошо оплачиваемую работу, но при этом живущих достаточно осторожно, закрыто и не заявляющих нигде свою позицию. Из этой же предосторожности он, наверняка, не занимался и бизнесом. Глядя на этих красиво-гладких и внешне невозмутимых людей, обслуживающих политический истеблишмент, я иной раз думала, интересно, а что же может вызвать у них откровенность? Меня никогда не интересовала позиция этих людей – она не настолько сложна, чтобы быть непонятной. Меня интересовало другое: какие обстоятельства могут вызвать у них взрыв откровения?

Видимо, неизвестность этой ночи и идущая от этого нервная взвинченность, в немалой степени подогретая темой разговора о восставших рабочих, а также моя позиция – наверное, все это вместе и вызвало взрыв откровения, столь непривычного для этих людей и столь безопасного для него в этом случае. Журналист понимал, что ничем не рискует, ибо с наступлением завтрашнего дня мы уже не увидимся никогда, Да, это так, но не только потому, что мы живем в одном городе – Москве. Но прежде всего в силу того, что нас разделяет то общественное отчуждение, преодолеть которое не способны ни парламентские законы, ни капиталы олигархов. Такое отчуждение

как плотина на реке может быть сломлена только революционным движением масс снизу.

Под утро мы все-таки разошлись по своим комнатам. В кровать легла не раздеваясь. Не спалось. Особенно на нервы действовали звуки, вдруг останавливающейся где-то рядом с домом машины. В этих случаях все превращалось в слух - благо комната находилась на первом этаже. Вот так лежа в темной комнате, я пыталась понять, где же в действительности проходит граница между моим страхом и реальной опасностью. Определить ее я так и не смогла, но лишь разносящийся по квартире запах часто закуренных кем-то из моих попутчиков сигарет, подтверждал, что все-таки эта граница есть. И эта граница – уже и есть сама реальность.

Наверное, нечто похожее советские люди переживали в 1937 году, когда в подъезде среди ночи раздавались чьи-нибудь шаги или начинал шуметь поднимающийся лифт. Может быть, это просто какой-нибудь влюбленный парень счастливый возвращался с ночного свидания домой, а может быть, это были звуки шагов, которые вдруг замирали у вашей двери и ... пронзительный звонок в дверь заставлял вас понять, что все это не выдумка, а правда, в которую не хочется верить.

Но в любом случае достаточно одной такой ночи, чтобы запомнить все вздохи и выдохи лифта на каждом из этажей. Но даже, если в этот раз и обошлось, в любом случае, эти страхи - часть этой общей реальности под названием "гуманизм российской демократии". Забрезживший за окном уютный утренний свет вызвал в душе облегчение. Вскоре раздался звонок. В дверях появился бодрый, подтянутый и хорошо выбритый Киряков. На его лице не было и следа от вчерашнего напряженного дня, равно как и не было сожаления об откровении ночного разговоре с нами. Через двадцать минут мы въехали в поселок Советский.

Кстати поселок, на территории которого находится ВЦБК назван «Советским». Это название возникло не из пиитета к социалистической

риторике, а в связи с тем, что во время освобождения Ленинградской области от фашистов здесь над этим поселком погиб **летчик Михаил** по фамилии **Советский**, в честь которого и назван этот поселок.

Кирякова я встречала не раз в совершенно разных обстоятельствах. Я видела, как придя в профком, возле него собирались все активисты. Обсуждения всех вопросов он вел открыто без формальностей. Основной состав активистов - молодые женщины, которые слушали его с уважением, но при этом случае необходимости могли ему и возразить, не согласиться. Одним словом, его отношения с активистами вовсе не походили на разговор профсоюзного начальника со своими подчиненными. В то же время, общаясь с активистами уважительно и открыто, он был достаточно жестким, не повторяя своих распоряжений дважды.

Другой раз я его видела в Москве на встрече с Александром Бузгалиным, который тогда предложил Кирякову провести на ВЦБК конференцию представителей всех протестных предприятий. «Если Вы проведете такую конференцию, - говорил Бузгалин, - во-первых, она явится демонстрацией всероссийской солидарности всех рабочих активистов ВЦБК. При этом важно, чтобы это шло по инициативе снизу, а не под крышей партийного и профсоюзного начальства. И здесь не важно кому принадлежат идеи, важно – кто и как их осуществляет. **Очень важно, чтобы рабочие САМИ сделали эти практические шаги по самоорганизации поддержки своих товарищей на ВЦБК.** Пусть этот опыт будет с ошибками, пусть не так, как бы это хотелось нам, но это будет опыт самостоятельной практики, зато без чьей-либо указки. Ибо только через практику, организуемую самими рабочими, они смогут до конца осознать свой объективный интерес, понять свои собственные противоречия и преодолеть их. Кстати, это относится не только к рабочим, но и ко всем, в том числе, и к научной интеллигенции.

Во-вторых, если организационной базой этой всероссийской конференции станет профком ВЦБК, то Вы таким образом укрепите положение своего профсоюза, да и всего трудового коллектива в целом. Я убежден, что эта конференция нужна и важна как для ВЦБК, так и для всего российского протестного движения в целом. И мы готовы всем, чем можем помочь этому». Такова была позиция Бузгалина.

В этом случае я была абсолютно согласна с ним: действительно, **конференцию рабочих надо делать на ВЦБК и делать ее должны рабочие активисты сами.** Вот почему тогда этот разговор между Бузгалным и Киряковым я слушала с напряжением: обычно люди, активные и инициативные с трудом воспринимают чужие идеи и инициативы. К моему немалому удивлению, Киряков с одобрительным энтузиазмом отреагировал на эту идею и более того, подбросил еще несколько конструктивных предложений на этот счет. Видно было, что он – человек творческий и способен как на диалог, так и на критическое отношение. В политическом отношении он не казался мне тогда человеком ведомым. Тут же Виталий Киряков обсудил эту идею с находящейся рядом Любой Якушевой - его заместителем по профсоюзной деятельности. Она также с одобрением приняла эту идею. Дальше разговор касался уже технической и организационной стороны этой конференции, в обсуждении которой Киряков проявил немало хороших идей. Видимо, сказывался его прежний организационный опыт. Да, задуманное осуществилось - эта конференция все-таки состоялась. Но об этом я скажу отдельно и чуть ниже.

В те дни, несмотря на разделяющее нас расстояние в три часа езды (от Москвы до Выборга), профсоюзные активисты ВЦБК нередко приезжали в столицу на организуемые «Альтернативами» пресс-конференции, которые проходили в Государственной Думе (с активным участием и большой организационной поддержкой депутатов Смолина и Григорьева), в Доме журналистов, в пресс-центре, на встречи с левой общественностью в нашем

клубе «Диалог» (музей Маяковского). Мы также ездили в Питер для участия в митингах солидарности с коллективом ВЦБК, организуемых профсоюзом ЛМЗ. Там же проводились, организуемые уже питерским отделением «Альтернатив» (И.Г. Абрамсон, И. Готлиб) пресс-конференции по событиям ВЦБК. Надо сказать, что события на ВЦБК вызвали тогда по стране широкую волну солидарности с ним и об этом я обязательно скажу чуть ниже.

Понятно, что в те напряженные дни, когда Киряков со своим профкомом в Советском, а мы здесь в Москве вели подготовку к предстоящей конференции – тогда ни у меня, ни у Виталия не было времени, чтобы специально говорить о его персоне, его прошлой деятельности и профессии. Но по тому, как он грамотно оперировал текстами Маркса, диалектически подходил к оценке тех или иных исторических событий, анализировал сегодняшнюю реальность я еще тогда - по дороге из Питера в Выборг поняла, что он историк.

О политике говорил с интересом и увлеченностью. Более того, вполне мог перейти и на научный уровень беседы, например, как это было в одном из наших разговоров о советской и российской бюрократии. Приятно и сильно удивил меня своим диалектическим подходом в отношении к советскому прошлому: здесь не было ни тотального восхваления, ни тотального охаивания. Умел видеть и то, и другое. Удивительно и то, что будучи человеком из советского прошлого и тем более из провинции в нем не было и следов советско-патриархальной ментальности. Для меня как для культуролога этот его феномен был некоторой загадкой.

2.2. Историческая конференция

Россия. Ноябрь 1999. Предвыборная борьба набирает обороты. СМИ переполнены грязью и компроматам. В Чечне война. Убийство сотен и лишение родного очага сотен тысяч людей. В экономике надежды

перемежаются с хроническим невыплатами. Ельцин то и дел попадает в больницу. Казалось бы в этих условиях кто обратит внимание на какую-то конференцию каких-то там стачкомов и профкомов на северной окраине России – в поселке Советском..

И тем не менее, спустя три недели после нашего разговора 25 ноября на ВЦБК состоялась знаменитая, а теперь уже историческая конференция. Сама по себе конференция, проходившая в Советском на базе ВЦБК была внешне более чем скромной, не сравнить с многотысячными съездами в столичных дворцах. Но торжественность обстановки чувствовалась с самого порога. Стеклопакетные входные двери, стены и окна, выбитые спецназом «Гайфун» были восстановлены. Все мрачные последствия захвата, которые я видела собственными глазами и которые засвидетельствованы на фотодокументах, рабочие комбината ликвидировали собственными силами и за свой счет.

В холле на первом этаже на стенах были развешаны все телеграммы и письма солидарности, присланные из всех концов бывшего СССР: от низовых профсоюзных организаций, различных политических партий и групп, общественных движений, научных сообществ, из-за рубежа, просто от отдельных персон – всех не перечислишь.

В помещении здания и снаружи дежурили празднично одетые в белые рубашки под камуфляжной формой охранники с ВЦБК, стоящие на стороне интересов его трудового коллектива. В помощь для обеспечения безопасности и порядка приехали рабочие – добровольцы с других заводов и городов. Тут же шла регистрация, продажа литературы.

Здесь я увидела много знакомых лиц, в том числе, из Москвы. Это были представители разных политических партий и платформ (сталинисты, анархисты, социал-демократы и просто демократы). В этом не было ничего удивительного, поразительное было в другом: я, пожалуй, впервые видела их всех вместе. Люди, многие из которых и политически, а на этой почве и физически (как например, Галина Ракитская и Нина Андреева) взаимно

исключаемы, здесь впервые оказались рядом (для политической корректности уточняю - рядом, но **не вместе**).

На моей памяти после 1991 года это, пожалуй, первый случай, когда палитра политического представительства, причем, инициируемого снизу (в отличие от кремлевских новогодних фуршетов), была максимально богатой. Это говорило о том, что события на ВЦБК вызвали большой общественный резонанс. На конференции в Советском собралось 74 делегата (более 50 гостей) с 33 предприятий из 23 регионов РФ: Краснодар, Ярославля, Сочи, Сибири, Воронежа, Урала, Украины. Большинство участников - лидеры стачкомов, профсоюзов (причем, разных: от ФНПР до «Защиты»).

Все политические гости могли размещаться только на балконе конференц-зала. На мой взгляд это было правильное решение. Главным действующим лицом здесь были делегаты - рабочие активисты с протестных предприятий, и потому они сидели все вместе (отдельно от гостей) в конференц-зале. Среди них находились и наши московские товарищи - рабочие активисты А.Малкин и С.Трохин. Будучи членами оргкомитета этой конференции, мы с А.Бузгалиным получили мандаты делегатов и потому заняли свои места внизу вместе с рабочими активистами. Честно говоря, это тот самый случай, когда я испытывала чувство гордости за то, что не оказалась «на высоте». Эти мандаты у нас с Александром хранятся до сих пор.

Первая часть конференции была чрезвычайно интересной: более 20 делегатов представили впечатляющие картины развала экономики. Активисты из регионов рассказывали о конфликтных ситуациях на своих предприятиях и о том, что им – рабочим и профсоюзам удалось добиться в связи с этим. В выступлении каждого из них был свой индивидуальный подход к анализу и оценке происходящего. Да, и стилистически все эти выступления были очень яркими и индивидуальными.

Результат этой первой части конференции был очевиден. Во-первых, из всех выступлений рабочих активистов на глазах у всех проявлялась некоторая

целостная картина того, что происходит на протестных предприятиях России, каковы общие закономерности, тенденции и противоречия этого положения. Присутствующие, замерев, слушали этот общий рассказ о том, что в действительности делается на предприятиях, где экономическая политика властей предельно откровенна в своей наглости и цинизме и о чем не говорят с экранов телевизоров и газет.

Во-вторых, рассказывая о практических действиях профсоюзов, каждый выступающий пытался вытащить те конкретные методы борьбы, которые уже применялись их активистами, показывая одновременно и то, какие результаты это дало. От выступления к выступлению общая корзина достижений рабочего движения пополнялась не только позитивным опытом, но и уроками поражений и неудач, а также противоречиями профсоюзной борьбы. Почти каждый из выступающих резюмировал, что все прежние способы борьбы (голодовки, пикеты, митинги и т.д.) уже исчерпаны и надо переходить к новым.

По мере возможности я пыталась вести диктофонную запись всех выступлений и основной полемики конференции, которая развернулась во второй ее части.

Основной вопрос дискуссии был следующим: какими должны быть формы и цели объединение рабочих и профсоюзных активистов этой конференции? Полемика была представлена двумя позициями: Е.А. Козлова (Питер) и А.Бузгалина (Москва). Е.А.Козлов на этом съезде был в качестве делегата ЛМЗ, хотя, я не очень понимала почему: если там он вовсе не работал, а являлся партийным функционером Региональной партии коммунистов РПК, одновременно поддерживая и позицию РКРП.

Выступления В.Козлова сводились к тому, что эта конференция должна выступить с поддержкой блока РКРП и ряда других небольших, так называемых, коммунистических партий на предстоящих парламентских выборах (декабрь того же 1999 года). Позиция А.Бузгалина была принципиально иная. Согласно его мнению, основные задачи рабочего

движения: антиприватизационная политика, а также координация и взаимопомощь активистов всех протестных предприятий, причем не по партийному принципу, а по принципу личного участия в рабочем движении. По мнению Бузгалина над этим движением не должны стоять никакие партийные и профсоюзные начальники. Пусть они сами решают кого поддерживать, ибо у рабочих активистов, да и в целом у рабочих отношения с партиями не однозначные и очень не простые. Другой вопрос, что если рабочие захотят приглашать их - пожалуйста, но в любом случае сами рабочие должны принимать такие решения.

2.3. Дискуссия

На мой взгляд, Е.А.Козлов сыграл не конструктивную роль на этой конференции, пытаясь подчинить нарождавшиеся ростки **самостоятельности** рабочего движения своим узко партийным интересам. Вообще я должна сказать, что, так называемые, левые партии, с одной стороны, оказали немалую организационную поддержку рабочим активистам, но, с другой стороны, их участие в значительной степени **надорвало** это **рабочее движение**.

Я глубоко уважаю всех, кто искренне и лично помогал рабочим, независимо от их партийной принадлежности. Такие честные люди были и их немало. Но объективная деятельность самих этих партий в целом (я говорю в первую очередь об их идеологии и идеологах) оказалась во многом «медвежьей услугой» рабочему движению. С одной стороны, конкретные члены партий действительно искренне помогали рабочим, а, с другой, политический интерес их партий, так или иначе, был связан с тем, чтобы силами нарождающегося рабочего движения решить проблемы своего внутреннего идейного кризиса.

А этот кризис очевиден: ведь рост оппозиционных настроений в обществе так и не привел к принципиальному росту партийных рядов, хотя агитационно-пропагандистской работы ведется немало. Кризис современных левых партий оказался настолько сильным и глубоким, что разрешить его

собственными силами они не могут. Для них показательна некоторая идейная устарелость. Ориентация на воспроизводство прежних, когда-то очень эффективных, но сегодня - исторически пройденных социальных форм жизни - для левых партий сегодня более значима, чем выявление и решение актуальных проблем современного развития. Вектор их устремлений: из настоящего - в прошлое. А ведь сегодня актуален другой вектор: **из будущего - в настоящее.**

Говоря об устарелости партий, речь не идет о возрасте их представителей. В их рядах встречаются и такие люди, которые своей культурой, энергией и духом дадут сто очков вперед молодым. Речь идет об идейной старости, которой сегодня заражены, в том числе, и молодые политики, причем как левые, так и правые. Разве молодые либералы, утверждающие, что мы все должны пройти через муки и страдания, через который прошел капитализм прошлых веков - идейно молоды? Конечно, нет, ибо это уже не старость, а просто идейная рухлядь.

И как всякий слабый организм, такие партии ориентируются в первую очередь, все-таки на себя. Не столько на решение общественных проблем, сколько на проблему воспроизводства самих себя как структур с единственной ориентацией – выборы в парламент. А ведь сегодня надо идти в разные общественные страты и через совместную с ними деятельность помогать им практически решать именно их проблемы, но так, чтобы в процессе этого они разворачивались лицом к обществу, **осознавая свой** действительный **интерес как общественный**, консолидированный **интерес**. Т.е. политические партии сегодня должны «снимать с общества асфальт бюрократизма», чтобы на освобожденной от нее почве всходила зеленая травка настоящей, а не «пластмассовой» демократии. Ведь диалектика очевидна: погибая, зерно дает поросль.

Я думаю, что у Зюганова за все эти годы был шанс и не раз хотя бы частично прорваться во власть или хотя бы ее частично закрепить. Но этого не

произошло: быть в оппозиции гораздо выгоднее, ибо и ответственности значительно меньше, и совесть чиста.

Надо сказать, что мои последующие исследования на заводах подтвердили правду этого подхода. То, что рабочие активисты отрицательно относятся к либеральному курсу российской власти, еще вовсе не означает того, что вместе с этим они автоматически готовы если не вступить, то хотя бы отдать свои голоса за ту или иную левую партию.

Каково отношение рабочих и профсоюзных активистов к левым партиям можно увидеть в специальной главе этой книги (см. с.), в которой я пыталась без комментариев дать прямые цитаты активистов разных протестных заводов по этому поводу. Но один пример приведу. В. Воробьев – лидер Городской конфедерации труда г. Анжеро-Судженска как-то в одном из разговоров со мной по этому поводу сказал: «На съезде рабочих партий еще в январе 1999 года было вынесено такое решение - не доверять ни одной партии России, не подчиняться ни одной партии в их высказываниях, пока партия сама не докажет что она борется за интересы рабочего класса. И наша конфедерация до сих пор стоит на этих позициях. Мы не позволяем партиям диктовать свои взгляды. Мы не принимаем навязывания политических взглядов. Я хочу сказать – кто-нибудь из вас знает шахтерское дело так, как знают его рабочие? Поэтому вы, если хотите, то можете давать только информационную поддержку. Да, сегодня назрело время создания новой рабочей партии, и такая партия должна быть. Но я одного боюсь чтобы эта партия снова не попала в грязные руки, чтобы ее не строили те, кто из своих личных и корыстных интересов стремиться добиться своего благосостояния».

После длительной полемики конференция приняла компромиссное решение - ограничиться созданием только Координационного Совета трудовых коллективов предприятий, вставших на путь борьбы за рабочий контроль, самоуправление и деприватизацию. Конференция в принятой на ней резолюции «О приватизации и собственности» заявила, что в России назревает

новый этап борьбы, но уже за превращение трудовых коллективов в реальных хозяев своих предприятий, поселков, городов.

2.4. Киряков и коллектив

Но вернуться к фигуре Кирякова, то на этой конференции, при всей ее хорошей организованности, он совершил роковую для себя, как профлидера, а в итоге и для коллектива – ошибку. Она в следующем: на конференции были делегаты, гости, были члены профкома ВЦБК, но почти не было представителей самого трудового коллектива. Конечно, часть из них находилась на рабочих местах и присутствовать в зале не могла. Но ведь были и те, кто не работал и мог придти. Когда я сказала об этом Кирякову, он ответил, что он организовал прямую радиотрансляцию в цеха. И действительно, это было так.

И все же. Отсутствие рядовых работников ВЦБК на этой конференции - это вопрос не просто организационно-технический. За этим явлением скрывалось сложное переплетение как личных просчетов профсоюзного лидера Кирякова, так и объективных проблем. Почти на всех исследуемых нами протестных предприятиях я столкнулась с проблемой отношений профлидера и профактивистов с пассивной частью трудового коллектива, как они сами его называют - "болотом".

Это "болото", находясь в позиции наблюдателя за тем как борются их заводские активисты, предпочитает не вмешиваться в это. Поэтому вместо того, чтобы придти в профком и получить информацию из первых рук, они довольствуются лишь слухами. Будучи обывателями (а обывательщиной у нас заражены все слои общества: и интеллигенция, и рабочие, и студенты, и власть, и крестьяне), их экзистенциально раздражает социально активный тип личности, на фоне которых их мещанство становится очевидным даже им. И это, вызывая у них особое раздражение, еще больше усугубляет конфликт между активистами и "болотом".

И тем не менее, нужно было сделать во что бы то ни стало, чтобы эти люди все-таки пришли на конференцию. Для этого одного объявления не достаточно. Но даже придти в цех и пригласить их на конференцию – еще не гарант, что придут.. Кто пытался разбудить спящих или боязливых - тот знает какая это тяжелая работа. И одними красивыми и вдохновенными словами эту проблему не решить. На это надо было специально работать, вовлекая их постепенно и еще задолго до этого в деятельность профсоюзного комитета. Да, конечно, справедливости ради, надо сказать, что «болото» есть везде на всех протестных предприятиях. Но общаясь с рабочими ВЦБК еще задолго до этой конференции в свои прежние приезды, я видела, что здесь на комбинате его все-таки поменьше, чем где-либо.

Да, Кирякову в экстремальных ситуациях наверное, не раз приходилось брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения. Кто занимался практической организационной работой, тот знает, что иногда легче и скорее сделать что-то самому, чем добиваться выполнения этого от других, особенно в ситуации, когда «поджимает» время.

Но я думаю, что в любом случае здесь роковую роль сыграло то, что Киряков недооценил значение и роль трудового коллектива. И здесь сказалась, то ли индивидуалистическая и снобистская составная его интеллигентского сознания, то ли пренебрежение к принципу коллективности, то ли непонимание хода развития ситуации, то ли недостаток идеологического чутья, то ли определенная склонность к бонапартизму. Но что бы там ни было, факт остается фактом - разрыв между Киряковым и коллективом ВЦБК начал увеличиваться. Сам он не сумел преодолеть этот разрыв, а нарастающая сложность как внешней, так и внутренней ситуации на ВЦБК, вызвавшая соответственно и осложнение взаимоотношений уже внутри ядра активистов лишь усилила этот разрыв.

Потом ходило много слухов вокруг фигуры Кирякова, в которых, наверное, было немало правды, но я их не привожу по принципиальным

соображениям, ибо стараюсь писать то, с чем я сталкивалась непосредственно сама. Его после той конференции я не видела, но у меня был с ним один короткий телефонный разговор.

2.5. Стиль лидера

Киряков был бесспорно человеком талантливым: понять, организовать, выступить - все это он умел делать легко и хорошо. и уж точно, без всякого протокольного занудства, и даже наоборот - с некоторым куражем. Более того, чтобы он ни делал, во всем чувствовался некий азарт, он умел завести окружающих. Внешне он никак не походил на важного чиновника, у которого иной раз затылок выразительнее лица. Наоборот, в стилистическом отношении он даже походил на пижона: всегда был аккуратно и модно одет. В кафе мог за рюмкой коньяка вести долгий и интересный разговор, забыв об усталости и стоящем перед ним на столе ужине, хотя видно было, что для него этот ужин – одновременно и завтрак, и обед. Будучи человеком открытым, что не так часто встречается у лидеров, тем не менее, нельзя сказать, что он был человеком простым и уж тем более, однозначным.

Может быть я ошибаюсь, но я убеждена, что личность лидера (а это не только правильность его позиции), его личностный стиль, его культурный шарм - все это чрезвычайно важно и думаю, что не только в России. Когда он приходил в кабинете, то уже через пять минут вокруг него собирались люди и чаще всего это были женщины. По моему, он вообще нравился женщинам. На человека, делающего карьеру он не был похож. Он также не походил на человека, которого проблема денег волнует прежде всего - деньги у таких людей долго не задерживаются. Видно было, что ради хорошей компании он мог спустить последнее.

2.6. Послесловие к портрету

Так что же двигало Киряковым? Не берусь отвечать за него. Могу высказать лишь собственное предположение. По-моему, талант Кирякова как организатора живых, практических дел, помноженный на азартность его

натуры - все это оказалось сильнее его убеждений и принципов, хотя таковые в определенной степени также имелись.

Бороться в экстремальной ситуации по принципу - кто кого победит - пожалуйста. А если для этого надо быть героем - то и это пожалуйста. А вот борьба как будничная, ежедневная организационная работа из месяца в месяц, из года в год, в которой выращиваются новые отношения, новые результаты, поначалу может быть даже незаметные, но без которых невозможно настоящее движение - это уже оказалось не по силам Кирыкову. Сам процесс борьбы для Кирыкова оказался более привлекательным и более по плечу, чем работа с ориентацией на долгосрочный результат.

Причем, как мне кажется, Кирыков, естественно связывая цели и задачи всей этой борьбы с перспективами комбината, но, может быть, в еще большей степени, завязывал их на свой личный успех как героя этих событий. Казалось бы, ориентация на личное самовыражение, на личный героизм - вполне замечательные качества человека, но в реальной борьбе в определенной ситуации оно способно нанести вред и не малый, причем, не только коллективу и его достижениям, но и самому герою, превращая его уже просто в авантюриста. История рабочего и революционного движения, как и история войн показала какой трагической ценой приходилось платить за такие вещи.

Но историю ВЦБК, равно как и историю Кирыкова нельзя рассматривать как цепь его личных ошибок и достижений. Этот опыт как раз ценен тем, что он вскрыл реальные противоречия и реальные возможности людей, вышедших со всеми достоинствами и со всеми слабостями из советского брежневского прошлого в мир уже качественно иных (не новых) общественных отношений. Опыт ВЦБК реально стал неким прецедентом в практике борьбы рабочих за свое право участвовать в управлении предприятием, причем в очень тяжелых и опасных условиях приватизации и криминального капитализма.

1.3. Эскиз третий.

Профсоюзный лидер с партийным билетом

3.1. Биография комбината и лидера

Санкт-Петербург. Питер. Петроград. Ленинград. Таков был ход истории этого города, ставшего дважды великим только в XX-ом веке. Октябрьская революция и героизм блокадного Ленинграда – это события одной Истории, как залп «Авроры» и Седьмая симфония Шостаковича – события одной Культуры. А сегодня ... – сегодня по тому каким именем вы называете этот город (современный постмодернизм вам дает право на любое из них), догадаться о ваших политических пристрастиях в любом случае менее трудно, чем о ваших культурных приоритетах. Вот почему либеральному «Санкт-Петербургу» предпочитаю революционное название «Питер» или «Петроград». Не только История нам дает авансы, но иногда случается, что и мы – ей. Посмотрим.

Комбинат цветной печати - одно из крупных и старейших полиграфических предприятий Питера. Оно возникло еще в 1817 году, т.е. за сто лет (не после), а *до* Октябрьской социалистической революции. За 185 лет своего существования Комбинат пришел путь от первой в России фабрики по производству игральных карт до современного полиграфического предприятия. В последние годы, несмотря на кризисную ситуацию в стране, Комбинату удалось сохранить свои позиции на рынке цветной полиграфической продукции.

А председателем профсоюзной организации этой старинной фабрики является Тамара Ведерникова. Имея общественную практику партийной деятельности в советском прошлом, сегодня Т.Ведерникова возглавляет профсоюзную деятельность Комбината.

Весь характер и природные дарования Тамары (энергичная мысль, уверенный и спокойный голос, живая и личностная реакция на происходящее и многое другое) сразу говорят о ее лидерских способностях. Неслучайно, ее любимым видом спорта является альпинизм, а многолетние занятия им лишь закрепили ее лидерские наклонности. Как-то разговаривая с ней по поводу того, как сегодня можно «разбудить» людей и заставить их поверить в свои силы, я услышала в ответ пример из ее альпинистской практики: «В крайнем случае, когда человек уже потерял силы и веру в себя, я пытаюсь его разозлить, взять на "слабо" и это срабатывает» .

В области полиграфии Тамара работает давно. Получив высшее полиграфическое образование, кстати, без отрыва от производства (а это значит, что днем – работа, а вечером – занятия в институте), она не только практически хорошо разбирается в вопросах экономики и производства своего комбината, но и способна анализировать все эти проблемы. И это обстоятельство – чрезвычайно важное для профсоюзного лидера, ибо позволяет ей быть относительно независимым экспертом, способной анализировать и контролировать информацию, которую выдает администрация, а не просто брать все наверх. Вообще практика протестного движения показала, что реальное образование профсоюзных лидеров (а не просто наличие диплома) всегда сильно закрепляет их личную позицию в глазах как коллектива, так и администрации. Кстати, неслучайно оказалось, что выбранные мною профлидеры, будучи яркими личностями и потому составляющие галерею портретов в данной книге – все они не только имеют высшее образование, но и постоянно самообучаются. Убеждение, творчество и образование – три неизменные и составные части рабочей борьбы.

Хорошее знание производства, умение разбираться в экономических вопросах и способность организовать людей - все эти качества Тамары Ведерниковой, опирающиеся на энтузиазм самих работников комбината позволили коллективу в свое время не только физически защитить комбинат от

захвата криминальными собственниками, но и самое главное - сохранить за собой контрольный пакет акций. Это редко кому удавалось. И в этом была немалая заслуга самой Т.Ведерниковой, но на этом стоит остановиться несколько подробнее.

3.2. Сопротивление

Еще в ноябре 1995 года две трети работников комбината выступили против антидемократической компании приватизации, которая уже набирала свой ход, чтобы и дальше катиться по всей стране. Работники комбината сразу выступили против приватизации. Вот слова одного наладчика этого комбината, с которым мне тогда удалось разговаривать: «Мы видели ошибки других заводов, мы видели к чему приводит эта приватизация, а точнее – «прихватизация», причем в пользу всех этих чужаков, которым просто наплевать и на нас и будущее нашего комбината».

Не смотря на такое отношение рабочих Комбината к приватизации, тем не менее, Территориальное Агентство Комитета по управлению Государственным имуществом (ТА КУГИ) г. Питера все-таки предприняло попытку насильственной приватизации комбината, хотя при этом у него не было никаких приватизационных документов, даже правительственного разрешения. Трудовой коллектив через свой профсоюз подал иск в Арбитражный суд по поводу незаконности приватизации и продолжал работать как государственное предприятие. Не смотря на это, ТА КУГИ, передав все документы комбината другой бюрократической организации – Фонду имущества, начало новую атаку на Комбинат, пытаясь посадить на пост его генерального директора «своего человека» - некого Г. Лобова.

На следующий день развернулась детективная история (господство криминального капитала диктует и свой жанр решения социальных проблем – детектив), столь характерный для криминальной России. «Новоиспеченный директор» Лобов вместе со своими охранниками, дождавшись, когда рабочие комбината закончив работу, пойдут домой, тайно проник на территорию

Комбината. Предварительно отключив сигнализацию, он вскрыл сейф и забрал все нужные ему документы. И самое главное – он забрал печать Комбината.

Один из охранников все-таки не побоялся и позвонил профсоюзным активистам домой. Заработала телефонная цепь - началась оперативная мобилизация рабочих комбината. Прибежав, они увидели, стоящие у входа машины, но тем не менее, они сумели пройти на территорию. Большое неудобство создавало и то обстоятельство, что комбинат расположен в нескольких метрах от Невы, и это позволяло властям уже с того берега, используя машины и соответствующее оборудование, вести за рабочими слежку и подслушивание. Удивляться не приходится – это лишь будни российской «демократии».

Узнав о случившемся, работники Комбината, а это в основном - женщины – не откладывая организовали Штаб по защите Комбината, а также рабочие дружины и начали охранять свое предприятие и днем, и ночью, чтобы предотвратить появление посторонних людей на его территории. На помощь к обороняющимся защитникам, а точнее – защитницам (среди работников преобладают женщины) стали приходить их мужья и даже дети. А чтобы не было так страшно дежурить по ночам (Питер, как и Москва «славятся» криминальными разборками и убийствами), женщины брали с собой на дежурство своих личных собак. «Но власти забыли, что наш комбинат - это Обуховская оборона» - сказал мне рабочий Виктор Иванович. Дело в том, что Комбинат, действительно находится на улице Обуховской обороны, названной в честь борющихся рабочих еще дореволюционной России. Вот так, спустя сто лет история борьбы российских рабочих, хотя и по-другому, но опять пришла на эту улицу, на берег Невы. И руководил всей этой обороной теперь уже профсоюзный комитет Комбината во главе с Тамарой Ведерниковой.

Вот что об этом рассказала она сама: «Первого мая наш профсоюзный комитет развез по всем городским инстанциям наш протест против кражи у нас учредительных документов и печати. После этого к нам приезжал вице-

губернатор города, который привез с собой нового директора Лобова, но мы его на территорию комбината так и не пустили. Четыре часа вице-губернатор уговаривал нас принять нового директора. Но у него ничего не получилось. Более того, мы добились от вице-губернатора решение запретить Лобову появляться на нашем Комбинате. Мы своего тогда все-таки добились.»

Борьба рабочих Комбината оказалась не напрасной – они избрали своего директора В.Соколова, который проработал на Комбинате 38 лет и его все знали достаточно хорошо. Его кандидатура была выдвинута и единодушно поддержана на митинге протеста работников Комбината. Кроме того, на Комбинате была проведена (под давлением ТА КУГИ) закрытая подписка, при которой (и на этом уже настоял профсоюз) все (включая инженерно-технический персонал и менеджеров) получили равное число акций, независимо от уровня получаемой заработной платы. Но стремясь избежать того, что произошло со многими предприятиями, когда работники за воротами распродавали свои акции всякому, кто платил, - профком Комбината цветной печати поступил иначе. Боясь распродажи отдельными работниками акций, полученных ими в результате подписки аутсайдерами, профком Комбината создал общественную организацию «Полиграфист», которая управлялась на принципах самоуправления, и в которой каждый ее отдельный член в любом случае «не обладает правами собственности на долю имущества, принадлежащего данной Организации». **Таким образом впервые в России была создана структура, в рамках которой на отраслевом уровне (в масштабе региона) могут быть объединены капиталы, принадлежащие разрозненным работникам-акционерам.**

Такое решение, которое оказалось спасением едва ли не для единственного по стране трудового коллектива, а значит и предприятия - не было случайным. Оно требовало глубокого знания и понимания экономической и правовой сути происходящего, способности к оперативной мобилизации людей, умения аргументировано защищать свое мнение в

разговоре с властями (а не просто «глотку драть») и самое главное – своими решениями хотя бы на шаг, но все же опережать властей. Так вот здесь на Комбинате как раз и потребовался наряду с его поднявшимися рабочими сильный, умный и талантливый лидер. И им оказалась женщина, симпатичная, не высокого роста, умеющая вопреки страху за близких (а дочь – это более, чем серьезное основание для этого) принимать нужные решения в опасной ситуации и брать на себя ответственность за других.

3.3. Партийная подход

Стиль личности Т.Ведерниковой как организатора и руководителя был сформирован ее прошлой общественной деятельностью в партии еще в советский период. Критически относясь к КПСС как к государственно-бюрократической структуре (в строгом смысле, политической партией, тем более, большевистского образца, после 20-х гг. она никогда и не была), надо признать, что в ней было много и даже потом немало людей убежденных, искренних, талантливых, умных. Но объективно социальная природа партии определялась все-таки не столько действиями самих людей, сколько теми бюрократическими отношениями, которые господствовали внутри ее самой.

Внутренние противоречия общественной природы партии неизбежно отражались и на ее активистах. Это в полной мере относится и к Тамаре Ведерниковой. И вот одно из них: с одной стороны, в ней чувствуется готовность тратить себя, свои силы и время без остатка на свою общественную работу; брать на себя максимальную нагрузку, а, с другой - она сосредотачивает всю общественную заводскую работу главным образом в своих руках. Обеспечивая и удерживая в основном за счет собственных усилий прочные позиции профкома, Тамара не всегда достаточно (хотя, наверное, для этого есть и объективные причины) уделяет внимание проблеме развития профсоюзного движения снизу. А вот что по этому поводу говорит сама Тамара: «Нам очень трудно работать внизу. Для вступления в профсоюз никаких мотивов нет, кроме борьбы и поэтому верхи должны это понимать».

Но в любом случае, когда проблеме укрепления собственно самой структуры (неважно партийной или профсоюзной) придается большее значение, чем вопросу развития свободного общественного движения снизу (что, кстати, характерно сегодня и для всех партий в России без исключения) - это и есть проявление бывшего партийного наследия.

Надо сказать, что данное отношение особенно проявляется в «мирных ситуациях». Совсем иначе было, когда трудовой коллектив комбината пытался защитить комбинат от захвата еще в 1999 году. Тут активно проявил весь трудовой коллектив комбината. Но на сегодня профком комбината – это в первую очередь сама Тамара Ведерников. Да она делает то, что может быть не сделает иной раз и весь профком в целом. Ее работоспособность, большой профессиональный опыт как печатника – все это вместе позволило добиться того, что она, едва ли не единственная из всех встречающихся профсоюзных лидеров, кто бы входил в совет директоров.

Т. Ведерникова активно включена и в партийную жизнь городского масштаба. Она, будучи членом РКРП, является энергичной партийной активисткой, участвующей во всех мероприятиях своей партии. Более того, ее партийные и профсоюзные дела достаточно тесно переплетены, причем, в масштабах города даже в большей степени, чем завода. Поэтому и солидарность между работниками на комбинате более низка, чем между профлидерами уже на внутриотраслевом уровне.

Например, председатель профкома КЦП Т. Ведерникова оказывает постоянную помощь профактиву типографии “Техническая книга”. Так, на этом предприятии хотели провести приватизацию, но с помощью профактива КЦП и, в первую очередь, его председателя на типографии “Техническая книга” было подготовлено и проведено собрание, на котором 80% его работников проголосовало против этого намерения. Одним словом, трудовой коллектив отбил атаку приватизации на свою типографию, хотя бы до следующего раза.

Кроме того, администрация типографии “Технической книги” хотела переизбрать действующего на нем председателя профкома, но опять-таки с помощью организационной поддержки профактивистов КЦП на собрании коллектив отстоял своего профлидера. И в этом была большая заслуга Т.Ведерниковой.

С одной стороны, это закрепляет ее позицию как профсоюзного лидера, а, с другой - вызывает определенное непонимание, а порой и раздражение уже в глазах трудового коллектива – «и куда она все бежит»? На это непонимание сетовала в одном из наших разговоров и сама Т.Ведерникова.

Действительно, сегодня рабочим и профсоюзным активистам для закрепления своих позиций необходима межзаводская солидарность, выходящая за пределы отраслей и регионов. Но обеспечить эту солидарность организационно у рабочих активистов пока не всегда хватает сил, возможностей. Есть, правда, и другая причина - еще не все из рабочих активистов дозрели до понимания необходимости этой солидарности. Поэтому идея консолидации у них если возникает, то видимо не настолько сильно, чтобы ее должным образом обеспечить. И тогда эту задачу берутся решать разные левые партии.

Конечно, помочь рабочим в деле их консолидации - дело хорошее и нужное. ***Но очень важно помогать рабочим делать самим, а не вместо них.*** Это во-первых. Во-вторых, очень важно, чтобы вектор их взаимоотношений был направлен в сторону поддержки рабочего, профсоюзного движения, а не укрепления партийных структур. Пусть рабочие сначала научатся защищать свои права на предприятиях, научатся помогать друг другу и лишь потом по мере своего политического вызревания выбирать в какие партии им вступать.

Это особенно важно, когда сегодня почти все партии построены по старому образцу: иерархические вертикали, разделение решающей и исполнительной власти, любая инициатива должна проходить формалистическое обсуждение, инициативы слабые и обезличенные.

Но у партийности Т.Ведерниковой есть и обратная сторона: именно ее политическая позиция (с которой можно спорить, но главное - она есть) и политическая развитость как раз и заставляют ее мыслить стратегически, а не только о заработной плате. Причем на вопросах стратегии она пересекает проблемы развития как комбината, так и самого работника, связывая их воедино. « Людям нужно чувство личной перспективы. А у нас на комбинате нет ни производственной идеологии, ни механизма долгосрочной перспективы. А ведь этот вопрос - проблема и администрации, и работника. Но, к сожалению, и не те, и не другие не видят своей социальной роли на производстве. А ту роль, которую нам предлагает сегодня рынок - наших людей она не устраивает. И они, я думаю со мной согласятся. Я бы тоже не хотела чтобы меня оценивали как товар, сколько я стою».

В целом же можно сказать, что в настоящий момент уже в «мирной ситуации» значительный потенциал протестного движения на комбинате утрачен. «Была победная эйфория. И многие думали, что все наши достижения автоматически продлятся и в последующем» - пожаловалась мне Т.Ведерникова.

Это связано с тем, что **сегодняшний этап потребовал качественно новых форм этого протестного движения, к которым трудовой коллектив оказался** в отличие от своих профлидеров **не готов**, тем более, в условиях обострения не только внутренних проблем комбината, но и с ухудшением ситуации в целом на рынке полиграфических услуг. Ведерникова так объяснила это противоречие: «Наша беда в том, что **«одной ногой» мы стоим в социализме, а другой - в капитализме.** Это проявляется в том парадоксе, что, с одной стороны мы считаем, что кто-то нам должен, хотя нам никто не должен (мы сами должны), а, с другой - хотим, не шевелясь самим, при этом еще и хорошо жить».

3.4. Успехи и их противоречия

Надо признать, что, не смотря на сложные условия, профсоюзному активу комбината за последнее время удалось закрепить и немаловажные позиции самого трудового коллектива. Во-первых, за комбинатом к целом сохранилось **право распоряжения значительным пакетом в своих интересах**. И это уже не мало. Во-вторых, заслугой профсоюза является то, что на комбинате **обеспечена регулярность выдачи заработной платы**, в то время как большинство предприятий страдают ее хронической задержкой. В-третьих, на комбинате сохраняется и как нравственная **ценность, и как факт - коллективность рабочих**. Как сказал рабочий Александр « У нас бригада - еще семья. Не знаю как дальше будет, но пока это еще важно для наших людей.» В-четвертых, за последнее время изменилось положение с премиальным фондом. Если раньше этим фондом распоряжались начальники цехов, то теперь рабочие активисты во главе с Т.Ведерниковой **добились профсоюзного контроля и права на свое участие в распоряжении этим фондом**.

Сильный профлидер, пользующийся авторитетом у трудового коллектива, заставляет и администрацию признать авторитет профсоюза, зачастую закрепляя это положение уже и формально. Так, например, Т.Ведерникова была введена в состав совета директоров комбината, где без ее участия не решается ни один производственный вопрос.

Это значительное завоевание трудовой коллектив сумел сохранить до сих пор, в то время как на большинстве полиграфических предприятиях такое положение встречается не часто. Например, на предприятии “Полиграф-оформитель” председатель профкома не может месяцами попасть на прием к директору. О каком участии профактива и тем более, его рядовых работников в управлении производством в таком случае может идти речь?

И то, что Тамара стала членом Совета директоров, кажется факт сам по себе - очень положительный. Но работа в этом совете, связанная с обсуждением

многих проблем, вызванных объективной ситуацией не столько на самом комбинате, сколько всей экономикой страны в целом, заставляет председателя профкома понимать эти проблемы, а значит, и “входить в положение администрации”. Это понимание трудностей администрации объективно начинает работать на понижение требований профлидера, с которыми она должна выходить к ней от лица уже трудового коллектива. Ибо в любом случае неизменным должно быть одно: интересы трудового коллектива для председателя профкома должны оставаться приоритетными над интересами администрации как носителя уже определенных интересов комбината.

Одним словом, **над председателем профкома, являющимся одновременно еще и членом совета директоров постоянно висит угроза “размывания” жесткости требований, выдвигаемых трудовым коллективом** по отношению к администрации. И эта угроза тем сильнее, чем, с одной стороны, выше авторитет профлидера в глазах коллектива, а с другой - выше заинтересованность администрации в таком сильном профлидере.

Разговаривая о проблемах и противоречиях протестного движения в целом, я услышала от профсоюзного лидера Комбината следующее: **«Надо вернуться в историю и сделать анализ протестного опыта по регионам уже современной России. Если это не будет сделано - с профсоюзом будет тоже самое, что и с КПСС»**. И с этим я полностью согласна, потому я вместе со своими товарищами как раз и пытаюсь заниматься не только теоретическими исследованиями, но и практическим участием в поддержке протестного движения.

К очень лаконичному, штриховому, и уж вовсе не законченному портрету Тамары Ведерниковой, мне хотелось бы добавить в качестве последней черты следующее. Если еще два года назад она пыталась сама решать все проблемы приходящих к ней работников, то теперь она поменяла тактику, стараясь этих работников превратить **в соучастников решения его**

же вопроса. Не вместо него, а вместе с самим рабочим решать его проблемы.

Именно такое отношение по мнению председателя профкома может служить единственным способом избавления от потребительского отношения коллектива к своему профсоюзу. Более резко председатель профкома сказала так: «Это единственный способ “выбивать” из наших работников “быдлость”. *Но для этого надо помочь ему сделать хотя бы один шаг.* Без этого нам не стать полноценным профсоюзом, ибо роль лидера трудового коллектив как универсального спасителя, особенно после тех побед, которые у нас были, рождает у работников потребительское отношение к его профактивистам. А это очень опасно”.

1.4. Эскиз четвертый.

Владимир Воробьев – современный революционер рабочего движения

1. Биография

Случилось так, что Владимир Воробьев вырос без родителей и воспитывался в одном из детских домов Кемеровской области. И именно поэтому, как всякий детдомовец, он не всякому расскажет откровенно свою жизнь и не всякому доверится. О себе он вообще не любит говорить, тем ценнее то, что удалось узнать о нем косвенно из разговоров с ним, из разговоров с его товарищами и в, первую очередь, с Игорем Кузнецовым – профсоюзным активистом, секретарем «Сибирской конфедерации труда» по связям с профсоюзами.

Владимир Воробьев вырос в детском доме, из которого часто убегал, т.к. директор избивал ребят. После детдома он поехал к своим одноклассникам в Прибалтику. И там произошел случай, который сильно

поменял ход его дальнейшей жизни. Однажды, кто-то из его товарищей прокатил его на ворованном мопеде, о чем он даже не знал. Его арестовали как соучастника, хотя он таковым и не являлся. Настоящий виновник поступил вдвойне подло: он не только украл мопед, но и зная, что Володя - человек не из этих мест, а приезжий, решил все свалить на него. Следственные органы Прибалтики к этому отнеслись преступно халатно: не разобравшись кто истинный виновник, они присудили Володе немалый срок тюремного заключения.

Он не согласился с решением суда и сделал побег. Надо сказать, что не смотря на то, что у Владимира здоровье неважное, тем не менее, он – человек очень выносливый и может ходить по 20 км день. Убежав из тюрьмы Латвии, он дошел до Омска пешком, а это не менее четырех тысяч километров. Но при выходе на Омск был задержан, в результате чего получил еще один срок заключения - 13 лет. Так что, в общей сложности Владимир отсидел 20 лет, т.е. всю молодость.

Но где бы он ни находился, он всегда пытался учиться. И здесь, сидя в тюрьме, Владимир учился многому у диссидентов: общей культуре, как грамотно защищать свои права. Будучи прирожденным организатором, Владимир даже в тюрьме вместе с “мужиками” (термин, означающий ту часть заключенных, которые не входят в воровское сообщество в отличие от “воров”) создал подпольную организацию заключенных по защите прав русскоязычных заключенных. Не смотря на всю наивность взглядов, этой организации удалось даже добиться снятия одного из начальников зоны, который издевался над заключенными. Причем, в эту организацию входили не только русские, но и латыши, понимая, что она занимается защитой прав тех заключенных, которые терпели издевательства от тюремного начальства и в данном случае кто ты – латыш или русский – значения не было. Принцип справедливости, а не национальная принадлежность было главным.

Владимир Воробьев практически обладает всем комплексом рабочих специальностей строителя, в том числе, и такой редкой и старинной - как краснодеревщик. В недавнем своем прошлом он работал главным образом на строительном участке шахты. Это место выбрал по своей инициативе, не смотря на то, что имел и имеет большие проблемы со здоровьем: вследствие ранее перенесенного туберкулеза часть легких у него вырезана. Кстати, зная это, администрация предприятия не раз пыталась уволить его с работы, спекулируя этим его обстоятельством. Последнее место работы Владимира - Анжеро-Судженский Водоканал, где он работал настолько успешно, что директор даже предлагал ему как высококлассному специалисту и талантливому организатору стать начальником участка.

4.2. Опальность Воробьева

Но работая на Водоканале, он продолжал активно заниматься профсоюзной борьбой, за что вскоре и был уволен. Причем, он не просто потерял работу как источник средств существования для себя и своей семьи. Он попал в “черный список”. Такие списки есть почти везде, в которые зачислены, как правило, опальные профсоюзные и рабочие активисты. Я встречалась с некоторыми из них, например, как В.Белин и А.Буб с Черниговского разреза Кемеровской области, которые до сих пор так и не восстановлены на своих предприятиях. Думаю, в целом по России такой список не маленький. Навряд ли он существует на бумаге или в электронной версии. Но не только поэтому фамилии этих людей нельзя стереть ни резинкой, ни “мышкой” компьютера - они слишком прочно существуют в общественном мнении как рабочих, так и властей.

И действительно, авторитет Воробьева Владимира высок в городе, но “заплатить” за это ему пришлось немало. И это связано не только с потерей работы из-за своей борьбы за справедливость. Ему пришлось пережить не только безверие своих товарищей в самих себя, но и откровенную иронию со стороны начальства. Так, например, когда Владимир пытался добиться

выплаты задолженности по заработной плате своим товарищам, начальники и их холуи откровенно издевались над ним, во весь голос говоря, что все это несерьезно, глупо да и просто ерунда. Т.е. включившись в борьбу за выплату задолженности по зарплате своим товарищам, **ему пришлось отвечать сразу на два вызова: на безверие рабочих и иронию начальства.**

Воробьев не побоялся ответить на эти два вызова, причем поначалу почти в одиночку. Он действительно добился исполнения всех своих требований, хотя для этого надо было поднимать рабочих на рельсовую войну и надо было вести тяжелую работу по ее организации.

Но вместе с ростом авторитета Воробьева росла и цена, которую приходилось платить уже не только ему, но и его близким: жене Галине, пытающейся заботиться и кормить семью в условиях постоянной нехватки денег, но зато имеющей с избытком тревог и беспокойства, причем, не только за бесстрашного мужа.

Например, его младшего сына Сергея всячески травят в школе, что у него такой отец - бунтарь. Не выдержав такого, мальчик начал пропускать занятия, хотя уже до этого ему пришлось по этой же причине сменить школу. Отцу он ничего не говорил, но уроки пропускал. Начались проблемы в школе. Их также надо было решать.

Есть и другое. Например, когда профактивисты затевают какую-нибудь акцию, то милиция начинает использовать такую тактику: она приезжает к активистам домой и забирает их к себе в отделение, якобы для того, чтобы вести с ними разговоры, а на самом деле – для того, чтобы у активистов украсть время и может быть, хотя бы этим сорвать акции. Причем, милиция приезжает даже в выходные дни. В связи с этим Владимир Воробьев научил сына отвечать на вопросы милиции так, чтобы не подвести ни отца, ни его товарищей.

Победы и поражения рабочих в этой войне, драматургия их взаимоотношений друг с другом, с близкими, с властями в процессе этой

борьбы - все это заслуживает не только отдельного анализа, но и своего художественного осмысления. Ведь весь этот материал о протестном движении с точки зрения и фактологии, и драматургии – богатейший. Я сужу даже по себе: сколько много возникает разных сценарных фрагментов в голове, соединяющихся в ту или иную историю. Особенно это получается в поезде, возвращаясь после всех поездок по заводам: впечатления и усталость не позволяют заняться чем-то серьезным, а времени - предостаточно.

Кто знает, может быть когда-нибудь об этом появятся книги и фильмы, которые станут вызовом сегодняшнему российскому искусству «криминального реализма».

4.3. Особенность Анжеро-Судженска

Несколько слов о самом городе. В советское время, особенно в эпоху застоя Анжеро-Судженск был относительно благополучным городом. Квалифицированный шахтер, как правило, был обеспечен квартирой из молодежного жилищного комплекса, мог позволить себе купить видеоаппаратуру, машину, а также иметь ежегодный выездной отдых. Тем сильнее был общественный шок, когда жители города уже с середины 90-х гг. перестали регулярно и в полной мере получать заработную плату. Позже она перестала выдаваться вообще, - вместо зарплаты рабочим выдавалась булка хлеба, правда, один раз в месяц и еще банка сметаны.

А ведь когда-то Анжеро-Судженск был известен не только как шахтерский город, в нем были и предприятия уникального производства, например, Горстеклозавод, который выпускал не только оконное стекло для всей Сибири, но и делал стекло для космического оборудования. В Западной Сибири другого такого предприятия, аналогичного этому просто нет.

Вследствие такого шокирующего падения уровня жизни часть рабочих начала деградировать: спиваться, некоторые начали обменивать продуктовые талоны на водку. Но другая часть стала активно протестовать

против такой нечеловеческой жизни: начались забастовки и голодовки, но это ничего не дало.

Говоря о городе, стоило бы сказать несколько слов о специфике его властей. По мнению одного из лидеров Сибирской конфедерации труда, такого серого и убогого директорского корпуса как в Анжеро-Судженске просто нигде нет. И даже то обстоятельство, что недалеко от него располагается такой старинный культурный центр как город Томск (его еще называют “Сибирские Афины”) ничего не меняет. Такого количества необразованного, да и просто глупого начальства как в Анжеро-Судженске нигде нет.

Соответственно не приходится говорить о какой-либо либеральной культуре начальства и уж тем более, о культуре переговоров. Угрожать и давить лидеров профсоюзного и рабочего движения, а еще лучше - по возможности лишать их работы - вот господствующий стиль местного начальства по отношению к человеку труда, особенно, если он позволяет себе осознавать и отстаивать свой интерес. Это характерно не только для Анжеро-Судженска, но и для администрации Томска и Новосибирска.

Волну протестного движения рабочих Анжеро-Судженска, вызванную резким ухудшением их положения, особенно усилило откровенно хамское к ним отношением со стороны администрации. Конечно, выросшая в силу всех этих причин активность рабочих Анжеро-Судженска не могла не вспугнуть местное начальство. Более того, по мнению профсоюзных активистов Анжеро-Судженска, одна из особенностей этого города заключается в том, что в Сибири, а может быть, и в целой России нет такого города как этот, где бы начальство так боялось своего собственного населения. И это следствие не столько того, что в Анжеро-Судженске собрались трусливые чиновники, сколько - результат активности профсоюзных и рабочих активистов.

Не надо забывать и то обстоятельство, что еще в советский период большинство шахтеров имело профессиональное образование, а часть из них - даже высшее инженерное. Причем, если при получении оценок и дипломов по

отношению к начальству в институтах, как правило, делались скидки, то к рядовым шахтерам на экзаменах требования были более строгими и потому учиться им приходилось по-настоящему. Вот почему у определенной части шахтеров уровень образования был не ниже, чем у администрации, а иногда и выше. Да и по личным способностям рабочие часто находились на более высоком уровне.

Такие шахтеры вполне могли работать инженерами и руководителями участков, но желающих идти на руководящие должности, среди них было не так уж и много. И даже деньги в таком случае не всегда играли решающую роль. Да, заработная плата руководителя участка была выше заработной платы квалифицированного шахтера, но и ответственность руководителя была значительно выше.

Надо сказать, что на руководителей в советское время возлагалась большая ответственность, причем, не только перед администрацией завода, но и перед заводской партийной организацией и уж, конечно, в первую очередь, не за политические взгляды шахтеров, а за такие вопросы, как: выполнен ли план добычи угля на участке и по шахте в целом; много ли брака; есть ли технологические нарушения; были ли несчастные случаи на участке; или что делать с шахтером, который оказался нетрезвым на рабочем месте и многие другие вопросы.

И эта ответственность была настолько высокой, и постоянной, что практически не окупалась той разницей в зарплате, которую имел этот руководитель по сравнению с не руководителем той же квалификации. Как говорят в таких случаях: “Нервы стоят дороже.” Принципиально иная ситуация сегодня, когда зарплата менеджеров даже среднего звена на крупных предприятиях превышает среднюю заработную плату его работников в несколько раз.

Так что, в советские времена среди шахтеров было немало образованных людей, а знание и рабочая практика позволяла им анализировать и разбираться

в вопросах производства и управления зачастую лучше самого начальства. Вот почему, уже в сегодняшней ситуации, например, когда у мэра города идут переговоры, рабочий-шахтер зачастую в своем выступлении анализирует положение на шахтах лучше, чем ее директор, который сидит и молчит. Грамотность, знание и понимание ситуации не только укрепляет у рабочих чувство достоинства, но и позволяет им не склоняться перед начальством.

Надо сказать, что такое отношение на равных возникло еще раньше в советские времена: во-первых, тогда не было такой резкой социальной дифференциации; во-вторых, в небольших рабочих городках, где, как правило, все знали друг друга хорошо еще с детства, лишь одно выражение начальственной важности на лице вызвало бы немало насмешек у горожан. Так что, в отличие от крупных городов и региональных центров и уж тем более, Москвы, в таких местах, как Анжеро-Судженск, дух иерархического почитания начальства здесь не очень-то прижился.

Поэтому неудивительно то, что в Анжеро-Судженске шахтеры, особенно те, кто проработал на шахтах по 20 лет и более, даже сегодня на равных разговаривают со своим начальством, тем более, что большинство из них - их вчерашние товарищи по бригаде или участку. Не редкостью является и то, что шахтеры могут открыто критиковать свое начальство, причем порой даже в насмешливо-дружеской форме. Например, сказать начальнику, обращаясь по имени: “Ивашка, ну что ты там ерунду говоришь”. А если собирается пикет, рабочие могут спокойно зайти к начальнику в кабинет и потребовать от него ответа на вопросы, от которых зависит перспектива предприятия, а значит и их личная перспектива.

Привычная манера чиновников уходить от вопроса, или говорить так, чтобы при этом ничего не сказать (ведь карикатурность разговорного стиля Черномырдина как раз и порождена этим), или отделяться абстрактными обещаниями – такой подход шахтерами не принимается. Они требуют от начальника внятного ответа, вплоть до того, что не выпускают его из

кабинета, пока он не даст полный и ясный ответ. Одним словом, рабочие Анжеро-Судженска достаточно радикальны и в выражении своих интересов и в формах их отстаивания. Но это, в отличие от тех левых, для которых игра в экстремизм – любимое занятие) у шахтеров возникает, как правило, не из их любви к радикальности, а из радикальности самого экономического и социального положения, в котором они, как и все трудовое население страны оказались в результате “демократических и рыночных” реформ.

4.4. Рельсовые войны

Это быстрое ухудшение материального положения работников в Кузбассе, причем такое, какого не было ни в одном регионе, конечно же и стало главной причиной вспыхнувшего в Анжеро-Судженске волны протеста. Надо сказать, что ухудшение в Северном Кузбассе было намного резче и острее чем, например, в южном. Более того, про Анжеро-Судженск власти не стеснялись даже официально заявлять, что этот город надо вообще ликвидировать, а вслед за ним и другие шахтерские города - Прокопьевск и Киселевск.

Такая экономическая бесперспективность людей в Анжеро-Судженске плюс неотесанность и грубость начальства, его стремление жестко подавить рабочих лидеров - все это в итоге привело к рельсовым войнам. И действительно, только в 1998 году было пять перекрытий Транс-Сибирской магистрали.

Здесь надо сказать несколько слов специально о роли женщин в этих рельсовых войнах, которые зачастую были более радикальны, чем мужчины. Например, был такой случай, когда шахтеры, организовав очередную забастовку, в знак протеста сидели возле мэрии. Всем становилась понятной бессмысленность дальнейшего сидения в центре города. Тогда одна из женщин, бастующих вместе с ними, выступила с резкой критикой шахтеров:

”Что Вы здесь сидите? Надо идти и перекрывать магистраль (транс-сибирскую)! Вы что боитесь? Вы что, мужчины, трусы?”

И это обращение женщины к шахтерам стало той искрой, которая подняла новую волну в протестном движении. Неслучайно, в Анжеро-Судженске начальство больше всего боится женских пикетов, зная, что работницы способны идти до конца в отстаивании своих требований.

Говоря о рельсовых войнах, нельзя не сказать и о роли “красного” губернатора Кемеровской области Тулеева, который в свое время являлся членом КПРФ. Поначалу Тулеев поддержал эти рельсовые войны. По мнению профсоюзных активистов Кузбасса, Тулееву это протестное движение шахтеров поначалу было выгодно, т.к. ему нужны были средства под новые рабочие места. Конечно, прямо об этом он не говорил, но зато об это откровенно хвастались работодатели, говоря, что под новые рабочие места относительно легко получить деньги. Но в реальности ни одного нового рабочего места для шахтеров ни Тулеевым, ни остальными работодателями так и не было обеспечено.

Вот почему профсоюзы в составе «Сибирской Конфедерации Труда» в первую очередь создали координационный комитет занятости, чтобы контролировать деньги, направленные на создание новых рабочих мест.

Вообще Тулеев все время пытался манипулировать рабочим движением. По мнению профсоюзных активистов, уже летом 1998 года стало понятно до какой степени он заигрался протестным движением. Но его авантюризм и манипулирование лишь усилили рабочее движение. А летом того же года рельсовые войны (а к этому времени их было уже семь) вышли даже из-под его контроля.

4.5. Городская конфедерация профсоюзов

а) структура

Еще до рельсовых войн, быстро поняв низкую эффективность таких форм как забастовки и голодовки, рабочие Анжеро-Судженска начали искать новые формы защиты своих интересов. Вообще надо сказать, что рабочие в отличие от администрации предприятий и профсоюзного начальства, оказались более способны и более готовы к постоянному обновлению организационных форм для защиты своих интересов.

Так, например, после рельсовой войны была создана Городская конфедерация профсоюзов (ГКП) Анжеро-Судженска, входящая в состав «Сибирской конфедерации труда». На сегодня председатель городской конфедерации труда - шахтер из шахты «Сибирская» Олег Рыжкин, а Владимир Воробьев – ее секретарь, являясь одновременно и секретарем «Сибирской конфедерации профсоюзов» по вопросам занятости.

Социальное представительство профсоюзных активистов очень демократичное: это и пенсионеры, и молодежь, и рабочие, и учителя, и врачи. «Фактически, нас поддерживают сейчас многие коллективы, - сказал Владимир - Нас поддержали даже воины-«афганцы» и «чеченцы» (солдаты, прошедшие чеченскую войну), ибо мы выдвинули требования по коммунальной реформе, что их задело напрямую. «Чеченцы» поддержали нас в наших требованиях полностью, так как мы выступали в их защиту также».

Вся профсоюзная деятельность Городской конфедерации строится на синдикалистской основе. Так, например, в ГКТ входит пять профсоюзов: Анжеромаш (машиностроительный завод), АСВиК (Анжеро-Судженский водоканал), ГОФ (Групповая обогатительная фабрика), Стеклозавод, УКТС (Управление коммунальными теплосетями) и швейная фабрика «Искра», которая после избрания нового профсоюза вошла в эту структуру.

Создав Городскую профсоюзную конфедерацию труда под названием «Сибирская конфедерация труда», рабочие активисты почувствовали свою силу. Реальным центром ее деятельности стал не формальный лидер Воробьев

Владимир, вокруг которого собралось пять-десять человек и на которых он мог положиться. Это авангард рабочих, которые полностью отдали себя борьбе, ибо это дело их жизни. Такие ребята есть в разных городах. Они, как правило, числятся в «черных списках». Они даже не могут занимать посты в профсоюзах. Эти люди имеют авторитет. Например такой Юра Бармин на Капейском разрезе, который выступил с критикой Российских профсоюзов горняков.

Благодаря этой самоорганизации рабочим удалось одержать ряд пусть небольших, но все-таки побед. В результате Анжеро-Судженск прозвучал, причем, не только в России, но и за рубежом. По реакции из разных регионов рабочие Анжеро-Судженска чувствовали, что у них появился авторитет, что их знают в других городах, на них смотрят с уважением.

Приобретенный в ходе борьбы моральный капитал заставил рабочих активистов еще более избирательно и безошибочно выбирать тот или иной метод борьбы. А это очень непросто. И рабочие Анжеро-Судженска, не избалованные возможностями и средствами, быстро нашлись как его применить. Например, если суды затягивают решение какого-то вопроса, связанного с незаконным увольнением или невыплатой задолженности по зарплате, или, например, администрация пытается срывать переговоры с рабочими, то представители городской конфедерации труда пытаются помочь им. Для этого используются разные формы борьбы, тем более, что у Воробьева большой опыт в организации крупных забастовок.

б) пикеты

Проходит пикет у мэрии Анжеро-Судженска. Инициаторы захватывают все пять этажей, занимают все лестничные проходы и заставляют мэра идти в конференц-зал, где его уже ожидают активисты. И когда мэр начинает что-то обещать, то В.Воробьев начинает следом за ним все это протоколировать. При этом, как правило, сами же активисты публично предупреждают всех присутствующих, в том числе, и мэра о том, что в этом зале происходит

встреча мэра не с населением города, а с профсоюзом Городской конфедерации труда г. Анжеро-Судженска. Мэру задаются вопросы конкретно по той или иной проблеме. А все ответы и обещания мэра при этом тщательно протоколируются активистами.

Однажды, был случай, когда Воробьев со своими товарищами пытались решить проблему предотвращения сокращения рабочих, тем более, что согласно Постановлению правительства № 93 органы самоуправления имеют право прекратить массовые сокращения. Разговор был трудный, но когда мэр поняв, что ему не уйти от ответов, назвал Воробьева «сволочью, подонком», Владимир тут же запротоколировал и это оскорбление. А после этого сказал мэру: «А за нанесенное мне публичное оскорбление я завтра же подам на Вас в суд». Разъяренный мэр, понимая, что попал в некоторую ловушку, ибо свидетелей его оплошности в зале предостаточно, он задал Воробьеву вопрос: «Ну, что тебе надо?» Воробьев повторил свое требование. После этого мэр поскрипел зубами, но на уступки профсоюзным активистам все-таки пошел. Таким образом, профсоюзные активисты используют в судах даже мировое соглашение в котором мэр вынужден писать то, что необходимо В. Воробьеву, а это значит - людям Анжеро-Судженска.

И такие меры, которые бы заставляли администрацию давать конкретные ответы на конкретные вопросы действительно помогали и не раз. Например, ускорять решение дел в судах, выдавать пайковый льготный уголь, кто его обязан иметь, но не имеет (пенсионеры и ветераны войны и труда).

И это дало свои результаты. Вот что об этом рассказал В.Воробьев: «За август-сентябрь 2002 г. мы провели серию пикетов, с периодичностью через 10 дней каждая. И если поначалу на акцию приходило 20-30 человек, то потом уже - 300-400. Реально у нас шла непрерывная стачка: одна заканчивалась и начиналась следующая. Требования не менялись, а лишь дополнялись и в итоге составили 18 пунктов. Это насторожило

администрацию. Органы МВД вплоть до областных, подтянулись к Анжеро-Судженску опасаясь дальнейших событий.

В результате этого администрация, во-первых, дала бесплатный уголь всем членам профсоюзов Городской Конфедерации труда. А, во-вторых, глава города сам, лично подал в отставку. Наши действия практически заставили его. Он так и сказал мне: «Воробьев, ты меня достал». Ушел в отставку он 3 сентября. Это то, что связано с последними событиями».

До этого 4 акции с августа прошли Т. е. то, что предусмотрено законодательством: давали уведомление через каждые 10 дней и проводили акции. Последним было требование оказать недоверие Правительству Российской Федерации за все те действия, которые были направлены на введение новой коммунальной реформы. Т. е., то, что ущемляло простых горожан именно в их жизни: это непомерно высокая оплата за коммунальные услуги, потому, что заработная плата в среднем по Анжеро-Судженску составляет 2000 рублей; такие как педагоги, низкооплачиваемые рабочие получают до 700 рублей, и квартплата как раз 700 рублей.

Владимир считает, что надо создавать массу профсоюзных активистов и их надо сохранять. В отличии от КПРФ, он считает, что митинги надо проводить не у здания мэрии, а на территории самих заводов. Как человек опытный и обладающий политическим чутьем, Воробьев всегда умеет найти момент, когда именно надо организовать этот митинг.

в) Балтийская

Или же, например, администрация не удовлетворяет требования тех или иных пострадавших рабочих, то профсоюзные активисты из ГКТ обещают им организовать пикет на автобусной остановке “Балтийская”. Недалеко от этой остановки есть большой пустырь (рабочие его называют “площадь Надежды”), на которой собираются забастовщики для решения вопроса: так перекрывать Транс-Сибирскую магистраль или нет.

Узнав об этом и боясь перекрытия магистрали, администрация города сразу вызывает милицию, прокуратуру и работодателей для того, чтобы посредством переговоров с профсоюзными активистами так или иначе решить поднятую проблему. И, как правило, это имеет воздействие. Например, это позволило сократить сроки рассматриваемых в судах дел, которые до этого обычно тянулись от восьми до пятнадцати месяцев до двух или даже одного. Такие меры также позволяли обеспечить судебную защиту прав рабочих, или же добиться проведения переговоров.

А вот другой пример: в Сибирском регионе все частные дома должны пользоваться углем, ГКТ составляет списки всех нуждающихся. Это практикуется с 1999 года. Сначала люди обращаются к властям с просьбой получения угля, но когда власти отказывают, они потом обращаются в конфедерацию профсоюзов.

«Вот тогда мы думаем, как лучше добиться выполнения их требований, тем более, что есть немало постановлений (в том числе, постановление правительства № 1441), дающих этим нуждающимся людям гарантии. - продолжает В.Воробьев. - В этом случае, мы обращаемся к главе города и он сразу выдает уголь бесплатно. Причем, мы не просим у него уголь - мы требуем. А действуем мы следующим образом: мы приходим с этим требованием уже к властям, а если они нам отказывают, мы оставляем свое уведомление о проведение пикета на остановке Балтийская. Для нас – это основной рычаг воздействия на начальство.

«Площадь Надежды» - это стратегическое место. Если рабочее движение “дошло до точки”, т.е. когда исчерпаны все “мирные” средства, то тогда рабочие переходят к “тяжелой артиллерии” - перекрытию Транс-Сибирской магистрали, но прежде предупреждают об этом городскую власть. Как правило, именно предупреждение является действенным механизмом решения того или иного вопроса. Зная, насколько власть боится пикетов, тем не менее, рабочие активисты не злоупотребляют этим. Они хорошо понимают, что

самое главное - это не пугать пикетами, а заниматься самоорганизацией рабочих, ибо в этом их главная сила.

Но при этом, нам не надо забывать и уроки нашего прошлого: почему мы проигрываем? Потому что, пока не начнут задерживать зарплату или не начнут сокращать людей, у нас не шевелятся. А ведь, если действовать в режиме реагирования, а не инициирования, то мы всегда будем в проигрыше.

4.6. Организационные принципы

а) гибкость и многообразие

форм

Владимир Воробьев – чрезвычайно творческий лидер, в том числе, и в вопросах самоорганизации. И поэтому он говорит о необходимости создания профсоюза пенсионеров, профсоюза безработных, молодежно-жилищных комплексов (МЖК) и более того, **совета трудящихся** как зародыша будущей альтернативной власти.

Все эти выдвигаемые им идеи имеют не только обоснованные аргументы, но и личный практический опыт, когда он со своими товарищами создавал и стачкомы, и городской рабочий комитет, куда входили рабочие разных предприятий. Здесь важно отметить, что это его гибкое отношение к самоорганизации порождено не желанием организационно обновлять существующие рабочие структуры, а необходимостью находить те формы, которые нужны для решения конкретных задач. А ведь принцип бюрократов в этом отношении – прямо противоположный. «Во время ведения рельсовых войн нас жизнь заставляла одну форму менять на другую, т.к. нужно было не только от шахтеров, но и от всего города сообщать свои требования».

Итак, первый принцип ГКТ – организационная гибкость и многообразие форм.

б) демократичность

Позиция Владимира Воробьева, впрочем, как и всего руководства Городской конфедерации труда, всегда была глубоко демократична. Это особенно проявляется в их деятельности и во взаимоотношениях с представителями других профсоюзов и трудовых коллективов. Вообще быть демократичным по отношению к тому, кому ты помогаешь, не так уж и просто. Тем не менее, Воробьеву и его товарищам это удается. Вот что говорит об этом сам Воробьев: «Мы у себя в Анжеро-Судженске стремимся, чтобы низовые решения не зависели от руководства нашего профсоюза. Мы как Городская конфедерация труда можем только обсудить решение того или иного профсоюза, но принять решение может только низ, т.е. коллектив. Да и сами посудите, в той же акции протеста, если решение примут люди - они придут, а если это решение приму только я, то я не уверен, что они придут. Поэтому я могу только аргументировать или комментировать решение, но принимать его может только коллектив».

«На первых порах мы действительно помогаем людям. - продолжает этот разговор один из лидеров «Сибирской конфедерации труда» И. Кузнецов, - поначалу мы предварительно ведем беседу с ними, обсуждаем их проблемы, подталкиваем к тем или иным шагам. На общих собраниях мы вносим идеи, а люди сами их дорабатывают, доводят их до нужной кондиции, а в итоге это все складывается в какой-то документ. Но когда они сами снизу создают ячейки – тут они уже решают все сами». *«Поэтому я не расстраивался, - сказал В.Воробьев, что кто-то не придет, потому что после принятия данного решения людям самим будет просто неудобно потом не приходиться»*

И далее продолжил И. Кузнецов: «Инициатива должна рождаться снизу. Важно людей приучить самим принимать решения. Тем более, что сибиряки не любят, чтобы им что-то навязывали. Да, синдикализм, мы уважаем и должны считаться с мнением меньшинства ».

в) «азбука борьбы»

Активисты Конфедерации труда считают, что профсоюзная борьба не должна быть стихийной. У каждого профсоюза должна быть своя программа на предприятии, свои разработки по тому, какой должен быть уровень зарплаты, уровень охраны труда, какие формы солидарности могут быть в регионах, в чем опасность нового трудового кодекса. Понимая значение всех этих вещей, активисты «Сибирской конфедерации труда» по этим вопросам уже не раз проводили опросы и анкетирование, и «круглые столы», причем не только в своем регионе, но и в соседних: в Пензе, Ульяновске, Самаре и др.

г) добровольность и инициативность

В Городской Конфедерации труда никто никого не обязывает что либо делать. «Вся деятельность строится под конкретные дела. - сказал мне В.Воробьев, - При этом, работает принцип личной инициативы. Но если ты один раз не сделал, второй раз не сделал, то третий раз, если даже и захочешь что-либо сделать, тебе уже просто не поверят. И такой принцип многим нравится».

4.7. Правозащитная деятельность Воробьева

В Анжеро-Судженске раньше судебные процессы обычно шли два часа и все - суд заканчивался. Но с тех пор как Городская конфедерация труда стала вмешиваться в судебную систему, то теперь эти процессы тянутся годами. Это и понятно - кому-то выгодно затягивать процессы. Не имея шансов выиграть (а представители конфедерации сейчас люди грамотные в этих вопросах), судебные органы введут бюрократическую проволочку с решением поставленных вопросов, чтобы отодвинуть свое вероятное поражение. Причем, эти проволочки тем сильнее, чем неохотнее власти признают альтернативные профсоюзы. Они откровенно боятся поражений, и оснований для этого немало..

Так, например, в Анжеро-Судженске еще с 1997 года накопилась большая задержка по зарплате рабочим. Многие, так и не дождавшись этой

выплаты, иногда просто уходили с этой работы на другую. Но те, кто, входя в Городскую конфедерацию профсоюза, подал иски и при этом не забрал их обратно (в отличие от тех, кто не выдержал оказываемого на них психического давления со стороны властей) - большинство из них благодаря настойчивости Владимира Воробьева выиграли свои дела, т.е. они получили зарплату.

А роль Владимира заключалась в том, что он в случае, когда дела терялись или затягивались, добивался того, чтобы эти иски рассматривались. Он успел когда-то закончить три курса юридического факультета и теперь ему это очень помогает. Причем, Воробьев не только защищал рабочих в судах, но и учил своих товарищей этому умению. И на сегодня у него уже есть два человека, которых он подготовил, и теперь они заменяют его в судах, потому что все охватить Воробьеву – просто невозможно.

И еще в нашей практике у нас сложилось такое правило: после каждого судебного процесса мы всегда собираемся и обсуждаем наши промахи, наши ошибки, на что следует обратить внимание на следующих процессах и как вести себя на них. Вот это способствовало воспитанию более широкого круга активистов.

А вот другой случай из правозащитной практики, о которой рассказывает уже сам Воробьев: «Когда, однажды, суд завели в тупик в течение трех дней, ко мне приходит наш председатель и говорит, что тупик, Тогда на четвертый день на процесс иду уже я. Судья мне начала объяснять, мол, зачем ты пришел, если процесс закончился? Я ответил, что буду участвовать в прениях. Тогда ей ничего не оставалось делать, как только меня допустить к участию в процессе». Результат этого участия был большой: во-первых, работодатель, с которым судились рабочие, суд проиграл, а, во-вторых, весь участок ГРЭС, а это 70 человек подали заявление в альтернативный профсоюз «Защита». После этого между Городской конфедерацией труда и профсоюзной организацией с г. Березовским было заключено соглашение о сотрудничестве. А это значит, что теперь они вместе будут решать все вопросы по защите трудящихся, вплоть до

организации совместных акций протеста. Так конфедерация труда помогает профсоюзникам других городов.

К Воробьеву идут все. Люди знают эту его способность откликаться на чужую беду и обращаются к нему как к правозащитнику. Воробьев не только консультирует тех, кого обидели, но и участвует в защите на судах в качестве общественного защитника от профсоюза, тем более, что по старому трудовому кодексу профсоюз имел право присылать от себя своего защитника.

Владимир Воробьев как человек бедный в своих материальных возможностях, но богатый своим творческим потенциалом, он использует для защиты прав рабочих все, что можно. Например, он всегда находит в аппарате администрации или в суде тех людей, которые не симпатизируют своему начальству и с наоборот с сочувствием относятся к рабочим. Тогда Воробьев пытается придать их сочувствию действенные формы, помогающие интересам рабочих.

Т.е. и в своей правозащитной деятельности Владимир не одинок. Тем более, что даже в правоохранительных органах есть честные люди, которые, там работая и ему лично симпатизируя, стараются помогать Воробьеву хотя бы, информацией. Авторитет Воробьева в городе настолько высокий, а его бескорыстие настолько очевидно, что все, что есть честного и порядочного в судах, в прокуратуре и милиции - все эти люди пытаются помогать ему.

Этот тот случай, когда личный пример Воробьева не оставляет людей равнодушными. Т.е. Владимир не словами, а своей искренней и неутомимой деятельностью заражает остальных и даже обывателя. Но самое главный результат деятельности Воробьева – это то, что к нему приходят по своей личной инициативе помогать те, кто сам когда-то был обиженным. И таких людей не мало.

Например, бывший милиционер Николай, которого бывшее начальство просто выжило за его справедливый подход к делу. Теперь Николай, будучи судебным приставом-исполнителем, возглавляет комитет правовой

самозащиты граждан Кемеровской области, который был создан при активном участии и Владимира Воробьева.

Надо сказать, что сегодня встречается довольно часто случай, когда тех судебных приставов, которые честно выполняют свои профессиональные обязанности, т.е. честно выполняют решения судов, например, помогая рабочим по закону получить задолженность по заработной плате - таких людей, как правило, потом вышестоящее начальство выживают из этих органов как враждебный материал. И этих людей В.Воробьев как раз и пытается привлечь к себе, но они сами зачастую на Воробьева и на «Сибирскую конфедерацию труда». Т.е. в России сегодня не проходит даже принцип буржуазной законности.

4. 8. Антибюрократизм

«Мы сейчас проводим мысль, как сделать так, чтобы наши усилия имели воздействия не только в рамках Кемеровской области, но и соседних областей (Красноярской, Томской, Новосибирской). Надо идти до Дальнего Востока. Мы хотим создать, с одной стороны, единую низовую систему, а, с другой - строить межрегиональные формы сотрудничества.

Некоторые профсоюзные активисты уже приезжают к нам за помощью в отстаивании своих требований на эти совместные пикеты. К нам за помощью обращались даже независимые профсоюзы милиционеров. Они сами готовы приехать и вместе участвовать на пикетах, причем, даже в своей служебной форме» -рассказали мне активисты ГКТ.

Но и представители самой конфедерации едут в другие области для установления связей. Владимир Воробьев старается всегда смотреть вперед, поэтому он еще в 1997 году понимал, что нужны связи между регионами. У него есть подход к рабочему человеку. Когда от кого-то по слухам узнает, что где-то затевается встреча профсоюзников и рабочих активистов, он сразу стремится сам туда отправиться, а если и не получается самому, то тогда пытается кого-то туда обязательно отправить и организовать связь.

Вообще Воробьев всегда говорил и говорит о необходимости того, чтобы у рабочих был не руководящий а координационный комитет на уровне России, причем, не временным, а постоянный. В практике Конфедерации немало примеров, показывающих как снизу рождается и устанавливается сетевой принцип отношений с другими профсоюзами не только в рамках города, но и целого региона.

Надо сказать, что Городская конфедерация труда уже заключила такие соглашения о сотрудничестве с профсоюзами г. Томска, г. Березовским. Вообще «Сибирская Конфедерация труда» возникла на синдикалистской основе, где ячейки, хотя и автономны, никто никому не навязывает никаких решений, тем не менее, в их отношениях всегда сохраняется принцип взаимопомощи и солидарности, а общая деятельность строится по сетевому принципу.

Действительно, сегодня объективно назрела идея сетевой самоорганизации, т.е. когда люди работают вместе не по принципу принадлежности к той или иной отрасли, и не по принципу принадлежности к тому или иному определенному профсоюзу, а по принципу общности задач, которые им вместе приходится решать. И это чрезвычайно важно, а насколько этот сетевой принцип эффективен - показала сама практика.

«К этому пониманию, сказал мне Владимир, - мы пришли в 1998 году, вот почему мы создали «Городскую конфедерацию труда» как форму самозащиты от местного и регионального начальства».

4.9. Щепетильный вопрос

Российская практика протестного движения показала всю опасность положения освобожденных профсоюзных лидеров. Это и понятно, ибо такой лидер имеет две ипостаси: с одной стороны, он - борец за дело рабочих, а, с другой - него есть прямой интерес уже как у наемного работника завтра иметь это же самое рабочее место. Т.е. он так или иначе прямо заинтересован в воспроизводстве своего рабочего места. И эти ипостаси

(борец за рабочее дело и наемный работник) находятся в противоречии друг к другу. Но ведь профсоюзная борьба, в которую он включен, уже сама по себе полна противоречий и уже хотя бы потому требует от профсоюзного лидера внутренней целостности, убежденности и готовности все свои силы и возможности отдавать себя целиком только своему делу.

Поэтому, если его участие в профсоюзной борьбе хоть в малейшей степени находится в зависимости от денег – оно в любом случае становится фактором, отрицательно сказывающимся на его профсоюзной деятельности. Каким бы сознательным и честным человеком он не был, у него всегда присутствует хоть в самой малой степени номенклатурный интерес – изберут ли его завтра опять председателем профсоюза или, если говорить более откровенно - будет ли у него завтра рабочее место. Или же, совсем просто – будут ли у него завтра деньги?

Чрезвычайно интересной в связи с этим является практика решения данного вопроса в Городской Конфедерации профсоюзов. Но пусть об этом лучше всего расскажет сам В.Воробьев: « У нас нет ни одного оплачиваемого председателя профсоюза, это раз. Это касается также меня, я не работаю, т.к. Россия освободила меня от этого. Но никто не может сказать, что меня содержит профсоюз. То, что подобного рода работа оплачивалась я считаю **ошибкой, которая погубила советскую власть.**

Но когда необходим какой-то материал, то чтобы это не ложилось на одного человека, мы делаем так, что бы все затраты ложились опять-таки на весь коллектив. И люди, уже сами зная сколько им надо, покупают этот материал и уже не в денежном выражении, а приносят этот материал готовый и передают уже нам, для того, чтобы мы делали газету или листовки, т.е. все что нужно для предстоящей акции. Т.е. все делается не за деньги».

По особенному решается в Анжеро-Судженске и вопрос и со взносами. «В нашей конфедерации труда, поделился со мной Владимир, - взносы не собираются. Мы даже хотели счет завести, но потом отказались от этой идеи,

потому, что экономическая ситуация действительно настолько тяжелая, что людям просто нечем платить. Эта система хороша тем, что, например, мне нужна бумага - люди сами мне ее находят и приносят. Т.е. у нас работает система целевых пожертвований.

Или если, например, мне надо ехать в Москву - я у них денег не прошу, но открыто всем говорю, куда и зачем я еду. Если мои аргументы убеждает людей, то они беспрекословно собирают деньги, зная, что я с 1998 года – безработный. Я людей не обременяю взносами.

Однажды мне в профсоюзе «Защита» сказали, что мы твоих людей будем считать по бухгалтерским взносам. Я тогда возмутился, как это так? Это что центральный орган будет считать сколько у меня людей, причем, по принципу: сколько денег – столько у меня членов профсоюза? Не смотря на это, я решил - у людей собирать деньги не буду. Я не обязан кормить дармоедов, которые сидят надо мной и еще чушь несут. Я считаю, что если председатель профсоюза хорошо работает, и люди это видят - они сами ему помогут. Мне ведь помогают.

Хотя, конечно, мое материальное положение незавидное: были даже упреки со стороны жены, и тогда я ей сказал: «Извини, Галя, но меня блокировали. Ну, не могу найти работу. Куда бы ни пришел – нигде не дают ходу. Правда, потом она меня все-таки поняла». Вот так представил мне свою позицию Владимир Воробьев.

Надо сказать, что и к решению этого вопроса он подошел с позиций профсоюзного борца и творческого человека. Посмотрите, как он, пусть хотя бы частично, но все-таки пытается решить эту проблему. Он при случае стал зарабатывать в судах, помогая защищать тех, с кем незаконно обошлись власти. Но даже эти небольшие средства, которые он за это получает, он тратит на профсоюзные нужды.

4.10. Информация

Его в городе все знают и потому все недовольные идут к нему. И чем пассивнее недовольный, тем больше он высказывает то, что ему не нравится. Далее они уже вместе пытаются думать, как можно решить ту или иную проблему. Но одновременно с этим у В.Воробьева накапливается много информации о том какие проблемы в городе. И даже начальство знает, что наиболее полная информация у Воробьева: какие решения по той или иной проблеме назревают, какие настроения у людей, какие господствуют позиции. Он реально знает больше, чем любой директор, ибо иногда владеет такой информацией, которую мэр прячет от всех. Понимая, какое большое значение имеет информация в профсоюзной борьбе, В.Воробьев серьезно относится к проблеме ее добывания, именно добывания, а не получения – на блюде ее не подают. Для этого он даже ездит в Москву в Министерство топливной энергии, где много выходцев из Кузбасса, чтобы в разговоре с ними понять перспективы не только Анжеро –Судженска, но и всего региона.

4.11. Интернационализм

Воробьев по своим убеждениям интернационалист и за это ему уже приходится платить. Так, например, патриотическая часть Новосибирского академического городка, стоящая за национальную социалистическую революцию, пытается влезть в рабочее движение и навязать ему свои взгляды. Но тогда Воробьев давал им отпор, говоря, что и среди евреев есть рабочие, и они также стояли на рельсах. После этого Воробьева зачислили в «демократы» и «цэрэушники». Или наоборот, когда Воробьев пытается защитить левые позиции, то его оппоненты – «демократы» начинают навешивать на него ярлык «антисемита».

И такое сложное положение Воробьева вполне объяснимо: профсоюзная борьба сегодня в России является формой внутренней политической, классовой и идейной борьбы. Накал (а не его выражение) реальных противоречий России сегодня наиболее полно проявляются не столько в парламентских дискуссиях,

сколько внизу. Ибо именно там происходит столкновение уже материальных интересов, из которого как раз и пробиваются ростки реальных общественных сил.

А левая ниша (от сталинистов до анархистов), будучи чуткой к противоречиям, как раз и выражает идейную конфликтность становления этих новых общественных сил снизу. Но социальная драматургия завязывается все-таки внизу. Вот почему мне чрезвычайно **важно**, как человеку левых убеждений - **практически** и чрезвычайно **интересно** как культурологу **теоретически** быть включенным в процесс, да, пока очень противоречивого и слабого (да, Россия пока остается исторической провинцией), но, тем не менее, процесс зарождения новых общественных сил на поле рабочего движения.

4.12. Авторитет

Владимир Воробьев помимо своей воли, обладает еще одним свойством – он нравится женщинам, независимо от возраста, ибо чувствуют себя рядом с ним защищенными. И, как показывает практика протестного движения, это характерно для многих лидеров. Вообще у Владимира Воробьева личный авторитет очень высокий и не только в глазах своих товарищей и тех, кому он помогает, но даже в глазах городского начальства. Люди ему очень верят, а порой просто связывают себя с его именем.

Например, был такой случай: как-то Владимиру пришла очередная анонимная записка, в которой обещали убить его и «весь его выводок», подразумевая под этим словом его детей. А он в этот период вместе с женщинами- пенсионерками добивался выплаты им пенсий. Так вот, когда эти женщины прочли эту записку, они все были возмущены, ибо были уверены, что под словом «выводок» имеют в виду именно их. «Так это что? Нам угрожают?! – возмущались они, настолько сильно они чувствовали свою нераздельность с Воробьевым.

4.13. Последний штрих

Будучи человеком живым, творческим, Воробьев очень хорошо чувствует как развивается сегодняшняя действительность и как меняется сам субъект борьбы. В соответствии с этим он меняет и формы своей деятельности. В связи с этим, я хочу познакомить читателя с одной идеей Владимира, который, на мой взгляд, привносит еще один существенный штрих в его портрет, от чего он становится еще не законченным, но уже целостным.

Речь идет о том, что Владимир имеет идею организовать процесс против тех, кто разорил и разрушил предприятия Анжеро-Судженска, но не для того, чтобы иметь личную победу в юридическом смысле. Цель Воробьева – пригласив представителей разных заводов, устроить вместо юридической процедуры политический процесс, показав им, что сегодня все серьезные проблемы уже только через суды не решить. И этим политическим процессом Воробьев предполагает закончить свою деятельность в судах.

Вот что об этом сказал сам Воробьев: «Этот процесс мы решили сделать завершающим аккордом своей правозащитной деятельности. Мы решили, что один из главных виновников - Министерство топливной энергии, а директор - просто пешка в этой игре, которым пользуются до времени. Все основное решается в федеральных органах. И вся машина буржуазного государства направлена на поддержку этих решений. А суды – они в принципе ничего уже не дают. Но дело не в этом. Нам важно, чтобы люди не были больше скотами на открытых процессах, а становились людьми. И это надо показать на открытых примерах».

Вот таким политическим «бенефисом» профсоюзный борец за интересы рабочих собирается ознаменовать историческое окончание правозащитного этапа своей борьбы. Bravo!

Завершить портрет Владимира Воробьева я хочу словами его товарища И.Кузнецова: «Мы все жалеем о молодости, а **Володя жалеет о тех моментах прошлого, когда можно было использовать подъем рабочих для укрепления рабочего движения. Он тоскует по этому подъему**».

II. К социо-культурному анализу российского протестного движения

II.1. Трудности российских рабочих

1.1. Кризис глазами рабочих

Еще не так давно из разных социальных групп общества (причем не только от интеллигенции, но и от рабочих) довольно часто можно было услышать о кризисе следующее: «Да, сейчас Россия переживает тяжелое положение, но ведь все капиталистические страны проходили через это. Зато, посмотрите, как они сейчас живут и процветают! Так что надо набраться терпения и не терять надежды, что и у нас в России все будет хорошо».

Но за последнее время этот оптимизм в светлое капиталистическое будущее России встречается все реже и реже. И уж совсем его нет на протестных предприятиях в среде рабочих, где нам приходилось бывать. Да, действительно экономический кризис в России носит устойчивый перманентный характер и это чувствуется на всех предприятиях даже там, где казалось бы ситуация не совсем плоха. «Сейчас в стране вялотекущая катастрофа и потому, даже если у людей на заводе неплохо, скрытое напряжение все равно растет» (ВМРЗ)

Тем не менее, мне важно было узнать не только то, как современный кризис изменил жизнь рабочих, но и то, как он воспринимается ими. Какие проблемы, порожденные этим кризисом, с позиции самих рабочих наиболее болезненны и вызывает у них раздражение, скепсис, злость, а какие оставляют их равнодушными. Не только сама кризисная ситуация, но, прежде всего - понимание и оценка современного положения в России самими рабочими –

все это интересно автору постольку, поскольку дает возможность разобраться ему в самых важных для него вопросах. И вот лишь часть из них.

Каково сознание современного рабочего России? Каковы границы его интересов? Они определяются масштабом только его семьи, цеха, завода, города, страны, нации, партии, человечества?

Каковы противоречия этого мировоззрения? Какова способность современного российского рабочего понимать и отстаивать свой интерес как общественный интерес, причем уже в качестве субъекта социального и солидарного с другими рабочими (а может быть и не только с рабочими) действия?

Какова приоритетность проблем, волнующих рабочих? И каким образом они собираются их решать? В результате исследования я попыталась понять что значит современный российский кризис для рабочих, как его ощущают сами рабочие. В связи с этим, далее я покажу какова ранжировка этих проблем самими рабочими.

Еще до начала своих исследований я предполагала, что **ключевая проблема**, поднявшая рабочих на те или иные протестные акции – это, конечно, же **заработная плата**. Но мое общение с десятками и десятками рабочих, а также изучение самой практики протестных действий показали, что все гораздо сложнее, противоречивее и интереснее, чем казалось на первый взгляд.

«Зарплату выплачивают - это хорошо, но ведь в целом ничего не меняется: долги не убавляются, а даже увеличиваются»(ЯМЗ).

Да, конечно, проблема заработной платы, особенно, когда ее не выдают от двух до восьми месяцев, является для рабочих самой болезненной и самой актуальной. Но это не единственная проблема, которая вызывает у них большое беспокойство.

Вторая группа проблем, выделенная самими рабочими по критерию важности для них, связана с вопросами управления на их предприятии,

вопросы **взаимоотношения с новыми собственниками**. «Сейчас пошел умный и потому более страшный собственник» (ЯМЧ). «У рабочих враждебное отношение с внешним управлением, т.к. оно вмешивается во все внутренние заводские дела» (ЯМЧ).

В этой группе проблем наиболее болезненная – это **проблема резкого возрастания** за последние годы **авторитаризма заводского начальства**. «До сих пор существует авторитарная система управления» (ЯМЧ).

Да, российские рабочие не избалованы производственной демократией: сменились эпохи, но как в советские времена, так и сейчас, если она и встречается, то все-таки как исключение, а не правило. Понимая всю опасность возрастающего авторитаризма на предприятиях современной российской администрации, тем не менее, этот вопрос нельзя сводить только к проблеме произвола начальства. Настаивая на принципе персональной ответственности начальства за любые свои решения и действия, тем не менее, автор данной работы считает, что эту проблему надо рассматривать в контексте такого вопроса как предпосылки устойчивого воспроизводства и развития бюрократизма в СССР и в России. Сегодня проблема бюрократического произвола приобрела не только экстенсивный характер. «На каждую штатную единицу у нас приходится 5 внештатных сотрудников» (ЯМЗ). Авторитаризм руководства развивается по всей вертикали управления (от начальников участков до директората). «Очень сильный произвол начальников цехов» (ЯМЧ).

Произвол осуществляется не только наверху, но и на низшем уровне. Например: начальники участков в цехах, исходя из личных отношений и симпатий по отношению к своим подчиненным, а не их реального трудового вклада начисляют им заработную плату. Не отношение к своим обязанностям и к делу в целом становится главным в определении заработной платы рабочего, а то насколько рабочий лояльно и почтительно он относится к своему руководителю как к субъекту власти и насколько это отношение помогает

воспроизводству начальника на заводской вертикали власти. «Произвол в цехах, наряды с потолка по принципу - любимчик или нет. Заводоуправление на 2/3 встало, но у них зарплата 200-3000 руб., а если я встану - у меня будет 90 рублей, а ведь это литейный цех - основное производство. Зарплата в основных производственных цехах ниже, чем в непроизводственных. Я в литейном получаю меньше, чем кто-либо из администрации. Политика зарплаты работает на разъединение рабочих»(ЯМЗ).

Специфика сегодняшнего административного произвола в том, что «Растет личная зависимость работников от начальников цехов как при феодализме» (ММК) Более того, произвол начальства сегодня закрепляется еще и экономически. «Рабочие отдают свои акции в доверительное управление своему начальнику цеха, и ничего не сделаешь - это как крепостное право» (ММК)

Соответственно вся политика управления на большей части российских предприятий, в конечном счете, ориентируется не столько на развитие эффективности производства, сколько на подчинении рабочего, причем не только как работника, но и как личности личной (частной) власти вышестоящего руководителя. Насколько рабочий является профессиональным, честным и инициативным работником – этот вопрос по своей важности для большинства руководителей все же уступает другому: в какой мере этот работник способен подчиняться ему лично. Такой начальник может даже позволить себе участвовать в дружеском застолье своих подчиненных и пить с ними водку, но разрешить им участвовать в решении тех или иных вопросов производства и тем более, на основе самоуправления и самоорганизации - такое просто невозможно.

Вообще, даже абстрактная возможность работника быть полноценным субъектом соуправления на предприятии руководством предприятий чаще всего рассматривается как потенциальная угроза их личной власти и потому расценивается ими однозначно отрицательно и более того враждебно.

Причем **произвол** не только со стороны заводского начальства, но и со стороны **региональной администрации**. У нас (в Кемеровской области - авт.) абсолютная монархия Тулеева: например, организован добровольно-принудительный фонд риска, куда каждый платит взносы и которым единолично владеет Тулеев, но ведь все эти средства идут на его избирательную компанию» (ЧР)

Третья группа вопросов, которые беспокоят рабочих – это проблема их **бесправия по отношению к информации** и в первую очередь, касающейся акций, проектов развития предприятия, отношения с партнерами и кредиторами, отношения на рынке. «Рабочие не получают никакой информации об акциях» (КМК). А вот другой пример: «Государственный пакет акций (49% исчез, а куда - никто не знает» (...)

Четвертая группа проблем, беспокоящих рабочих, связана с вопросом - насколько прочны **перспективы развития предприятия**, причем с точки зрения **сохранения на нем не только рабочих мест, но и профиля и мощности предприятия**. Вот что говорят рабочие в связи с этим.

«Ушло много специалистов, хотя много делаем, чтобы их вернуть» ТМЗ).

«Очень сильна технологическая отсталость, но это проблема уже государственной политики» (КМК).

Итак, мы видим, что в первую очередь рабочих беспокоит то, что касается их непосредственно (зарплата, сохранение рабочих мест и самого предприятия) **и лишь потом - вопросы самоорганизации по защите своих прав.**

«Что только не делали, разве что только Волгу не перекрывали, а толку никакого...» (ТМЧ)

«Есть проблемы с подписанием колдоговоров: руководство ТЭЦ Краснодара отказывается заключать договор с профкомом» (ТЭЦ)

«На Краснодарской ТЭЦ зарплата -коммерческая тайна и есть многое из того, что вызывает сильное недовольство, а бастовать рабочим нельзя по закону» (ТЭЦ)

Работники начинают и критически осознавать **реальные проблемы современного производства** «С одной стороны, людей увольнять нельзя, а с другой, на заводах - большой кадровый балласт, который остался от прежних времен, когда были заводы - гиганты. Эту проблему надо решать, в сегодняшних условиях сделать почти невозможно.» (КМК).

Стало появляться и критическое отношение к самим себе

«Когда выдали зарплату (больше года не платили -авт.) - половина завода напилась»(ТМЗ).

К этим цитатам вряд ли нужно что-либо добавлять, но особо хотелось бы выделить две проблемы, на которые ныне не принято обращать особого внимания: во-первых, это «окрестьянивание» рабочих и, во-вторых, рост их полукрепостной зависимости на предприятиях особенно на тех предприятиях, где остались элементы «реального социализма».

1.2. Окрестьянивание рабочих или «дачники» по неволе

Сегодня в условиях кризиса, резкого снижения реальных доходов, (в среднем на 30%, а в центральной России для рабочих - более, чем на 50%), хронической невыплаты зарплаты, для рабочих большим подспорьем стали их садовые участки и огороды. Надо сказать, что еще в советский период любой человек желающий выращивать свои овощи, фрукты или просто цветы, при определенных условиях, причем, вполне доступных даже рабочему, мог позволить себе «купить дачу».

Эта фраза в действительности означала не покупку земли, а приобретение права на долгосрочную аренду выбранного участка земли, на которой ее владелец мог строить за свой личный счет дом, разводить сад, выращивать

овоши. Несмотря на доступность решения этой проблемы, тем не менее, идея «дачи» среди рабочих в 60-70-х гг. не пользовалась особой популярностью. И это вполне объяснимо: зачем тратить силы и свободное от тяжелой работы время на выращивание овощей и фруктов, которые всегда можно было купить в магазине или на базаре, причем достаточно дешево. Правда, сегодняшний дачник обязательно бы возразил - но ведь на даче еще можно отдохнуть.

Да, можно. Но тогда в 60-70-е гг. навряд ли отдых на даче показался бы очень привлекательным особенно для рабочего, когда можно было по профсоюзной путевке поехать в санаторий или с веселой компанией в дом отдыха, заплатив лишь треть суммы от ее полной стоимости. Или же поехать в отпуск к родственникам, причем, в любую точку СССР – расстояние не было большой помехой. Не деньги, а возможность заранее купить билет (если речь идет о летнем сезоне) было серьезной проблемой в период застоя.

В любом случае, чем ехать на дачу и гнуть там спину над грядками, уж куда лучше на выходной день поехать с товарищами за город в лес или на рыбалку (с позиции мужчины) или же наконец-то закончить ремонт в квартире или сшить новое платье (с позиции советской женщины).

Принципиально иная ситуация с этими дачами сложилась за последнее десятилетие, когда началось едва ли не массовое «одачивание» российского населения. В действительности же это означало то, что почти каждый желающий мог за определенную и, как правило, доступную сумму приобрести в пользование загородный земельный участок площадью в 600 кв. м. А после приобретения участка в долгосрочную аренду его владелец начинает возводить на нем домик. Размеры кошелька определяют и его «архитектуру»: при наличии денег - это 1-2-х этажный деревянный или кирпичный дом, но чаще всего – это некая хибарка, сложенная из остатков старых досок, кусков ржавого железа, железных кроватей и старых диванов. Эти жалкие жилища, которые также называют «дачами», предназначены для укрытия от дождя во

время работы, а также для и хранения лопат, грабель и другого хозяйственного скарба.

Но может быть, эти дачи хороши тем, что дают рабочим, которые устали от тяжелой и грязной работы, да и вообще от городской пыли и шума иметь радостную возможность наконец-то выехать на свежий воздух, чтобы **на своих дачах поработать** физически и не на «чужого дядю», а **на самого себя** и свою семью?

А вот здесь, дорогой читатель, «на этих дачах», на свежем воздухе (правда, пока я редактировала этот текст смок от горящих торфяников все плотнее сгущался над Москвой и ее пригородами со всеми ее дачами) я и предложила бы Вам не надолго задержаться, чтобы понять немаловажную сторону жизни современных рабочих. Без особых комментариев я постараюсь сделать лишь небольшую зарисовку одного такого «дачного» дня, который выпадает в период с весны до осени почти на каждый «выходной» рабочего, а точнее - работницы, ибо основная дачная нагрузка все-таки лежит на ее плечах.

В выходной день она встает в 6-7 часов и, как правило, не выспавшись: накануне вечером до поздней ночи у нее была не запланированная большая стирка, да еще вручную, т.к. из-за ремонта дороги уже завтра в доме на месяц должны отключить горячую воду. Нагрузившись тяжелыми сумками (до 5-7 кг.) с едой, огородными инструментами, теплыми вещами и захватив с собой детей, она спешит на автобусную остановку. Дождавшись, наконец-то, автобуса, а это уже везение, ибо по дороге сюда он может сломаться или вовсе не приехать (ведь в городском автопарке одни старые «развалюхи»), наша героиня (в буквальном смысле слова) пытается взять его штурмом. Именно штурмом - это не преувеличение, ибо желающих попасть в этот автобус, кроме нее составляет на остановке целую толпу, в которой каждый физически борется за право попадания в него. Наконец-то толпа «дачников» с трудом просачивается в автобус.

В нем все места делятся на три категории: сидячие места – это люкс, а то, что при этом ведра и сумки, свисающие с рук, рядом стоящих пассажиров периодически будут упираться в ваше лицо, - это уже не страшно. Второй класс - это, когда есть возможность стоять на двух ногах и при этом еще за что-нибудь держаться, что особенно ценно на крутых поворотах. И третий класс - самый худший, ибо в этом случае вам гарантируется точка опоры только для одной ноги, вторая – обречена на свободу полета.

Но наконец-то появляется нужная остановка. Какое счастье, наверное, порадовался бы за нашу героиню чуткий читатель. И действительно, теперь после запаха бензина и пота слипшихся в одно единое тело пассажиров можно выйти из автобуса, после чего любой воздух, даже автострады, может показаться свежим. Но, увы, радоваться еще рано, ибо нашей бедной дачнице после такого нервного проезда с тяжелыми сумками в руках и присматривая за детьми надо еще пройти пешком метров 500, а то и более.

Но чем ближе к «даче», тем сильнее нашу героиню одолевают беспокойные вопросы: «Украли или не украли, сожгли или не сожгли?» И какая же радость, когда, подойдя к огороду, она видит, что во-первых, будку не спалили, на доски не растащили; банки с вареньем и с огурцами не украли; а поспевшие овощи из земли не выкопали. «Слава богу, все на месте, а ведь могло бы быть иначе» - облегченно вздыхает женщина и только после этого она приступает к своему воскресному «отдыху».

Формы отдыха разнообразны: это и прополка грядок, т.е. выдергивание сорняков, это и таскание не одного десятка ведер воды для поливки овощей, это и приготовление обеда в малоподходящих условиях для детей. И уже к вечеру уставшая и опять с тяжелыми сумками (теперь в них выкопанные для дома овощи) «отдохнувшая» работница спешит на остановку, чтобы опять штурмом взять едущий в город автобус. И уже кое-как приткнувшись в нем, она предается мыслям о том, не погибнет ли урожай от засухи или дождя; что сегодня, вернувшись домой, еще предстоит достирать белье, приготовить

на завтра обед, сварить из собранных ягод варенье (холодной зимой оно едва ли не единственный деликатес на столе), проверить тетради детей. Но в действительности больше всего мучит вопрос - в каком виде встретит ее дома муж: в пьяном или не очень пьяном? Будет скандал или нет?

Я специально достаточно подробно описала этот фрагмент, чтобы читатель имел не абстрактные, а конкретные представления об условиях не только заводской, но и семейной жизни работниц, устающих от работы, от физически-тяжелого домашнего труда и, к тому, же вынужденных заниматься «дачей», являющейся формой уже самоэксплуатации. Неразрешенность противоречий тех условий, в которых живут эти рабочие является потенциальной основой однажды в один момент как раз и становится причиной появления протестного взрыва.

Но давайте вернемся к нашим «дачам»: с одной стороны, конечно, сама возможность иметь огород, казалось бы, надо расценивать как однозначно положительный жест со стороны властей, якобы старающихся помочь бедному населению в условиях кризиса. И разве не так? Ведь сегодня, для рабочих, которым часто месяцами задерживают выплату заработной платы, огороды стали едва ли не единственным источником, позволяющим им иметь хоть какое-то время продуктовый минимум (картофель и капусту), зачастую являющимся едва ли не основным продуктом питания.

Причем, «дачи» - это поддержка не только экономическая, но эмоционально-психическая. В огороды люди сегодня прячутся «с головой» от всей этой безрадостной, зачастую лишенной всякого смысла жизни, в которой от тебя ничего не зависит. А здесь на огороде многое **зависит лично от тебя** (твоей воли, желания, умения). Здесь твои желания можно сделать реальностью, а **затраченный труд дает результат** в отличие от завода, где, сколько ни трудись – денег все равно не дают. И более того, здесь на огороде твой труд и усилия могут дать **радостный результат**. Сегодня, когда в России господствует дух распада и утрат, здесь, на огороде, любой цветущий куст или

взращенная зелень становится не просто радостью, но и символом абстрактной надежды - а вдруг, и в жизни, в стране все само собой как-то выправится, наладится?

Все это правильно, если на это смотреть с позиции «дачного» масштаба. А если на это посмотреть несколько шире, то мы увидим, что в целом все эти «дачи» в действительности оказывают рабочим «медвежью услугу». И дело даже не в том, что все эти участки требуют немало усилий, нервов (а вдруг, выкопают, украдут или подожгут?), равно как и времени. Хуже другое сегодняшний **российский рабочий**, сознание которого (и без того, зараженное индивидуалистическим мировоззрением), **«благодаря» этим огородам**, а точнее - заключенному в них духу обособленчества, теперь и вовсе **превращается в частного человека**. И этому частному человеку уже не только чужды, но и даже враждебны все идеи солидарности и справедливости.

Действительно, человек сегодня хватается за травинку. Но мое глубокое убеждение: огороды для рабочих не спасение, а, более того, скрытая опасность, политически выгодная властям. Конечно, для них лучше пусть рабочие копошатся в огородах, уткнувшись лицом в землю, чем, если бы они распрямились в своем неприятии этого мира.

Рабочие сами должны становится той свежей весенней травой, которая, пробиваясь через асфальт существующего социального отчуждения и тем самым взламывая его изнутри, несут новое общественное отношение, которое бы соединяло людей труда в единое целое. И тогда люди будут иметь общие сады и поля, а не клетки-огородики.

Любопытно, что на Кубе при всей сложности ее экономической ситуации, почти нет этих частных огородиков, а те «колхозники», с которыми мы разговаривали, преисполнены чувства общественной полноценности. И когда видишь перед собой кубинца -«колхозника» в старой советской «робе», говорящего о своей работе с любовью, гордостью и, главное - с тем выражением уверенности и достоинства, которое у нас сегодня можно

встретить только в старых советских фильмах, то невольно делается стыдно и больно: как деградировало наше когда-то советское общество на которое равнялись, в том числе, и эти кубинские кооператоры, убирающие сахарный тростник.

Если символом советского общества была скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», демонстрирующая принцип союза двух классов. То теперь, особенно в условиях российского капитализма, здесь была бы одна фигура - это полу-рабочий, полу-крестьянин. Т.е. проблема разделения труда в условиях современного капитализма за последние десятилетия «разрешилась» самым реакционным образом - откатом в зазеркалье феодализма, в котором современный рабочий превращается в крестьянина, в то время как в капитализме происходило все наоборот: крестьянин превращался в рабочего.

Социальную опасность этой тенденции признают и сами рабочие протестных предприятий, с которыми мне приходилось общаться. «Да огородная зависимость - это серьезная проблема для нас. Часто, особенно весной или осенью - это просто цепи для нас» - сказал мне один из профсоюзных активистов ЛМЗ. Так что протестное движение действительно формирует у рабочего критическое отношение, причем не только к политике «верхов», но и что очень важно - к самим себе

1.3. Патернализм – опасный перекресток советского социализма и «новорусского» капитализма

А теперь о типичной для большинства «гигантов социализма» проблеме опасности для рабочего движения со стороны патерналистски настроенной администрации. **Проблема административного патернализма** в полной мере проявилась, на мой взгляд, в частности, на Магнитогорском

металлургическом комбинате. Господствующий на подобных предприятиях тип управления сегодня представляет собой некий симбиоз прежнего позднесоветского патернализма и современного капиталистического менеджмента. И это обстоятельство – один из значительных факторов того, что в течение последних лет протестная волна так и не коснулась такого индустриального гиганта как Магнитогорский металлургический комбинат. Вот почему для меня как для исследователя особый интерес представляют те предприятия, которые в советском прошлом считались образцово-социалистическими, а сегодня – капиталистически-патерналистскими.

И действительно, зачем рабочим комбината бастовать, если они имеют регулярную зарплату, «обеденную карточку», которая позволяет иметь гарантированный обед на работе. Последнее означает, что даже если рабочий потеряет или пропьет свою «получку», то голодным на работе он все равно не останется, ибо потратить эту карту на что-либо другое, кроме как на обеды нельзя. Кроме того, рабочие на ММК имели возможность получать кредит, что позволяло им делать время от времени большие покупки. Более того, до недавнего времени у рабочих комбината была возможность на льготных условиях отдыхать на заводской базе отдыха или в санатории, расположенных в красивейших местах за городом. Такая ситуация сохранялась реально до конца 90-х гг., в то время как другие предприятия продавали свои базы отдыха, не имея возможности содержать их материально, и финансово.

А вот то, что касается производственной демократии, то с этим вопросом положение на комбинате стало еще хуже, чем в позднесоветские времена. Надо сказать, что в конце 60-х – начале 70-х гг. производственная демократия хоть в какой-то степени и в специфической форме, но все-таки существовала. Механизмами производственной демократии были цеховые и заводские парткомы. Это были структуры не столько политические, сколько хозяйственно-организационные. Партком как структура был самостоятельным в том случае, если его секретарем была по-настоящему авторитетная сильная

личность, умеющая отстаивать свое мнение, независимо от мнения заводской и городской власти.

Правда, читатель может спросить - а разве профсоюз не был органом рабочих? В СССР, особенно в поздне-советский период профсоюз фактически был органом распределения социальных льгот для рабочих. Как правило, у него не было власти ни политических, ни хозяйственных решений, т.е. он был значительно менее самостоятельным, чем даже партком. А сегодня эта зависимость профсоюза от администрации стала еще сильнее. Принципиально иная ситуация сложилась на протестных предприятиях, где профсоюзы впервые становятся органом самозащиты интересов рабочих.

Да, реализация производственной демократии в полной мере на таких гигантах стратегического назначения как ММК - проблема сложная, особенно в условиях индустриализации, войны и последующего послевоенного восстановления народного хозяйства. Неслучайно в Магнитогорске до сих пор повторяют послевоенную шутку о том, что война в стране уже давно закончилась, а на комбинате военный режим до так и не отменили - забыли.

Но оставляя (не забывая) проблему производственной демократии в СССР (а это отдельный серьезный вопрос, по которому написано немало книг) за пределами данной книги, меня очень интересовало - а как же сегодня обстоит дело с этим вопросом.

Так вот сегодня, когда нет даже парткомов, производственная демократия на комбинате фактически свелась только к советам мастеров - органам, которые призваны решать только технические проблемы и больше ничего. Правда, еще каждый месяц проводятся «дни цеха» - встречи, на которых собираются мастера, представители профкома, отдела кадров. Эти встречи важны и нужны, но их цель - решение также производственных проблем и только. Поэтому говорить о производственной демократии на ММК сегодня меньше оснований, чем когда-либо.

Существующий сегодня на комбинате патернализм обусловлен не только традициями «застоя», из которого он вышел. Идеология патернализма активно насаждается существующей политикой уже его современного руководства. И огромную роль здесь играет сам механизм формирования управленческого корпуса, который, будучи заложенный еще в советское время, в значительной степени воспроизводится на ММК и сегодня.

Надо сказать, что советский патернализм на ММК формировался не только бюрократическим образом, но в значительной степени и в определенном смысле – и на демократической основе. Например, чтобы попасть в верхний эшелон системы управления, надо было проработать и не один год сначала рабочим, потом - бригадиром, далее - мастером. Но и этого было недостаточно, надо было к тому же еще получить высшее техническое образование, т.е. закончить политехнический институт по соответствующей специальности и как правило, без отрыва от производства.

А это было вовсе не просто: например, работая в ночную смену (т.е. с 24 до 7 часов утра), вам надо было выехать из дома в 22-22.30 часа, чтобы за сорок минут до начала своей работы обязательно попасть в цех на «смену встречных». «Смена встречных» - это собрание, на котором рабочие только что закончившейся дневной смены (с 16 до 24 часов) передают свой производственный участок пришедшим им на смену рабочим. Это значит, что они рассказывают подробно о ходе работы за ночь: каким было выполнение плана; какие были трудности; были ли технологические нарушения, аварии, а также травматизм и несчастные случаи. От бригадиров требовался публичный анализ всего этого, чтобы другие рабочие не делали аналогичных ошибок.

И только после окончания этого собрания, длившегося около часа, можно было начинать свою тяжелую работу в горячем цеху (где сильные сквозняки, большой перепад температур и высокая опасность). Обычно смена заканчивается в 7 часов утра уже нового наступившего дня, но после этого надо было опять остаться уже на следующую «смену встречных» для того,

чтобы передать свой участок пришедшей утренней смене. Все это заканчивалось около восьми часов утра и только потом, помывшись и перекусив в заводском буфете, надо было ехать в институт на утренние лекции или экзамены, которые длились до обеда.

Вернувшись домой к трем-четырем часам дня, надо было оставшиеся до следующей ночной смены пять-шесть часов поделить между детьми, хозяйственными заботами и сном, чтобы опять в 10 часов ночи и без опозданий отправиться на остановку. Потом надо было суметь влезть в свой пролетарский транспорт - трамвай, который, будучи переполненным такими же неразговорчивыми рабочими, но каждого со своей душой и своими мыслями, ежедневно увозил их к этому огненному и шумно дышащему гиганту-комбинату.

Итак, шесть лет подряд, пока не закончишь институт, и не защитишь диплом. Только после этого у бригадира (если, конечно, он был способным управленцем и производителем и еще состоял в партии) появлялся шанс стать мастером, начальником участка, потом – начальником цеха и выше. Такая в общем-то демократическая **«механика» формирования руководства** комбината давала возможность снизить бюрократические издержки в решении кадровой политики, которая **строилась** не столько **на принципе** назначения, сколько **«выращивания» руководителей** производства всех уровней. Директор, конечно же, назначался центральными партийными и правительственными органами страны.

Вышеописанный механизм формирования управленческого аппарата в советское время позволял будущему руководителю познать не только все производственные ступени сложной технологической цепочки, но и понять законы общественных (человеческих) отношений на производстве, равно как и проблемы рабочего человека не только на его работе, но и дома. Так что, такой руководитель объективно не мог не знать всех сторон жизни рабочего человека. Другой вопрос - как он к этому относился. В одном случае в силу

своих личных качеств он мог относиться к своим подчиненным рабочим доверительно, сочувственно и по-товарищески, а в другом - надменно, неуважительно и недоброжелательно. Но то, что и начальник, и рабочий реально были сформированы одной средой - это позволяло им хорошо знать интересы, ценности, слабые и сильные стороны друг друга. И именно это было основанием того, что между рабочими и руководителями, устанавливались, как правило, не формальные, а личные отношения.

Такой вектор формирования всех управленцев комбината «снизу - вверх» с одной стороны, объективно породил не отчужденное отношение руководителя к рабочему, но, с другой – рабочий никогда не рассматривался руководителем как равноправный товарищ по со-управлению на предприятии. Существующий механизм формирования управленческих кадров являлся одновременно и предпосылкой, и результатом не столько производственной демократии, сколько советского производственного патернализма, при котором руководство предприятия в лучшем случае выступало суровым, но справедливым отцом-покровителем рабочих.

Кажущаяся на первый взгляд некая безобидность этого патернализма в полной мере продемонстрировала всю свою опасность для рабочих и их интересов уже в новых капиталистических условиях. Проблема советского патернализма - это вопрос специального и глубокого исследования. Искать объяснения только в тех или иных субъективных факторах, т.е. исходя только из личностной природы руководителя предприятия - это то же самое, что объяснить сталинизм только из личности Сталина. Не снимая проблемы персональной ответственности той или иной личности перед Историей и обществом, на мой взгляд, гораздо объективнее было бы поставить проблему наоборот: сталинизм как предпосылка появления Сталина.

Сегодня в капиталистической России, когда сталинизм набирает силу, этот феномен, уже независимо от того любят или ненавидят при этом «лично товарища Сталина» в равной степени остается опасным для общества. Точно

также как **патернализм**, независимо от того, насколько добрым или злым по отношению к рабочим является начальник - в любом случае он **является опасным для рабочего**. И реальность капиталистической России это демонстрирует уже в полной мере.

Например, сегодня патернализма стал основанием для использования более утонченных форм эксплуатации рабочего человека - эксплуатации со знанием всех сильных и слабых сторон рабочего. Но эта сторона руководством комбината как бы прячется за фасад ее политики, а на первый план выдвигается их отцовское отношение к рабочим.

«Они действительно к нам относятся как отцы», - вот так совершенно искренне и даже пылко оценила руководство ММК одна из работниц заводской газеты. Поэтому на вопрос - есть ли у вас забастовки? - в ответ можно было услышать вполне естественное недоумение: «Ну, какие у нас могут быть забастовки? Работу мы даем, «социалку» на себя берем, участок под огород даем, даже путевки на курорты рабочие имеют. Ну, что им еще надо?» - ответил один из профсоюзных работников комбината.

И действительно, что же еще надо? Кажется, больше ничего. Поговорив с рабочими комбината, даже с теми, кто не очень доволен существующим порядком вещей, трудно заметить у них хоть в какой-то степени желание участвовать в со-управлении хотя бы на уровне бригады, смены, цеха. Но ведь именно эта пассивность рабочих как раз и становится основой не гласного соглашения их с политикой заводского начальства.

Более того, этот «союз» сегодня подкрепляется и экономически. Например, на ММК рабочие отдают свои акции в доверительное управление своему начальнику цеха. Причем, это делается так: рабочий пишет письменное заявление на имя начальника цеха, что он доверяет ему лично свои акции, т.е. рабочий документально закрепляет свой добровольный (формально) отказ от права на участие в управлении собственностью.

А если вы не хотите отдавать ваши акции непосредственно своему начальнику? Пожалуйста, вы можете их доверить другому, «чужому» начальнику. Формально у вас такое право есть. Но кто же на это решится? Если рабочие не осмеливаются даже критиковать начальство, то разве они пойдут на открытый конфликт с ним? Да и вообще, стоит ли это делать, если, отдав свои акции начальнику другого цеха (даже если он будет лучше твоего), ты все равно ничего с этого иметь не будешь.

Принимая патерналистскую опеку заводского руководства, **рабочие** тем самым **обменивают свое право** социальной и экономической **самозащиты на социальный патронаж начальства**. Одновременно это автоматически лишает их и морального права критиковать начальство. Так что, принятие патерналистской опеки, в действительности означает согласие на бесконтрольную власть начальства.

Кстати, надо сказать, что и сама администрация предприятия, не смотря уже на качественно иную реальность, совершенно искренне сегодня воспроизводит не только механику патернализма, но и прежние формы социальной жизни на комбинате. И это обусловлено не только ее экономическими интересами, но и тем обстоятельством, что она ментально в значительной степени принадлежит еще прежней советской культуре менеджмента.

Так, например, вместо прежде существующего Комсомола руководство комбината создало организацию молодых металлургов, которая, по сути стала резервным кадровым корпусом, причем, не столько самого комбината, сколько лично его администрации. «Выращиваются» эти будущие кадры под соответствующую идеологию управления, реально ориентированную на закрепление по сути бесконтрольной власти высшего менеджмента. Одним словом, у администрации комбината появились свои гвардейцы, которых она воспитывает, в том числе, и своим примером (без авторской иронии).

Еще в советские времена для руководителей комбината была характерна внутренняя и внешняя подобранность, высокая дисциплинированность, строгость и ответственность. Такой образ советского директора закладывался не только большим культурным стилем эпохи советской индустриализации, но и теми противоречиями, которые были порождены 30-ми годами, когда, с одной стороны, был массовый энтузиазм, а, с другой - Гулаг и нарастание атмосферы сталинизма. Вот почему быть директором в ту эпоху означало большую долю и личного героизма. Неслучайно, **первые советские директора**, такие, как Г.И. Носов и Рамазан, умерший от перенапряжения прямо у себя в кабинете, **считались народными директорами**.

Этот советский стиль руководства, ставший культурной традицией ММК, сегодня, если и воспроизводится, то главным образом, внешне. Более того, образ сегодняшних директоров комбината обрывает уже и чертами «цивилизованного» капитализма: наряду с элегантностью внешнего вида появляется жесткая ориентация на отказ от никотина, обязательное занятие «президентским» видом спорта (теннисом – при Ельцине, горными лыжами – при Путине), владение иностранным языком и т.д. Исходя уже только из этого, нетрудно догадаться о политических приоритетах руководства комбината - ну, конечно же, «Союз правых сил» (июль 2000г.), в любом случае - на партию власти.

Но у руководства комбината в тоже время есть и политические отличия от представителей российского истеблишмента. В политике руководства Магнитогорского комбината хотя бы не так откровенно присутствует подход временщиков - «схватил, а после этого – хоть потоп». Нет, это уже не Гайдары и не Чубайсы. Эти люди более основательные, с прицелом на более долгосрочную перспективу, т.е. на перспективу основательного, а не фарсового капитализма.

Идеология комбината формируется не просто стихийным столкновением частных интересов «новых хозяев». Руководители комбината пытаются

согласовать все те параметры и условия, которые необходимы для воспроизводства не просто капитала, но что очень важно (для них) - капитала в его определенном отношении с трудом. Так что, вся система ныне существующего на ММК патернализма ориентирована на «выращивание», в том числе, всех тех социо-культурных факторов, которые потом как плюш «переплетая» отношение между капиталом и трудом, как раз и создают ту «микросреду», которая способствует экономически эффективному росту капитала.

Вот у кого поучиться надо нашим временщикам-приватизаторам, которые, полностью игнорируя интересы рабочих, тем самым, в своих отношениях с человеком труда заложили мину, которая начала взрываться самым неожиданным (подчас даже для самих рабочих) образом. одна за другой. И события на десятках протестных предприятиях России как раз и продемонстрировали это в полной мере.

Но, с другой стороны, именно в условиях такого корпоративно-патерналистского капитализма, который сегодня существует на ММК, и где его рабочие в среднем имеют по 150-200 долларов в месяц, вероятность возникновения любых протестных действий – чрезвычайно маленькая. Администрация комбината, которая сама еще не так давно работала в цехах, понимает, что рабочих лучше не доводить до «точки кипения». Не поэтому ли за все эти годы страшного кризиса в стране голоса рабочих Магнитогорского комбината так и не прозвучали? Перефразируя выше упомянутую известную шутку, гулявшую на ММК, можно сказать: «Уже давно советская власть в стране закончилась, а на ММК до сих пор сталинизм не отменили».

Теперь понятно, почему администрация комбината в своей «отеческой заботе» о рабочем учитывает все те ценности, которые ему еще дороги: например, возможность гордиться страной, городом, комбинатом, своей работой. Т.е. администрация комбината строит свою экономическую политику по отношению к рабочим, учитывая, в том числе, и их ментальность. Знаете,

какие мощные мероприятия по празднованию 80-летия ВЛКСМ были организованы на ММК в 1998 году? Тогда были организованы официальные празднования и концерты, куда были приглашены более сотни бывших советских комсомольских активистов. На этих встречах открыто говорилось о достижениях и подвигах комсомольцев в строительстве комбината и города, что произвело большой политический эффект для рабочих и жителей Магнитогорска. Они увидели, как их заводские власти, в определенном смысле проявили свою политическую независимость от Москвы, которая в течение последнего десятилетия не столько критиковала советскую историю (показывая борьбу подлинно коммунистической и сталинистских тенденций), а только идеологически «охаивала» все без разбору.

Да, в риторическом смысле это был определенный вызов Москве. Но если смотреть уже не с позиции «красиво и правильно произнесенных слов», а с позиции объективных интересов рабочих, то трудно не признать, что политика руководства комбината в целом мало чем отличается от либеральной политики центра. Но это уже замечание автора. «Мудрость» идеологов комбината заключалась в том, что они фактически еще задолго до Путина начали использовать тот прием, который поначалу ему принес широкую популярность: это соединение прежних идей ново-русского либерализма с советской риторикой.

Вот где крутые повороты исторической диалектики, на фоне которых даже захват ВЦБК в октябре 1999 года кажется не столь коварным, ибо имел характер откровенно грабительской политики новых хозяев, что в итоге и сплотило коллектив в единый «кулак». А вот, адаптирующийся уже к капиталистическим условиям, бывший патернализм по одиночке доламывает, социально надломленных еще в «застое» рабочих, которым сегодня и не понятна, и не привлекательна роль самостоятельного субъекта на предприятии.

Однако на большинстве предприятий России ситуация существенно иная. Не потому ли, на некоторых из них в конце 90-х и произошли те события,

которые ныне принято называть протестным движением. Захваты предприятий, принудительная смена администрации, оккупационные забастовки - вот что стало символом возрождения рабочего движения в постсоветской России. Неслучайно именно эти события являются центральными для данной книги.

II. 2. Столкновения рабочих и властей: так что же в действительности?

2.1. О причинах конфликта говорят сами рабочие

Все протестные предприятия, потому и называются протестными, что однажды их рабочие выступили против...

Против чего? И вообще: что там происходило на самом деле? Приведенные ниже фрагменты из наших разговоров с рабочими активистами лишь частично воспроизводят все, что нами было услышано. Но даже эта малая часть (более подробно, но вместе с тем и сухо-аналитически эти события, их причины и результаты описаны в книге Э.Рудыка, Я.Керемецкого и Л.Булавки «Рабочий протест в России: опыт и проблемы», М.: Экономическая демократия, 2000) позволяет понять суть происходивших на этих предприятиях событий. Можно долго изучать документы об имущественных спорах, в которых даже суды годами не могут разобраться. Но когда слушаешь рабочих, которые участвовали в защите и обороне своих заводов, то из их поступков, слов, порывов, взглядов, интонаций как раз и выявляется та драматургия событий, которая, наверное, ближе всего к правде.

Поэтому, давайте послушаем тех, кто прошел через протестное движение, заплатив за это свободным от тяжелой работы временем (когда, кажется, уже ни на что нет сил), здоровьем (сколько было избито, отравлено газом, как это было на ВЦБК, ранено, нервно и психически надорвано - это кто-

нибудь считал?), семейными отношениями, жизненной ситуацией. Так все-таки, какие же обстоятельства заставили всех этих людей идти на все эти усилия и жертвы?

Прежде чем говорить об этом, давайте, послушаем рабочих активистов некоторых протестных заводов.

Ясногорский машиностроительный Завод:

- «Администрация просто не выполняла свои прямые обязательства;
 - Мы отгружали продукцию каждый день, а деньги нам так и не выплачивали;
 - Нас отправили в вынужденный отпуск на три месяца без денег, а ведь это градообразующее предприятие и подрабатывать в городке больше нигде, вот почему мы начали продавать акции, чтобы детей собрать в школу;
 - Мы поняли, что наш завод решили просто обанкротить;
 - Работники имели по десять акций, а члены совета директоров - по 10 тысяч - разве это справедливо?
 - Все основные производственные цеха, в том числе, и наша литейка стоят и когда начнут снова работать – неизвестно».

Тутаевский моторный завод:

- «Зарплата не выдавалась годами и многие жили воровством с завода; вместо денег получали только хлебные карточки (правда, потом мы открыли уже свою пекарню);
 - Предыдущее руководство полностью себя дискредитировало;
- Кризис управления на заводе достиг такого предела, что больше терпеть нельзя было» .

Ленинградский металлический Завод:

- «Главная причина нашего выступления, конечно же, связана с приватизацией и ее последствиями;
 - Ведь прежнее руководство стремилось уничтожить производство, у него была четкая стратегическая цель - разрушение завода;

- Да, именно так и было: они вывозили с завода ценное оборудование под металлолом, а ведь это - живые деньги;

- Оборудование пытались содрать с фундамента, а это значит - верный способ его окончательно испортить;

- На заводе была установка администрации на увольнение, на «выдавливание» людей за ворота;

- Администрация без согласия работников переписала трудовое оглашение;

- Стали закрываться литейное и лопаточное производство;

- Цель реструктуризации, которую начали у нас на заводе - разрушение его основных производств;

- Мы имели заказы, но нам не давали их делать;

- У нас все время была задержка заработной платы;

- У нас у всех пропала вера в завтрашний день;

- Администрация откровенно пыталась обанкротить завод;

- У нас было так плохо, что взбунтовался даже совет директоров;

- Когда мы пытались защитить завод, нам вырубали свет, отопление;

- Нашим профсоюзным лидерами угрожали открыто;

- Зарплата нам не выдавалась, хотя мы знали, что наши деньги просто прокручиваются;

- Заводская власть к нам относилась пренебрежительно, да и просто оскорбительно. Например, когда бывшему директору Чернову предложили встретиться с нами, он откровенно так и сказал: «Я с этим быдлом встречаться не буду». Кроме того, он нам постоянно прямо в лицо говорил: «Русские рабочие должны жить в страхе. Они должны бояться потерять свои рабочие места». В конце концов, чаша нашего терпения переполнилась...».

Кузбасс, Черниговский Разрез:

- «Наш трудовой коллектив изначально был против передела собственности;

- Главная причина - это то, что генеральный директор просто зажрался, а его отношение к людям было как к скотине, а не как к рабочим;

- Да, отношение к людям было очень высокомерное, их унижающее, да просто откровенно презрительное;

- Мы поняли, что руководству верить больше нельзя;

- Все понимали, что власти будут пытаться обанкротить наш разрез;

- Уголь продавали, а деньги рабочим не давали;

- «Социалка» сильно запущена;

- Директор жил «на широкую ногу», на разрез мог и не появляться. Жил как барин, а к людям относился как к быдлу. Например, приходил кто-нибудь и говорил: «Дайте хоть на похороны 500 рублей». А в ответ слышал: «Я тебе что - сберегательная касса? Пошел ты на...!»

В Кузбассе, который известен тем, что здесь существуют давние традиции активных действий рабочих – именно здесь события разворачивались крайне драматическим образом. Вот лишь небольшой фрагмент, показывающий лицо властей: «Мы организовали пикет. Это же пикет, а не митинг. Кого бояться? Затем пригнали (сколько вы думали?) 500 омонцов и 700-800 милиционеров, в том числе, срочной службы. В октябре 1999 года в знак солидарности с нами была организована конференция трудовых коллективов Кузбасса, а потом начались аресты. У нас была информационная поддержка, но ее блокировали через Волошина. Прессу на Черниговский разрез не пускали, поэтому мы и создали в это время свою газету. Хотя вновь посаженный областной властью директор «Черниговца» при встрече говорил нам: «Ну и что вы там пишете? Все равно ничего не поможет».

Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат:

- «Рабочие были против свертывания производства (из 2-х тыс. собирались оставить только 600 человек) ;

- люди два года не получают зарплату, например, ребенок у женщины помирает, она приходит к администрации и просит хоть немного на лечение, а ей в ответ - иди на панель и там зарабатывай;
- с нами обращались как со скотом;
- методы правовой борьбы бесполезны; взывать к справедливости было бессмысленно;
- почему мы испытываем такую блокаду? Потому что мы затронули природу власти;
- наша задача - не на амбразуру лезть, а выжить;
- мы никто в этой стране;
- кто возглавил этот захват - мерзавцы из мерзавцев».

2.2. Захват ВЦБК.

Как было на самом деле.

а) хроника событий

Опыт ВЦБК стоит в новейшей истории особняком, Это была уникальная попытка оккупационной забастовки с целью деприватизации, перехода к общественной собственности и самоуправлению. Именно там столкновение приняло открытый и предельно жестокий (со стороны властей) характер, поэтому приведем несколько более подробных описаний событий. Но прежде необходимо дать короткую хронику событий на ВЦБК.

1994 г. – приватизация комбината.

1995 г. – комбинат перешел в собственность иностранной компании «Альянс Целлюлоз Лимитед», которая якобы была зарегистрирована на Кипре (достоверных данных об этой компании в России нет). Затем Арбитражным судом было введено внешнее управление и чуть позже - конкурсное производство на комбинате.

1997 г. - конкурсная комиссия определила в качестве победителя якобы британскую фирму «Нимонор». Эта фирма за перечисленные 22, 44 млн. руб. приобрела имущество комбината на 187млн. руб., хотя его восстановительная стоимость составила **1 млрд. 44 млн. 725 тыс. руб.**, а остаточная балансовая стоимость – 733 млн. 720 тыс. руб.

1998 г. – трудовой коллектив комбината создает стачечный комитет и запрашивает английское консульство о фирме «Нимонор». Ответ гласит, что Консульство не располагает никакими данными об этой фирме. После этого стачком берет под свой контроль комбинат, а трудовой коллектив учреждает ЗАО «ВЦБК»

1999г. – в результате борьбы коллектива за комбинат «Нимонор» отказывается от дальнейшей борьбы и продает свои акции другой опять-таки якобы иностранной компании «Алцем», которую представляет один из пяти водочных «королей» С.-Петербурга - А.Сабадаш, имеющий двойное гражданство (Россия и США). Как сказал один из ветеранов труда, проработавший на комбинате более трех десятков лет: «Здесь не иностранцы гуляют, а наши местные дельцы. Они к власти идут обманным путем. Народ их все равно не признает никогда!». И вскоре после этого, т.е. в июле происходит первая насильственная попытка захвата комбината новым собственником. А через три месяца (в октябре) – происходит вторая попытка вооруженного захвата комбината.

б) короткая предыстория

Когда предприятие стали банкротить, рабочие перестали получать деньги, они попросту голодали. В очередях за гуманитарной помощью люди падали в обморок. В качестве основного продукта у них были овсяные хлопья и трава сныть, питательные качества которой намного ниже крапивы. Собранные на огородах овощи съедались быстро, также как и найденные в

лесу грибы. А когда рабочие обращались за деньгами (за заработанными!), например, на лекарства заболевшему ребенку, то в ответ слышали одно: «Денег нет. Не нравится – можете увольняться!»

Рабочие молчали и терпели до тех пор, пока не узнали, что новый собственник Сабодаш собирается увольнять 2/3 работников, т.е. вместо двух тысяч работников на комбинате останется только 600. «Значит, комбинат будут либо перепродавать, либо менять профиль» – решили рабочие. Вот с этого момента люди и поднялись. Обратите внимание, рабочие начали подниматься не тогда, когда сидели без денег голодными, а когда встал вопрос о судьбе самого комбината. Первым делом, что они сделали – организовали охрану комбината, образуя живую цепь из людей вокруг него. Затем рабочие на своей конференции избрали нового директора Александра Ванторина. Стали искать заказчиков, стали выпускать дешевую продукцию. Наладилась «социалка»: бесплатные обеды – для всех работающих, бесплатные лекарства – для ветеранов труда, санатории – для детей, обеспечение постоянного тепла и света в домах всего поселка «Советский».

Что характеризовало атмосферу социально-производственную на комбинате?

- Неотчужденность и полная открытость.
- Осознанные действия прежде всего в интересах дела
- Рабочие отвергают индивидуалистический принцип решения любых проблем комбината
- Трудовой коллектив выступает за этическую принцип в экономике.

А Сабодаш в это время существовал параллельно как конкурсный управляющий. Но уже летом (9 июля 1999 г.), пытаясь захватить комбинат первый раз, он начал предпринимать методы силового утверждения своей власти на предприятии. «Интересно получается, – поделился со мной один профсоюзный активист, – вооруженная частная охрана «иностранного» предприятия «Алцем», выдавая себя за англичан, свободно, никого не

спрашивая, перемещается по территории Ленинградской области. При этом ни власть, ни правовые органы никак не реагируют, как будто так и надо. Затем эти охранники приезжают на ВЦБК и учиняет там бойню. Разве это возможно без санкций властей?» Причем, первый раз в июле они оружие не использовали, хотя и имели. Как потом выяснилось, эта охранная структура в июле не имела даже лицензии, но потом она исправила ошибку и спустя две недели (!) российские правоохранительные органы выдали ей соответствующий документ.

И уже 14 октября эта охранная структура приезжает с поученной лицензией и с огнестрельным оружием.

в) памятная ночь – говорят очевидцы

В ночь с 13 на 14 октября, когда уставшие рабочие ночной смены перекусывали в столовой, чтобы потом опять идти работать в цеха, вдруг зазвенело разбитое стекло – прямо в столовую ворвался отряд специального назначения или как его обычно называют – «спецназ» «Тайфун», который предназначался для усмирения заключенных в тюрьмах. Их было около 40 человек в камуфляже и в черных масках.

Здесь стоит сказать несколько слов о самом спецназе «Тайфуне». Вот что о них писала российская либеральная пресса: «Незаметно для всех «тюремный спецназ» стал самым крутым в России. И первыми это, как всегда, осознали на Западе наблюдательные коллеги из аналогичных структур. «Морские котики» (подводные диверсанты), из немецкой антитеррористической ГСГ-9 – специально приезжали в Питер посмотреть на работу «Тайфуна» и поучиться. А супермены из САСа (специальной авиадесантной службы, у которой берет «мастер-класс» американская «Дельта») за свой счет зазывали питерцев к себе в гости – для обмена опытом». (см.)

И вот эти усмирители в масках и с оружием в руках стали все крушить на комбинате: переворачивать лавки, котлы, мебель. Используя против

рабочих воду и газ. Их главной целью был захват документов, печатей, а также слом сплоченного духа трудового коллектива. За свою «работу» эти наемники получали деньги без всякого стеснения тут же на глазах рабочих.

Так все-таки как было на самом деле? Давайте, послушаем тех рабочих, кто был не просто очевидцем, но активным участником событий той памятной ночи.

«Я проснулся около трех часов ночи - рассказал мне рабочий с перебинтованной головой - от громкого и настойчивого стука по батарее отопления. Стучали соседи снизу. У них был телефон и я подумал, что это наверное зовут меня к телефону. Глянул в окно и тут же почувал недоброе – окна всех домов светились, а потом завывли сирены и завыл тепловоз. Вышел из подъезда, а народ к комбинату уже валом валит.

Когда мы подошли к главной проходной - продолжил рассказ другой участник событий - все окна внизу уже были разбиты, всюду валялись стекла, расколоты урны для мусора. Тут мы и узнали, что в два часа ночью к зданию подъехало несколько машин и из них вывалились вооруженные люди в камуфляже. Приехали спецподразделение «Тайфун» и охранная фирма «АФБ-2». Заводская охрана попыталась оказать сопротивление, но расшвыряв их, они начали занимать второй этаж, где находилось заводоуправление и столовая, в которой в это время находилась часть рабочих, пришедшая сюда поесть. Но основная масса рабочих находилась на первом этаже. «Больше всего мы боялись, чтобы не остановили производство.

Выбегающие из домов и одевающиеся на ходу рабочие бежали к комбинату. Толпа собирающихся у проходной комбината густела. Рабочие требовали всех посторонних покинуть комбинат. Они не понимали, почему законность надо устанавливать ночью?

«Ну, кто из вас первый? Подходите!! – раздался из глубины коридора крик, и в дверном проеме появились две тени с вытянутыми в руках

пистолетами. Рабочие и предположить не могли, что через секунду раздадутся первые выстрелы. И не из газового оружия, и не холостыми, а из настоящего.

- Что пропала охота нас выгонять? - снова раздался голос из темноты.

- - Я первый, - крикнул Валерий Иванович Кремов и вышел на середину коридора. – Давайте поговорим по-человечески.

Он вышел с пустыми руками и открытым лицом, чтобы все объяснить этим людям в камуфляже и в черных масках, что в действительности происходит на комбинате. Но в ответ из темноты раздался выстрел. К счастью, пуля попала лишь в плечо Кремова. Его тут же взяли в заложники и потом долго избивали. Били ногами, затем взяв табуретку били по голове, били до тех пор, пока один из тех, кто бил, не сказал : «Хватит, а не то он еще кончится...»

«Они стреляли в нас в темном коридоре заводоуправления так же хладнокровно, словно мы были для них «зеки», поднявшие бунт в тюрьме» – сказал поздно вечером уже в больнице тот самый, кто не побоялся первым выйти к этим бандитам - Валерий Иванович Кремов. Кстати, потом к раненым рабочим приходили в больницу неизвестные люди и физически угрожали, если они будут хоть что-нибудь рассказывать о происходящем. Директор и председатель профсоюза вынуждены были каждую ночь проводить в разных местах, известных только очень верным людям.

Но выстрелы не умолкали. Стоящие на улице рабочие их слышали хорошо. Поняв, что в здании стреляют по товарищам, они схватили стоящего неподалеку нового хозяина Сабодаша и потащили в помещение заводской охраны. Завязалась драка.

«А тем временем на втором этаже снова погремели выстрелы. Александру Огурцову, слесарю кислотно-варочного цеха, бойцы «Тайфуна» отстрелили два пальца на правой руке. За что? Какую опасность представлял для вооруженных людей этот безоружный слесарь?»

«Вот уж и не думал, - сказал Александр Михайлович корреспонденту Сергею Алехину уже в больнице - что подстрелят меня на родном заводе. Я его строил с нуля. Реконструкцию делал.»

Узнав, что рабочие схватили Сабодаша, омоновцы стали хватать рабочих в заложники. Среди этих восьми заложников были и женщины. Одну из них, избив, они облили водой и бросили в холодильник в столовой. Другую – Алесандру Заикину избивали пока она не потеряла сознание. Только при первом подсчете тех, кто серьезно пострадал от ОМОНа было 18 рабочих. И это с учетом того, что не все обращались в больницу.

На организованной «Альтернативами» в Государственной Думе пресс-конференции выступали А.Ванторин и В.Киряков, сказавший следующее: « У нас десятки избитых людей. Несколько человек лежат в больнице. И это еще не все. Потому что с каждым днем количество людей, которые выходят из шокового, стрессового состояния, все больше и больше увеличивается. Что будет дальше с людьми -трудно сказать, ведь на них бросили войска, ОМОН, Спецназа. И это все на двухтысячный коллектив, в котором 60 % женщин. И кроме того 60 % нашего коллектива – это работники, которые имеют высшее и среднее специальное образование. Это грамотные люди, а не «быдло», которым его СМИ хотят представить. Эти люди прошли более полутора лет прошли через стачки, а также экономическую и информационную блокаду»

К сказанному выше я хочу привести еще одно свидетельство. Вот что об этих событиях рассказал мне со слезами на глазах ветеран труда, проработавший на комбинате 46 лет: «Как так можно: государственные чиновники берут в заложники рабочих? Сотни милиционеров смотрели, как нас бьют. И откуда столько офицеров понабрали? Я говорю: «Ребята, оградите народ от побоев!», а все безмолвно стоят, хотя некоторые сочувственно смотрели, они с желваками на все это глядели.

А ведь престольный праздник - Покров день. Я не верующий человек, но есть святые истины. Я не молюсь и не знаю этих молитв, но знаю, что до

Покрова дня надо убраться на могилках. А в Покров день и дальше должна быть идеальная тишина на кладбище. А у нас что? Стекло на иконах разбили и вместе с образом раскидали! Это ведь Тайфун - у них ничего святого нет!

Я хочу довести всех до этих «зэков», что мы их тоже за людей считаем. Как же они тогда с «зэками» обращаются? Значит, нет жизни на нашей Земле! Вот, Кудрицкий кричит: «Газы!» и падает. Моя жена - бывший медик - оказывает ему помощь. Жена до сих пор лежит. Я сам несколько суток хрипел, кашель, глаза до сих пор не проходят. А мою сотрудницу в холодильник избитую бросили и сверх того - три ребра сломали и только потом в больнице откачивали кровь из живота. Сволочи! Это расправа с народом. Теперь ВЦБК - новый залп «Авроры». Генерал-майор Петухов нам выдает избитого рабочего Истомина. Выкидывает его с матом, а остальных не выдает. А когда кто-то пытался справиться о товарищах, так он их на три буквы посылает.

То, что было на ВЦБК - это чудовищное преступление, о котором должен знать весь мир. Будь проклята эта ельцинская демократия! Мы не смогли защитить наших товарищей перед этими бандитами. Что же нам делать? Школьники подошли сюда, я их спрашиваю: «Вы зачем сюда пришли?» Они отвечают - «Защищать комбинат - здесь наши мамы и папы. Я их спрашиваю: «Пойдете в ОМОН?» «Никогда!» - вот их ответ.

Думаю, что этот рассказ, сделанный В.И. 14 октября 1999 года, спустя 12 часов после вооруженного захвата ВЦБК в комментариях не нуждается.

Да, конечно, когда спецназовцы ворвались неожиданно на комбинат, причем, ночью и начали избивать безоружных рабочих ночной смены, а потом хватать их в заложники, то, вполне понятно, что они начали сопротивляться. Уже вскоре к ним поспешили на помощь люди из поселка. Чем могли эти безоружные люди защищаться? Палками, которые нельзя назвать дубинами - они быстрее бы подошли для изготовления швабр.

Председатель профкома ВЦБК В. Киряков так оценил события на ВЦБК: **«Борьба на нашем заводе вызвана тем, что трудовой коллектив отстаивает**

право, **только право на коллективную форму собственности.** А то, что случилось 13-14 октября - то это была попытка физического давления представителей капитала на коллектив, но наши работники показали свое единодушие в физическом отстаивании предприятия. Если у этих фирм все в порядке, доказывайте все в судах. Но значит не все в порядке, если они силой берут комбинат. Губернатор, будучи гарантом конституции, закрывает на все глаза. Но ведь есть проблемы и государственной безопасности, и трудовой коллектив указывает на это: если в 85-ом году в комбинат было вложено 700 млн. долларов, причем самими рабочими руками, а на реконструкцию - 500 млн. золотых рублей, то уже в 98-ом году на торгах было предложено - 187 млрд. рублей. Вот эта разница и не дает новым хозяевам покоя».

Рефреном звучит и мнение одного из ветеранов труда комбината: «Наш комбинат вынесли на торги в 4, 5 раза *дешевле остаточной стоимости* комбината. И это бизнес? Это уголовное дело!»

г) я свидетельствую

На этот комбинат я попала почти случайно. Дня за два до событий на Выборге я выступала с докладом в профсоюзной организации на Ленинградском металлическом заводе. Профсоюзная жизнь завода в это время была на подъеме. Несколько месяцев назад трудовой коллектив во главе со своим профсоюзом (председатель – В.Д.Страхов, его заместитель – В.Тонни) сумел избавиться от своего директора, приведшего завод к банкротству. Экономика на заводе налаживалась, настроение людей было приподнятое. Поговорив с рабочими и профактивистами, я вернулась работать над своей статьей противоречиях советской культуры в одну из питерских коммуналок, где я иногда останавливалась на время своих командировок. Мне нравилось там работать: в отличие от московской жизни, телефон изредка напоминал о себе, звучало только радио с моим любимым каналом классической музыки

«Орфей». Да, и в целом атмосфера была очень приятной и вдохновенной. Может быть потому, что еще в конце 30-х гг. в этой коммуналке размещалась квартира Дмитрия Шостаковича.

На следующее утро я услышала в информационной радиосводке о тревожных событиях на Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате. Я сразу позвонила на ЛМЗ в профком. Наше общее и незамедлительно решение было одно - ехать. Втроем (Д. Страхов, В. Тонни и я) мы на машине отправились в Выборг. Дорога была не близкой, но местами пронзительно красивой: слева Финский залив, справа – золотой пожар осеннего леса, вспыхнувшего от заходящего солнца. Неожиданность красоты вытеснила чувство нарастающей тревоги, навстречу к которой мы ехали. Казалось, что в этом мире нет ничего кроме этого леса и тишины.

В поселок Советский, где находился ВЦБК, мы добрались только к вечеру. И сразу недалеко от комбината мы увидели скопление милиционеров и милицейских машин. Выйдя из машины мы отправились в сторону комбината. Заходящее солнце подсвечивало терракотовый цвет аккуратных корпусов комбината. Бывая на предприятиях на протяжении последних лет мне чаще всего мне приходилось видеть постаревшие здания фабрик и заводов, построенных еще в 30-50-е гг. Никогда не забуду швейную фабрику "Голубая ока" (г. Рязань), построенную еще в конце 19 века. Стены, перегородки и даже лестницы - все в ней было деревянное. Когда я поднималась по лестнице, она начинала разговаривать: одни ее ступеньки скрипя, ворчали, другие - тяжело вздыхали, а третьи - пискливо удивлялись, видимо тому, что еще живы. Более душистого запаха я нигде не встречала: это пахло не только старое дерево, из которого состояла все здание этой фабрики, это был запах всей долгой жизни, которая здесь продолжалась уже более века. Впрочем, у каждой жизни есть свой запах, это становится особенно понятно, когда приходишь с улицы в чужой дом и сразу чувствуешь запах этой чужой жизни. Так и здесь, казалось, что зайдя в цех, ты увидишь женщин 19 века.

После этого можно представить каким было мое удивление, когда, подходя к ВЦБК я увидела картину как будто из какого-то западного журнала - настолько элегантным был его вид. Но чем ближе мы подходили, тем тревожнее становилось ожидание. Я предполагала увидеть большую толпу людей, но у здания было лишь несколько человек. Подойдя совсем близко, я увидела, что там, где еще вчера были стеклянные стены и двери, теперь зияли рваные дыры, а под ними груды разбитых стекол. Осенний ветер гонял по асфальту слетевших с верхних этажей, где была бойня, какие-то бумаги. Подняв голову, я увидела как из разбитых окон пытались вырваться наружу развивающиеся белые занавеси.

Тут же на пороге нас остановила охрана из рабочих, спрашивая к кому мы и зачем. Спустя какое-то время к нам подошла заместитель председателя профсоюза Люба Якушева, молодая высокая красивая женщина. Ее элегантный вид никак не вязался со всей этой общей картиной разрушения. После нескольких вопросов она повела нас наверх в какой-то кабинет. Короткий путь в два- три этажа и пару коридоров в действительности оказался не столь простым, т.к. надо было идти все время по развалам, достигающему иногда уровня колен. Разбитая мебель, разбросанные бумаги, какое-то железо и все это еще в какой-то жидкости (потом выяснилось, что это остатки пены из брандспойтов). Пробираясь через все это, в голове тупо маячил один и тот же вопрос - каким же было само это побоище, если только одни его следы так впечатляющи?

И вдруг я остановилась как вкопанная - передо мной была дверь, где на уровне чуть выше моего лба были дырки как будто от пуль - подумала я. "Да, это действительно следы от пуль - заметив мой взгляд -ответила Люба - следы от "Тайфуна, который сегодня усмирлял рабочих. Зато, когда некоторым рабочим стало плохо, они даже отказались пустить приехавших к пострадавшим врачей". Кстати, на фотографиях это все запечатлено. Как потом

выяснилось, "Тайфун" - это особое спецподразделение (ГУИН) внутренних войск, которое готовят для подавления бунтов в тюрьмах.

Зайдя в кабинет, я увидела еще пару молодых женщин, одна из них Галина - секретарь директора Ванторина, другая – Женя, член профсоюзного комитета. На мои вопросы сразу начала отвечать Галина. Не смотря на всеобщее возбуждение, она говорила очень ясно, что было удивительно для нее, пережившей только шок, без всяких оценок в адрес захватчиков. Она по деталям восстанавливала свежую хронику ночных событий. Добавляемые рядом сидящей Женей комментарии и реплики также на удивление были точны и не нагружены, на которые они после всего случившегося имели полное право. Эту их сдержанность я оценила в полной мере, когда сама, только слушая их рассказы, чувствовала как переполнялась гневом, требующим своего выхода.

Вскоре в кабинете появилась Саша Заикина. Бледная, с явными следами еще не прошедшего шока от побоев в живот, она рассказывал о случившемся с ней. Периодически наш разговор прерывался заходящим в кабинете депутатом от РКРП В. Григорьевым. Других не видела.

Наступала ночь - нельзя было больше задерживать измученных и смертельно уставших людей. Спускаясь по лестнице вниз, я вдруг увидела, что в здании вдруг откуда-то опять появились солдаты внутренних войск. Найдя среди них старшего по званию, представившись ему, я сразу стала задавать вопросы, но, прежде всего я выразила свое отношение к происшедшему. Сдерживая гнев, рожденный всем увиденным и услышанным за этот вечер, я потребовала от него объяснения того, что здесь произошло. Оправдательная интонация его ответа доказывала, что даже он был в шоке от случившегося. Растерянные милиционеры испуганно слушали наш очень напряженный разговор. Для них, видимо только что попавших сюда, ситуация также была шокирующей.

Не сильный, но нарастающий кашель от оставшихся в помещении газов давал о себе знать. И это с учетом того, что уже более десяти часов после ночной бойни помещение проветривалось благодаря омоновской вентиляции - через разбитые окна. Каково же было рабочим ночью, когда концентрация газов была несравненно выше, чем сейчас!

Выйдя на крыльцо, я увидела как двое рабочих забивали разбитую дверь фанерой. Нечаянно я обратила внимание на стоящие в двух-трех метрах от крыльца стоящие самодельные палки, которые вполне бы сгодились для швабр. "А что же мужикам оставалось делать, когда в них начали стрелять, вот и начали защищаться" - ответил мне кто-то из рабочих, заметив мой задержавшийся на этих палках взгляд.

Но тут рядом с ними я увидела еще и горку небольших камней. Казалось, что кто-то собирался построить замок для детей. Сразу подумалось, что если "булыжник - оружие пролетариата", то тогда эти маленькие камни - **орудие уже детей пролетариата**. Я не ошиблась. Рядом стоящие со мной рабочие, которые не спешили расходиться, хотя время было уже ночное, тут же мне пояснили. Оказывается, узнав, что случилось на комбинате, дети побежали к железнодорожной насыпи за камнями, чтобы помочь своим родителям держать оборону. Естественно, они подбирали только те камни, которые умещались в их детских ладошках, но ... пока в детских. А ведь когда-то эти дети станут взрослыми. И, как известно, - детская память крепкая.

Потом же в Москве на организованной нами встрече клуба "Диалог" в музее Маяковского Люба Якушева рассказала как дети поселка Советский "начали играть в новую игру под названием "Стачком". Детишки сделали шалаш, на который повесили табличку "Стачком» и делились на две команды: одна была командой защитников комбината, а другая - командой его захватчиков. В моем детстве играли в войну, где были красные и фашисты.

Мы шли в сторону машины, за спиной оставался раненый комбинат, а в нем его рабочие, и часть из которых тоже была ранена. Какой будет эта ночь? И что будет с ними? Никто не знал. Пробирает озноб, идущий то ли от ночного осеннего леса, то ли изнутри. Машина тронулась. Все трое сидящих в ней: Артюхин, Тонни и я молчали - не говорилось. Кругом было темно. А ведь еще по дороге сюда этот лес весь светился от солнца и осени, но теперь он стоял потемневшим, казалось навсегда.

Машина набирала скорость. Встречных машин почти не было. И вдруг, из темноты вырвались яркие фары,двигающиеся нам навстречу. Это был крытый грузовик, в которых обычно перевозят людей. Он был не один, за ним ехал второй, третий.... шестой .. Я сбилась со счета. Целая колонна таких же тяжелых крытых грузовиков молча ехала нам навстречу. Они двигались в сторону комбината - это было также очевидно, как и то, что не для защиты рабочих ехали они туда.

Тогда я еще не знала, что на подавление рабочих было брошены вооруженные силы и немало: «176 человек вневедомственной охраны были стянуты к комбинату, в Выборге в 22 км от комбината стояли 7 грузовиков тентованных с солдатами внутренних войск., плюс три тентованных грузовика Спецназа».

2.3. «Какие же, однако, негодяи все эти порядочные люди» (стиль властей)

Все захваты на протестных предприятиях были порождены столкновением принципиально разных интересов: «новые хозяева» в отличие от классических капиталистов 19-го века, пытаясь захватить предприятия, стремятся даже не столько заполучить любой ценой прибыль, сколько посредством махинаций сначала получить предприятие и потом уже в

результате спекуляций (а не производства) заполучить быстрые и бешеные деньги.

Ведь, не ради же процветания нашей экономики и интересов рабочих «новые русские» совершали все свои преступления, которых на их счету – немало. Это и обман рабочих, и многомесячная невыплата им зарплаты, и организация захватов, и запугивание, а потом и расправа с избиениями рабочих и профсоюзных активистов. На счету «новых хозяев жизни» немало тех, кому они, ломая руки, ноги и отбивая внутренности, потом арестовывали, а если потом и выпускали, то при этом даже никто не извинялся; травили газом, да и просто стреляли. А сколько активистов они довели до полу-инвалидности.

Насколько нравственной являлась позиция каждой из сторон конфликта, можно судить по той тактике, которую она выбирала, борясь за свои интересы. Практика столкновений показала, что если для **рабочих принцип открытости и прозрачности их действий был одним из основных**, то власти и нувориши использовали преимущественно «грязные» технологии: обман, интриги, наговоры, запугивание, стравливание. Например, на ВЦБК местные власти старались войти в доверие активистов, выясняя фамилии защитников комбината, а потом этих людей вызывали в КГБ и там на них оказывалось психическое давление с тем, чтобы их сломать.

За этим стоит и более общая проблема. «Триумфальное шествие» чубайсовской приватизации по стране навряд ли было возможным без широкой эксплуатации того чувства доверия людей к слову, а также их веры в честность и неподкупность органов правосудия, т.е. всех тех понятий, как совесть, честность, порядочность, благородство, с которыми большинство выйдя из советского прошлого, убедилось в их абсолютной ненужности сегодня. Так что рост частного капитала приватизаторов произошел не без эксплуатации, а может быть даже и в первую очередь «благодаря» эксплуатации ментальности советского человека. А «обкатывание» властями

всех грязных технологий еще в процессе «прихватизации» в полной мере пригодилось ей уже позже - при подавлении протестного движения рабочих.

И примеров тому не мало. Вот один из них: власти Кемеровской области в одно время сумели сравить шахтеров Черниговского разреза с населением города: «Коммунальщики не получали зарплату, а мы в течение двух лет платили 80% налога городу. Им же говорили, что все это происходило по нашей вине».

Цинизм сегодняшнего режима заключался еще в том, что если для рабочих захваты всегда были неожиданными, то власти всегда к этому готовились заранее. Более того, они всегда предполагали, что вследствие их действия обязательно будут жертвы. Об этом говорят те факты, что в местных больницах заранее готовились койки для потенциальных пациентов. Мне об этом прямо говорили рабочие с ЩМК и с ЧР.

И действительно, при попытках захвата ЩМК пострадало около сорока человек и там также не обошлось без стрельбы. «Ворвавшаяся охрана стреляла сначала из газового, а потом уже из боевого оружия в потолок. Мы позвонили в милицию. Но милиция, и больница уже были предупреждены, там даже заранее уже заготовили койки. Мы включили заводскую сирену. С краю на край ее услышали все. Прибежало человек 300», - вот что рассказал нам один из лидеров рабочего движения с ЩМК.

Причем, почти везде эти вооруженные атаки спецподразделений и милиции, приведшие к жертвам среди мирных рабочих, не были осуждены властями за всю историю протестного движения, не было ни одного расследования по бесчинствам властей. И это с полным правом можно расценивать не иначе как прямое санкционирование таких действий со стороны как региональных, так и центральных властей. В доказательство еще одна цитата из рассказа рабочих активистов с ЩМК: «Районное собрание депутатов не осудило эту стрельбу, хотя оно раньше нас поддерживало».

Российская власть сегодня такова, что даже ОМОН выглядит более честным по сравнению с нею, ибо хотя бы не прикрывается словами «демократия», «цивилизованное общества», обнажая весь свой цинизм без стеснения. Вот лишь фрагмент такого откровения одного из «героев» «Тайфуна». Послушайте, что думает и говорит о событиях на ВЦБК один из усмирителей рабочих.

«На ЦБК сейчас как в Чечне: российские законы не действуют, хрипит один из «тайфуновцев» Тимур. На прошлой чеченской войне его буквально напизговали металлом, а один из 54 осколков застрял у него в гортани. – В следующий раз мы возьмем с собой «Черемуху» и, если нас так же встретят, будем стрелять на поражение. Положим два десятка «мирных рабочих» - небось остальные образумятся!»

Прав был Э.Золя : «Какие же, однако, негодяи все эти порядочные люди» (19).

2.4. А как действовали во время захватов сами рабочие?

Все эти столкновения продемонстрировали, с одной стороны, подлую жестокость чиновников и «новых хозяев», а, с другой - нравственную высоту рабочих активистов, которую они проявляли не только другу к другу, но даже по отношению к своим захватчикам. Так, например, активисты ВЦБК во время попытки его захвата помогли одному из его главных виновников и зачинщиков уйти от гнева рабочих и в полном порядке на машине покинуть предприятие. Фактически профсоюзные активисты сами организовали ему коридор безопасности из поселка Советский до Питера. Разве способна на такое благородство российская власть или представители капитала? Не только по отношению к рабочим, но даже по отношению друг другу они всегда используют только один метод – бить из-за спины. Постоянно отстреливаемые бизнесмены среди бела дня на улицах Москвы и Питера – тому подтверждение.

И принципиально иные взаимоотношения рабочих друг с другом во время захватов. Например, когда трудовой коллектив ЩКХ был на осадном положении, рабочие организовали на нем постоянное дежурство (12 часов – работа и 12 часов - дежурство). Причем, на помощь рабочим приходили и их жены, и их дети. Рядом с комбинатом на случай экстренной необходимости постоянно дежурил автобус. Кроме того, рабочие организовали и систему питания - пекли пироги и кормили ими не только защитников ЩКХ, но и всех тех, кто приходил к ним, чтобы оказать конкретную и практическую помощь.

Практика вооруженного захвата всех этих предприятий, равно и как и их оборона стала определенной «школой капитализма» не только для новых «хозяев жизни», но и для рабочих, которые быстро усвоили ее уроки. Например, не давать своими действиями властям никакого повода для репрессивной реакции. Так, например, рабочие ЛМЗ сумели физически выдворить не угодного им администратора, доведшего завод «до ручки», причем, предварительно предупредив об этом МВД, чтобы предотвратить с его стороны какие-либо провокации. При выдворении администратора рабочие строго соблюдали всеобщий наказ профсоюзных лидеров: «Никого из администрации руками не трогать!». Поэтому рабочие сделали так: они подошли к директору, подняли кресло на котором он сидел (при этом не задевая его даже пальцем) и далее как короля на троне бережно понесли его через весь коридор, где вдоль стен стояли рабочие, прямо к заводским воротам. Выйдя за территорию завода рабочие ...выбросили директора из кресла... прямо в сугроб. После этого на ЛМЗ было установлено круглосуточное дежурство рабочих на всех проходных. И это продолжалось с 13 ноября до 13 марта 1999 г. - четыре месяца.

Российские правоохранительные органы почти всегда приписывают инициативу лобового столкновения с властями со всеми разрушительными отсюда последствиями, «злодеям» - рабочим. Но, во-первых, все эти захваты

на протестных заводах вызваны приватизационным «крещением» всей нашей экономики. Во-вторых, нападения на предприятия устраивала сама власть. То, что разбойные нападения на заводы устраивала власть, а не рабочие свидетельствует немало фактов и другого рода. Например, разрушительные последствия «варфоломеевской ночи» - той, что была на ВЦБК и других предприятиях, ликвидировали не кто-нибудь, а сами рабочие и по своей же инициативе. Для этого они специально организовывали заводские субботники. Субботники - это старая социалистическая традиция, возникшая еще в 20-е годы, суть которой в том, что люди совместно, добровольно, бесплатно и на основе самоорганизации выполняют работу, связанную с улучшением и благоустройством городов и поселков.

При этом, рабочие ВЦБК сами приносили из своих домов по возможности все, что было необходимо для ремонта помещений: гвозди, доски, краску, занавески для окон и т.п. И разве сами эти факты - не контраргументы против лживых заявлений властей и прессы о том, что все эти беспорядки были организованы самими рабочими? Но самое главное возражение состоит в том, что разрушение станков и заводских помещений для рабочих означает потерю последнего рабочего места. А как тогда кормить семью? Так что сохранение предприятия – коренной материальный интерес рабочих.

Заканчивая эту главу, хочу сделать следующие выводы. **Первое.** Протестное движение раскрывает, с одной стороны, низость и грязь (и по содержанию, и по форме) политики сегодняшних властей, а, с другой - героизм рабочих активистов. Столкновение полярных интересов трудовых коллективов, включенных в протестные действия, и «новых русских», захватывающих предприятия настолько **драматично по содержанию и драматургично по форме**, что, как я писала выше, нуждается не только в научном, но и художественном осмыслении.

Второе. Все истории с захватами еще раз подтверждают, что рабочие всегда вели только оборону - инициатива столкновений исходила только от властей, которые сегодня в прочном союзе с частным криминальным капиталом. Невольно хочется повторить слова известного французского классика Золя: «Какие же, однако, негодяи все эти порядочные люди»

II. 3. Собственность, приватизация и власть

Еще десять лет назад проблема собственности, если и была кому интересна, то может быть только ученым-экономистам, а для большинства людей она была лишь абстракцией. А уж такие слова, как «приватизация» и «ваучеризация» – их и вовсе не знали. Теперь, когда вся страна прошла ускоренный курс капиталистического «ликбеза», гораздо чаще можно встретить тех, кто не знает кто такой Стендаль или Хемингуэй, чем не знающих, что такое «дефолт» или «инфляция». И это понятно, ибо почти каждый «на собственной шкуре» не только узнал, что это такое, но и лично заплатил за все уроки этого «ликбеза»: у всех куда-то «уплыли» ваучеры; превратились в прах многолетние сбережения в сберкассах; у большинства в бумажки превратились акции и т.п.

Тем интереснее было узнать, а каково **отношение к собственности** активистов профсоюзного и рабочего движения в России. Разброс мнений на этот счет оказался достаточно широким. Вот некоторые из них.

- «Какова форма собственности - это не столь важно, важен рабочий и общественный контроль» (ЯМЗ).

- «У рабочих должна быть заинтересованность в собственности, а как же иначе? Что же совсем руки опустить? Не может быть такого». (ЯМЗ)

- «Заводы все равно должны принадлежать государству, а государство это и есть народ. А у нас сегодня государство воюет с народом». (ЯМЗ).

- «Государственные предприятия доказали свою безнадзорность». (ЯМЗ).

- «Нет возврата к государственной собственности, гарантом должны быть мы сами. Надеяться на государство не приходится, оно нас приватизировало и обмануло» (ЛМЗ).

- «Чего тут думать, завод надо национализировать и забрать его, на хрен, у «Алцема». (ВЦБК).

- «Почему один человек должен диктовать жизнь всему коллективу?» (ВЦБК).

- «Выход только один - рабочий контроль. Это даже важнее, чем просто менять форму собственности» (ЯМЗ)

- «С одной стороны, личная собственность - это хорошо, но все равно заводы должны быть у государства. А кому они сейчас принадлежат? А ведь государство и народ неразделимы. А теперь частная собственность у кого? У Чубайса и Черномырдина». (ЯМЗ)

- «А если дойдет до того, что кто-то один купит завод с молотка - народ я думаю - поднимется» (ЯМЗ)

- «Если кто-то единолично купит завод – народ поднимется» (ЯМЗ).

- У наших людей не развито чувство собственника, и нет рыночного нюха. (КЦП).

- «Общественная форма собственности всегда имела значение для российского гражданина. У нас не сложились буржуазные отношения. Если есть процесс перехода государственной собственности в руки частного капитала, то должен быть и обратный процесс. И на страже этого государства должно стоять нормальное государство. У нас же государство заведомо издает такие законы, которые позволяют за бесценок отдать эту собственность. Ну, а дальше уже пошли олигархические, монополистические и международные институты. Мы не можем просто так распылять эту государственную собственность, коллективную собственность»(ВЦБК).

Решительно настроены и профлидеры КМК. Десять человек из профкома КМК сказали губернатору: «Комбинат не отдадим!» Такой же ответ я прочла и

на транспаранте над крыльцом ЦКХ в Курганской области, где большими буквами самими рабочими было написано: **«Родину не предадим, мельницу не отдадим!»**. Этот лозунг в июле 2000 года рабочие ЦМК выполнили.

Говоря о **проблеме акционирования, я ни от одного рабочего не слышала ни одного положительного отзыва на этот счет**. Оно всегда было резко отрицательным. Послушайте сами.

- «Я вообще против акционирования» (ДЭ).

- «Есть ли у рабочих желание быть собственниками? Но ведь у нас даже акций нет, только одни сертификаты Нам желательно участвовать в собственности» (ЯМЗ).

По вопросам **иностранных инвестиции** рабочие так же имели четкие взгляды:

- **«От помощи иностранной мы не отказываемся, но хозяевами должны быть мы»** (ЛМЗ).

- «Иностранный капитал диктует свои условия, поэтому свой капитал ближе» (ЧР).

Любопытным оказался опыт ЧР, когда работники, став хозяевами предприятия, сами стали искать себе инвестора. Вот что они об этом рассказывают: «Мы сами создали рабочую группу, и сами стали искать себе инвестора. Поехали на те предприятия (КМК, Междуреченский разрез, Новокузнецкий алюминиевый завод), где работал выбираемый нами инвестор «Миком». Более того, мы побывали и на объектах «социалки» этих предприятий: в детсадах, поликлинике, доме культуры (он кстати, не был там продан). И мы увидели, что для «Микома», у которого, конечно же, есть свой интерес, тем не менее, самое важно не доводить дело до забастовки. И действительно, мы видели, что в их политике на других предприятиях была социальная ориентация. Кстати, они полностью финансировали выборы Тулеева, у них были неплохие отношения с Зюгановым. При них в

наблюдательный совет из 15 членов рабочих было 9 человек. Но потом Тулеев рассорился с «Микомом» и наша ситуация начала резко ухудшаться».

Говоря о **проблеме экономической власти**, профактивисты высказались четко: **«Перераспределение хозяйственной власти должно быть в пользу людей труда»** (ВЦБК). И еще одно интересное наблюдение: **«Рабочие готовы делиться властью на производстве, а мафия нет»** (ВЦБК)

Отношение к приватизации не только у профактивистов, но у **всех рабочих было также резко отрицательное**. Я не услышала ни от одного рабочего что-либо положительное на этот счет. Очень образно и точно высказался о приватизации один из старейших работников ВЦБК: **«На реконструкцию комбината было брошено 500 млн. долларов и около 370 млрд. руб. по ценам 1982 года. Т.е. комбинат на момент продажи стоил 1,5 трл. руб., но заплатили 23 млрд. руб., да и то как заплатили...»**

Это ведь афера была. Мы этих Чубайсов и Гайдаров проклинаяем теперь. Спрашивается: **если я пришел покупать костюм, а плачу только за гульфик, то тогда и получай то, что в гульфике и не более»**.

Кстати, надо сказать, что активисты ВЦБК до сих пор не отказались от идеи судебного пересмотра незаконных основ приватизации комбината. Такое же мнение я услышала и во Владивостоке. **«Приватизация прошла не в наших отраслевых интересах. Я вообще хотел поначалу выдвинуть антиприватизационную идею, но понял, что трудовой коллектив меня не поддержит»**, - поделился со мной председатель профкома «Дальэнерго» о своих былых намерениях.

«Да, законы у нас плохие, - сказала активистка протестного движения с ЩКХ, - но ведь даже они не соблюдаются. Если бы у нас в вопросах приватизации был выбор, но у нас его не было. Кстати, многие колхозы у нас в области ушли от приватизации и стали производственными кооперативами». Мнение на этот счет председателя профкома этого комбината еще жестче: **«Мы**

хотим отменить результаты приватизации. У нас приватизация была без выбора».

На ЛМЗ работники во время акции протеста так же прямо потребовали пересмотреть результаты приватизации. А вот в Воронеже нам удалось встретиться с активистами ВМРЗ, которые, не смотря ни на что, сумели отбить три (!) атаки властей с целью приватизации их завода. Завершая этот раздел, подчеркнем: на протестных предприятиях работники (а лидеры - вдвойне) сочувственно относятся к задаче перехода к общественной собственности, деприватизации. Но вот вопрос: кто и как сможет это сделать?

II. 4. Нелегкий путь к самоорганизации и самоуправлению

4.1. Новые и сильные стороны самоорганизации протестных рабочих

Не секрет, что если вы хотите проникнуть в сущность какого-нибудь явления, постарайтесь понять его внутреннюю «кухню». Может быть, поэтому репетиции мне зачастую были интереснее самих спектаклей. Занимаясь протестным движением, причем не только как аналитик, мне казалось чрезвычайно важным понять всю механику его самоорганизации.

Именно то, как рабочие подходили к решению проблемы самоорганизации, зачастую определяло успех или поражение тех или иных шагов протестного движения. Можно долго и громко говорить о победе пролетариата в предстоящих классовых битвах, но то, какое значение человек придает проблемам самоорганизации и то, с какой охотой он готов лично участвовать в их практическом решении, сразу показывает, кто перед тобой: «революционный» демагог или тот, кто искренне болеет за интересы рабочих.

Именно практика самоорганизации протестного движения как раз и продемонстрировала всю его внутреннюю силу и слабость. Но сначала поговорим о сильной стороне протестного движения. Во-первых, оно

продемонстрировало то, что его активисты сумели использовать самые различные формы самоорганизации. И это видно, хотя бы из практики профсоюзных активистов Анжеро-Судженска. Во-вторых, его лидеры проявили удивительную способность творчески и чутко перестраиваться в организационном отношении в зависимости от того, какая складывается ситуация на протестных предприятиях, а не идти на поводу у догматиков, впадая в организационный фетишизм. И всякий раз заново они создавали те формы самоорганизации, которые помогали им решать наиболее актуальные на данный момент задачи их борьбы. Таков был генезис организации протестного движения.

Не люди должны вписываться в те или иные структуры, а наоборот - структуры должны служить рабочим. - это активисты поняли сразу. Вообще для протестного движения характерным было то, что вся их организационная политика строилась на приоритетности практических задач, а не структур. Они хорошо помнили горький опыт КПСС, воспроизводство которой было главной политической задачей партии последних десятилетий, что и стало показателем ее бюрократического омертвления. Ведь любая и уж тем более, политическая структура должна возникать как следствие практического решения тех или иных общественных задач, а не наоборот. Кому-то все эти рассуждения могут показаться банальной истиной, но для постсоветских рабочих, которые только из фильмов и книг знали о борьбе рабочих, реально приходилось заново и на собственной практике открывать эти истины.

Среди конкретных форм самоорганизации протестного движения были и СТК (советы трудовых коллективов), и стачкомы (стачечные комитеты), и КТС (комиссии по трудовым спорам). и новые профсоюзы, и старые профкомы, и рабочие комитеты. А тот, кто был дальновиднее, имели одновременно все эти структуры, любая из которых могла понадобиться в самый неожиданный момент, в зависимости от приоритетности задач.

«СТК - это хорошо, т.к. с его помощью мы выбрали директора - сказала мне профсоюзный лидер Воронежской фабрики «Промтекстиль», - и может быть, поэтому у нас нет конфронтации, которая обычно бывает между администрацией и трудовым коллективом, хотя различие их интересов, конечно же, сохраняются». А тем, кто с опозданием понял, что в протестном движении необходимо быть организационно гибким, потом приходилось об этом откровенно жалеть. Так, например, один из его профлидеров ТМЗ признался мне, что если бы на заводе помимо профкома был еще и СТК, то тогда бы это помогло им консолидировать и сохранить за трудовым коллективом большее количество акций, чем это им реально. Правда, иногда новые организационные формы возникали как альтернатива старым. Это подтвердил и профлидер ЧР: «Рабочий комитет (расширенный состав 50-60 человек) возник снизу как альтернатива профсоюзу».

В протестном движении возникали и чисто женские организации. В России не является секретом то, что создать деловую и доброжелательную атмосферу в женском трудовом коллективе - задача очень непростая. Вот почему мне хочется специально сказать несколько слов о роли женщин в протестном движении, и значение которых переоценить очень трудно. Например, на ВЦБК был создан женсовет, в который входило около 40 работниц. Эта была организация не формальная, а реально и конструктивно действующая. Если профком комбината решал проблемы защиты интересов комбината в его отношениях с собственниками, с городскими и региональными властями, то женсовет реально занимался социальной политикой на комбинате, но конечно же, в тесном сотрудничестве с профсоюзом.

Активистки женсовета решали вопросы как лучше всего наладить режим общественного питания для работников комбината; как лучше организовать отдых для их детей; как интереснее всего организовать совместный отдых и праздники рабочих. Причем, все вопросы они пытались решить так, чтобы на предприятии работники чувствовали себя как дома:

уютно и тепло. Например, активистки женсовета организовали даже свою заводскую парикмахерскую, в которой они сами и, конечно, же, бесплатно стригли всех желающих.

Хочется несколько слов сказать и о самих этих женщинах, которые удивляли меня тем, что даже в самые драматические ситуации, они всегда были со вкусом и красиво одеты. Причем, почти каждая из них, слегка следуя моде, в тоже время имела и свой индивидуальный стиль. Особенно хочется сказать о лицах этих женщин, которые, не смотря на сложность ситуации, тем не менее, выражали чувство собственного достоинства и дарили окружающим жизнелюбивую энергию.

Вообще надо сказать, что **женщины протестного движения России** зачастую **были и более активными, и более последовательными, и более решительными в своей борьбе.** Это в полной мере показали женщины и Рязанской «Голубой оки», «и Севастопольского рыбо-консервного комбината, и «Промтекстиля», и Комбината цветной печати, и Ясногорского машиностроительного завода и многих других предприятий.

Чрезвычайно важным является и то, что **в рамках протестного движения появился и новый организационный принцип** - не бюрократической «вертикали», а демократической «горизонтали», основанной на совместной практической деятельности. Так, например, в рабочей комиссии по отгрузке продукции на ЯМЗ не было председателя, т.е. они сознательно отказались от принципа вертикали. А деятельность комиссии строилась и координировалась по принципу (цитирую): «Каждый берет на себя решать ту или иную проблему на выбор, но только, обязательно доводя ее до окончательного решения».

Обратите внимание: здесь обязанности не «раздаются, а каждый выбирает их в соответствии со своим умением, знанием, личностным стилем. Т.е. при таком подходе обязанность становится личным желанием, личной потребностью, что в свою очередь позволило данному активисту развиваться и

как личности. Так мы видим, как организационные принципы протестного движения становятся и основой развития его активиста уже как личности, т.е. основой его культурного развития. Вот почему **протестное** движение на мой взгляд **является в первую очередь культурной** и лишь потом социальной **альтернативой** современной российской реальности.

Принцип организационной гибкости распространялся не только на работу профсоюзных и протестных органов, но и на деятельность органов производственного самоуправления. Так, например, на ЛМЗ в период подъема протестного движения родилась очень интересная организационная форма координации всех подструктур этого огромного предприятия.

Профсоюзные активисты называли эту форму «муравейник». Это означает следующее: в определенный день и час представители всех подразделений завода (производственно-технического отдела, бухгалтерии, отдела кадров, отдела снабжения, профкома и других) собираются в одном помещении, чтобы в режиме параллельного и перекрестного общения скоординировать решение тех или иных общих вопросов; оперативно обсудить совместные проблемы; спланировать будущие встречи, а самое главное - подписать все необходимые для этого документы.

А ведь как обычно на заводах решаются эти вопросы: один начальник отдела должен потратить немало времени, чтобы застать в кабинете второго начальника для получения лишь одной его дежурной подписи, а этот второй - ищет уже третьего начальника. Одним словом, все ищут друг друга, а вопросы оперативные и отлагательства не терпят. А сколько при этом тратится времени, сил, нервов и как при этом портятся отношения у коллег - эти убытки никто не считает. А вот активисты протестного движения с ЛМЗ тогда поняли, что время и отношения - это ценности, которые надо беречь и в итоге придумали такую красивую организационную форму - «муравейник».

Надо подчеркнуть и то, что в любом случае организационный **бюрократизм** в деятельности органов протестного движения, **был**, как

правило, **сведен к минимуму**, а иногда его и вовсе не было. Так, например, лидер Городской конфедерации профсоюзов Анжеро-Судженска, входящий в профсоюз «Защита» рассказал мне, как они отказались от привычного принципа любой профсоюзной организации считать членами своего профсоюза только тех, кто платит членские взносы.

Вообще надо особо отметить, что практика Городской конфедерации профсоюза г. Анжеро-Судженска во многом осуществила подлинно революционные изменения социальной природы профсоюза. Это особенно видно потому, как эта организация качественно изменила организационные основы своей деятельности. На мой взгляд, на сегодняшний момент она реально превратилась в общественную организацию профессиональных борцов за интересы рабочих. Кстати, справедливости ради, надо сказать, что помогают они не только рабочим, интеллигенции, но и пенсионерам, т.е. фактически всем трудящимся, независимо от того какой социальной группе они принадлежат. Но об этом несколько подробнее можно прочесть в разделе данной книги, посвященной лидерам протестного и рабочего движения.

А вот другой пример из практики «организационной революции» протестного и рабочего движения. Во Владивостоке на «Дальэнерго» я познакомилась с интересным опытом деятельности КТС - комиссии, которая реально добилась выплаты своим рабочим зарплаты, которую им не выдавали несколько месяцев. Об этом чуть ниже будет сказано отдельно, Мне же хочется в данном случае показать некоторые фрагменты организационной стороны деятельности этой Комиссии. Во-первых, она была создана на вполне демократической основе: в нее входили и имевшие опыт профсоюзные работники, и новички в этом деле, и рядовые работники и даже руководители крупных подразделений. Так вот, председатель этой комиссии, которая реально и создала эту структуру, добилась того, чтобы на всех ее заседаниях, когда решаются те или иные вопросы, каждый член этой комиссии во-первых,

публично и конкретно высказывал свое мнение. Воздерживаться при голосовании по конкретному вопросу - просто запрещено.

«Я всегда добиваюсь, чтобы все в комиссии высказывали свою личную позицию по обсуждаемым вопросам - сказал она мне. - А то ведь бывает и так, что иной раз кто-то, боясь, что его мнение дойдет до начальства, начинает воздерживаться. Я этого не понимаю и не принимаю. Мне воздержавшихся не надо. Поэтому я требую, чтобы каждый выражал свою позицию, но только с аргументацией. Кроме того, для нас решенным вопрос считается не тогда, когда мы все подняли руки, проголосовали, записали в протокол и все - на этом дело закончилось. **Вопрос у нас считается решенным только тогда, когда принятое нами решение приведено в исполнение** - вот что поведала мне председатель КТС «ТЭЦ-2».

Ну, и чем это не урок нашей власти? Чем не альтернатива нашему бюрократизму? Но говоря в целом о протестном движении, его лидеры выразились четко: « Задача рабочего движения - создание профсоюзов» (ЯМЗ).

4.2. Рабочий контроль в криминальной России: неужели возможен?

Для наших властей «демократия» - это фиговый листок, прикрывающий реально существующий в нашей стране полу-авторитарный режим, который, по сути осуществляет диктатуру частного интереса новых русских и коррумпированной бюрократии. Эта позиция автора в основном совпадает и с мнением бывшего председателя профкома ВЦБК: «У нас бандитствующая чиновничья бюрократия, которая бьется за это свое государство, но она даже помыслить не может, что государство – это не они. Бюрократы убеждены, что они есть что-то незыблемое. А народ? Так для них лучше, если бы его вообще не было. Им не нужна демократия. Сегодня в стране ситуация войны со своими

героями, перебежчиками, предателями. Мы сегодня пожинаем плоды расстрела демократии в октябре 1993 года».

И действительно то, как власти расправились с ВЦБК - это тоже результат кровавого Октября 1993 года».

Принципиально иное отношение к принципам демократии можно наблюдать у активистов протестного движения. Для них «**демократия, народовластие**» - это не просто красивые и идеологически конъюнктурные слова, как это часто бывает для нашей интеллигенции, **для активистов протестного движения это универсальный принцип их деятельности:** и организационный, и политический, и даже моральный. **«Не отрываться от коллектива!»** – таково **кредо** многих **рабочих лидеров**. «На себя нет ставки. Одна я ничто. Ставка - только на коллектив» (ВЦБК). И это говорят не «совки», а люди, каждый из которых - Личность с большой буквы, люди, делом доказавшие свою способность отстаивать общие интересы - свои и своих товарищей.

Изучение и анализ практики протестного движения в современной России показал, что иногда одним только желанием и волей отдельных активистов можно добиться некоторых успехов, но вот одержать победу можно только благодаря демократическим формам и механизмам самоорганизации. И поражения на некоторых протестных предприятиях в полной мере продемонстрировали всю драматичность таких ситуаций.

Но немало и положительных примеров и вот один из них. Рабочие машиностроительного завода г. Ясногорска не получали заработную плату в течение нескольких месяцев, хотя они продолжали работать в своих цехах, и машины с произведенной ими продукцией регулярно выезжали с заводской территории. Причем, это предприятие градообразующее, т.е. основное в этом маленьком провинциальном городке и потому уходить реально некуда - другой работы почти не найти. Зная это, нетрудно догадаться в каком состоянии находились рабочие этого завода, их отчаяние и подавленность. Не понимая в

чем дело и не получив ответа от руководства завода, однажды они все-таки решили самостоятельно разобраться в причинах происходящего. Не посвящая администрацию завода в свои планы, однажды ночью рабочие, перекрыв все заводские ворота, остановили уже готовые к нелегальной отправке вагоны с заводской продукцией. Проверив адреса и накладные документы, они увидели, что перед ними фальшивые бумаги. Решение рабочих было одно - разгрузить. Их решение было выполнено. И когда были задержаны нарушители, то милиция была удивлена, что сами рабочие задержали и потребовали судебного расследования. Так рабочие выступили против разворовывания завода... его же хозяевами! И более того, потребовали от них узаконения созданной ими группы рабочего контроля. Так **рабочими ЯМЗ была создана Группа рабочего контроля за отгрузкой продукции**. И действительно, вскоре после этого события администрация завода подписала приказ об утверждении такой рабочей комиссии, причем даже «задним числом» (22 февраля вместо 17 апреля), т.е. начиная с того самого дня, когда она реально начала свою работу. «Без нашей подписи ничего выйдет. Я всякий раз иду в бухгалтерию в финансовый отдел и проверяю документы по отгрузке», - сказал мне один из членов этой комиссии.

Конечно, были и неудачи: как-то раз обнаруженные две машины, прорвавшись через запасные ворота, все-таки ушли и, рабочие, побежав за ними, так и не успели их догнать. Другой случай, когда рабочие поехали по указанному в накладных документах адресу, а такого адресата просто не оказалось. Или когда в качестве расплаты за двигатели, которые делают рабочие, на завод пришла машина. «И ... - и с чем бы вы думали? – спросил меня один из главных участников событий. И сам же ответил: «С метелками. Да, с теми самыми, которыми подметают дворы». И все эти факты вскрывались и предавались огласке, естественно не администрацией, а вот этой самой комиссией по отгрузке продукции.

Демократичность деятельности этой комиссии определялась не только тем, какие задачи она решала, но и тем, как она действовала достигая поставленные цели. Т.е. принцип демократичности определял не только сущность протестного движения, но и его формы. И рабочая комиссия ЯМЗ показала это в полной мере: во-первых, ее активисты ввели **принцип добровольной ответственности** при выборе тех или иных обязанностей. Во-вторых, **отказ от принципа организационной «вертикали»**, т.е. члены комиссии решили вообще упразднить место председателя комиссии, строя свои отношения только на основе принципа «горизонтальной координации». В-третьих, рабочие активисты сами предложили идею введения обязательного рабочего контроля за деятельностью руководителей всех уровней, в том числе, и себя. В-четвертых, они выступили с такой идеей, чтобы трудовой коллектив сам заключал контракт со всеми управленцами. Причем, введение этой контрактной системы они решили начать с самих себя. «Мы хотели перевести всех начальников на контрактную основу, но мы должны были пойти на это первыми. Вообще-то, должен быть выбор начальников цехов рабочими. Важен рабочий контроль за управлением», - вот что подчеркнул один из членов этой комиссии.

Еще один пример: из практики Дальэнерго. Работники предприятия не получая заработной платы в течение нескольких месяцев и потеряв надежду на свою администрацию, решили самостоятельно разобраться с этой проблемой. Их профактивисты тогда создали КТС - комиссию по трудовым спорам. «После этого мы решили, что пусть все, кто не получает зарплату (а это почти весь коллектив), подают заявления в суд, ведь этот вопрос в правовом отношении является заведомо выигрышным».

В результате этого суд оказался завален огромным ворохом этих заявлений, заставляя судебных чиновников разгребать их с утра до ночи. Видя как число подаваемых к ним заявлений от рабочих «Дальэнерго» растет день от дня, судебные работники, пытаясь хоть как-то спастись от неожиданно

свалившегося огромного объема работы, приняли решение, благодаря которому любое заключение, решение КТС по этому вопросу обретает право судебного решения. И более того, если это решение не выполняется, то представители КТС с полным правом могут вызывать себе в помощь судебных приставов. Надо сказать, что в итоге КТС сумела добиться выплаты зарплаты всем своим работникам. И далее, как рассказала мне председатель этой комиссии: «Мы создали скользящий график по выплате зарплаты, чтобы была справедливость и порционная выдача зарплаты. Премии мы тоже выдавали через КТС. Так что мы начали с КТС и сумели ее использовать как правовой инструмент для решения проблем по выплате зарплаты. Т.е. мы сумели даже это законодательство заставить работать на себя - на наш коллектив. Но на 80 % КТС - это заслуга инициаторов (и в первую очередь ее председателя - автор) и этот механизм мы сумели задействовать».

Кроме этой проблемы данная комиссия решала и многие другие конфликтные вопросы, а их было много, ибо работники, видя, что данный орган умеет практически и конструктивно решать самые трудные проблемы, начали активно обращаться к нему за помощью. Просьбы о помощи в КТС поступали иногда даже от директоров филиалов «Дальэнерго». Практика данной Комиссии по трудовым спорам со всей очевидностью, показывает, как на основе инициативы, самоорганизации и демократичности можно заставить работать даже российское государство и не в центре России, а на «краю света» - во Владивостоке, а, как известно: если уж в Москве произвол властей высок, то чем дальше от нее, тем он еще выше.

А вот еще один пример из профсоюзной практики г. Владивостока, но уже другого предприятия - «Дальзавода». Профсоюзные активисты одного из его цехов (№ 36), где также месяцами рабочим не выдавалась заработная плата, начали с того, что сначала добыли, а потом и проанализировали всю информацию по поводу того, как начисляется рабочим заработная плата. После этого активисты предали публичной огласке всю «кухню» начисления

заработной платы рабочим. Этот шаг помог им вдохновить рабочих на дальнейшую самоорганизацию для решения проблемы с выплатой заработной платы.

Говоря о механизме рабочего контроля, надо не забывать, что наладить его удавалось лишь там, где деятельность рабочих была «посажена» на прочно-демократическую организационную основу. Это не значит, что демократичность - гарант успеха рабочих, но отсутствие ее - гарант их поражения.

Практика протестного движения привела его активистов и к пониманию того, что очень важным в их деле является вопрос правовой обеспеченности их борьбы. Вот почему они теперь уделяют серьезное внимание вопросу подписания коллективного договора между администрацией и профсоюзом. Раньше все к этому относились лишь формально, теперь же важным становится все: и содержание всех его пунктов, и то, как они будут записаны. Таково, в частности, мнение на этот счет и профсоюзного лидера с достаточно сильной позицией на своем комбинате (АХК): «Мы каждый год заключаем колдоговор. Нам важно внести туда все изменения, которые нам помогают. Так обычно делают те, для кого это реально действующий документ».

II. 5. Портрет протестного движения: его черты

5.1. Открытость и ответственность

У сегодняшней российской власти, представителей СМИ и «элитарной» интеллигенции при всех существующих между ними различиях, есть одно общее чувство - это нелюбовь к социально активным рабочим. Они даже готовы иногда за рюмкой водки поговорить о русском мужике-крестьянине, но только не о рабочих. Впрочем, это и понятно: они боятся рабочих, подсознательно чувствуя в них потенциальную и непонятную им силу. «Разбойники, бунтующие люмпены» - так, а иногда и еще более агрессивно называли рабочих активистов в средствах массовой информации. Вот

почему мне было важно честно для самой себя разобраться в «социальной опасности и безнравственности протестного движения».

Бывая в разных городах и на разных заводах, я увидела, что практика протестного движения несет в себе прямо противоположное всей той злобной от страха клевете, которая раздается вслед рабочим и профсоюзным активистам. Попробую это обосновать по порядку. Во-первых, когда трудовые коллективы в процессе борьбы добивались хотя бы частичной власти на своих предприятиях, они пытались разобраться **насколько разрушительными стали** не только для них лично, но и для их предприятия в целом **последствия приватизации**, как правило, проведенной самым незаконным образом. И это понятно, ибо именно криминально проведенная приватизация, став опорной точкой последующего наступления «новых хозяев жизни» на интересы рабочих, породила те конфликты, которые «разбудили» трудовые коллективы ВЦБК, ЛМЗ, ЩКХ, ТМЗ, КЦП, ЯМЗ и многих других.

Во-вторых, рабочие активисты всегда первыми **выступали с инициативой публичного расследования**, а не замалчивания **конфликтов**, которые происходили на их предприятиях. Рабочие всегда требовали от властей гласности в освещении заводских событий, не боясь этого. Но разве дождешься от властей правды? Требование быть открытыми рабочие выдвигали не только по отношению к властям, но и по отношению к себе. «Пишите про нас, что есть - наше мнение такое», - так говорили нам лидеры с ЧР. Поэтому рабочие сами подавали им пример. Публичного судебного расследования требовали и работницы «Голубой Оки», и ВЦБК, и ЯМЗ, и «Черниговца» - практически всех протестных предприятий, уверенных в своей правоте, не боящихся (более того - требующих!) гласного, открытого расследования.

Так, рабочие ЩКХ даже в ситуации обороны, организованной ими после попыток вооруженного захвата комбината, сумели демократическим образом решить эту проблему: они поставили на крыльце комбината

телевизор, развернутый экраном к улице, и всем проходящим к ним на помощь, а также проходящим мимо показывали видеозапись только что прошедших событий (захвата), причем без всякого редактирования.

Принцип открытости как политическое кредо рабочих соблюдался на всех протестных предприятиях без исключения. И после этого наши СМИ называют их «бандитами»! Хороши «бандиты», которые, рискуя своим рабочим местом, а порою и собственной жизнью, требуют прозрачности как одного из главных принципов экономической, социальной и информационной политики на предприятиях!

Может ли кто-нибудь сегодня из числа предпринимателей, администрации предприятий или чиновников похвастать подобным? Хороша «демократия» новых хозяев, для которых гласность является только оружием компромата своих экономических и политических конкурентов. Вот она - превращенность форм сегодняшних реформ.

Требование открытости рабочие выдвигали не только по отношению к экономической и социальной политике заводских властей, но и по отношению к самим себе. Например, на ЯМЗ профсоюз **выдвинул идею введения рейтинговой оценки представителей** как администрации завода, так и **управленческого эшелона**. Рабочие лидеры предложили ввести на заводе систему общественной оценки руководителей всех подразделений. Причем начать вводить эту систему рабочие лидеры предложили в первую очередь с самих себя. Для них это было очень непростое решение: в этот период они как представители «Группы рабочего контроля за отгрузкой продукции» еще только «вставали на ноги» и не заявили о себе настолько, чтобы быть на 100% уверенными, что после такого рейтинга, причем персонального, они все в прежнем составе останутся на своих местах. Но администрация на это не пошла - побоялась. В любом случае **рабочие лидеры ЯМЗ тогда показали, что для них власть и авторитет - не самоцель, а инструмент защиты интересов коллектива.**

Другой пример. На, упомянутом выше, **ЩКХ профсоюз** в своей газете опубликовал весь **финансовый баланс предприятия за год**. А профсоюзный актив энергетического цеха ДЗ вскрыл и затем придал огласке всю финансовую кухню начисления зарплаты на предприятии, тем самым, обострив и без того существующий у него конфликт с администрацией.

Итак, в рамках протестного движения рабочие показали властям и всему обществу, что, во-первых, реальная, практическая **демократия может рождаться только снизу** (как ей и полагается), из подлинно общественных интересов. Во-вторых, демократия возможна не только как политический, но и **как этический принцип**. И, в-третьих, она является эффективной формой самоорганизации, которая ведет к росту порядка, дисциплины, ответственности.

Что касается ответственности рабочих, то она в первую очередь проявлялась (на предприятиях, где коллективы хотя бы частично получили власть) в их отношении к своему общественному богатству, прежде всего - производственным фондам. Вот почему, **рабочие** протестных предприятия в первую очередь **формировали** рабочие **дружины**, которые проводили постоянные рейды **по охране заводского оборудования**: станков, запчастей и т.п.. Эти дружины охраняли оборудование от разворовывания, совершаемое как представителями администрации, так и некоторыми рабочими, которые хронически не получая зарплаты иной раз вынуждены были таким способом хоть как-то добывать средства на пропитание семьи.

Такие комиссии по дежурству и охране оборудования, запчастей создавались практически на всех протестных предприятиях (ЯМЗ, ДЗ, ТМЗ, ЛМЗ, ВЦБК, КМК, ЩКХ и др.). Одним из ярких примеров здесь может служить опыт ЯМЗ, где, как мы уже отмечали, рабочими была создана специальный орган – Группа рабочего контроля за отгрузкой продукции, без подписи которой нельзя было вывозить что-либо с предприятия. В этом в

полной мере проявилась не только профессиональная, но и **общественная ответственность рабочих за свое производство.**

Да, именно «свое», ибо, попадая под немилость властей и завода, и города, и области, равно как и их охраны, рабочие, тем не менее, защищали в первую очередь даже не столько себя, сколько свое (а значит и всего общества) производство. Значение этих фактов переоценить трудно. И как же это контрастируют с позицией нынешних «ново-русских» хозяев, которые в массовых масштабах разворовывают страну и разрушают производство на своих же предприятиях (вот они парадоксы российского воровского капитализма), а охраняют только самих себя, нанимая банды с ног до головы обвешанных оружием телохранителей! И это не эмоции и не преувеличение. Именно так проявили себя «хозяева» ЯМЗ, ЛМЗ, ВЦБК - примеров не счесть. И это в то время, когда рабочие по своей инициативе создали - как, например, на ЩКХ, - специальный фонд для поддержки своего производства.

Говоря об ответственности трудовых коллективов нельзя не сказать и о том, что почти все **протестные предприятия не отказались** в таких тяжелых условиях **и от «социалки»**. Только Воронежский «Промтекстиль» содержит 3 общежития, 18 жилых домов, а ВЦБК до захвата согревал своим теплом поселок Советский, обеспечивал рабочих дешевой парикмахерской, бесплатными обедами, пенсионеров - дополнительной помощью, детей рабочих - путевками на базу отдыха. Кроме того, большинство протестных предприятий находят средства содержать ПТУ, оплачивать обучение своих работников в соответствующих вузах и техникумах. Другое дело, что потом таких специалистов переманивают к себе уже коммерческие структуры.

Ответственность рабочих проявилась и в отношении еще одного очень важного момента - заводских долгов. **Рабочие**, имея многомесячные задолженности по зарплате, тем не менее, в первую очередь **ставили** перед собой **проблему - как расплатиться с внешними кредиторами.** «Из продукции завода мы прежде всего выплачивали его долги», - с гордостью

сказала заместитель председателя профкома ЯМЗ. И даже когда рабочие начали получать свою зарплату, тем не менее, их озабоченность по поводу долгов не исчезла. «Зарплату выплачивают, но если мы каждый месяц «в лужу садимся», т.е. налоги завод не платит, да еще и кредиты растут, а ведь они должны были уменьшаться - значит, дело не в порядке. Как же мы будем долги отдавать?» - вот как высказался на этот счет один из лидеров ЯМЗ.

Хоть один из новых «хозяев» этих заводов поступил подобным образом, пытаясь возратить долги рабочим или кредиторам из своего кармана? Правда, мне могут возразить: «Да кто же это сделает?» А вот рабочие с протестных заводов сделали. И тут вспомнилось, с какой гордостью профактивисты с ЦКХ говорили, что они ничего никому не должны и полностью обходятся своими средствами.

А вот еще один пример того, насколько рабочие ответственны, когда они становятся субъектом социальной политики на своем предприятии. И здесь речь идет о том, как **рабочие вступали в борьбу за сохранение производственного профиля своих предприятий**, как это было, например, на ВЦБК. Это предприятие до захвата в 1999 году выпускало дешевую и высококачественную продукцию конкурентную не только на внутреннем, но и внешнем рынке. Высокое качество продукции было возможным потому, что комбинат еще в поздне-советские годы приобрел дорогостоящее импортное оборудование, что и позволило обеспечить мировой технологический уровень производства. Так вот во время захвата комбината в 1999 году рабочими была создана дружина по охране его оборудования и, в том числе, той основной машины (стоимость ее чрезвычайно высока - их всего в мире четыре), которая как раз и определяла высокое качество продукции.

Попытки вооруженного захвата ВЦБК в октябре 1999 года новыми хозяевами поставили под угрозу сохранение этой машины, более того, под угрозой оказался и производственный профиль самого предприятия. И не безосновательно: разве те, кто заинтересован в работе комбината, мог бы

устраивать вандализм, который был учинен новым собственником той памятной страшной ночью? И если бы рабочие не оказали сопротивление вооруженному спецподразделению, кто знает, что стало бы с комбинатом и его оборудованием? Трудно было поверить в добрые намерения новых хозяев, которые с комбинатом могли сделать все, что угодно - например, вывести из строя эту главную бумагоделательную машину, а это значит, сломать производственный «хребет» основному производству. Читатель видимо с недоумением спросит - а зачем собственнику разрушать то, что он собирается купить? Это ведь абсурд. Да, это абсурд, но только не для «новых русских», которые этими предварительными разрушениями пытаются понизить покупательную стоимость предприятия, чтобы уже потом делать не бумагу, а например, «гнать» на нем из целлюлозы водку, что позволяет получать прибыль «здесь и сейчас».

Правда такой собственник мог действовать и по-другому: например, захватив или купив комбинат, потом продать эту машину, стоимость которой в несколько раз превышает стоимость всего комбината. А то, что при этом наша страна потеряла бы лучшее предприятие, перспективное в условиях мировой конкуренции, равно как и лучших отечественных специалистов - так разве эти проблемы предусмотрены той идеологией, которая господствует в нашей отечественной экономике сегодня?

А вот еще один пример, показывающий как рабочие протестных предприятий в первую очередь пытаются защитить свое предприятие: его производство, оборудование, профиль. В Питере на Ленинградском металлическом заводе (ЛМЗ - это название завода, и оно не изменилось в связи с изменением названия города, т.к. является не только традицией завода, но еще и его рыночной маркой, известной на мировом рынке) прежние власти по заявке новых собственников пытались выдрать производственные станки из бетонного фундамента только для того, чтобы сбить рыночную цену завода на спекулятивных торгах. А **рабочие ЛМЗ сумели**, не смотря ни на что,

во-первых, оказать сопротивление этому, создав для этого специальные дружины, а, во-вторых, **восстановить почти полностью разрушенное** этими варварскими действиями **литейное производство**.

Да, когда-то в прошлом английские луддиты уничтожали производственные машины, но тогда это было своеобразной формой самообороны рабочих против возрастающей их эксплуатации. В современной капиталистической России разрушение оборудования перспективных предприятий производится «руками» уже не рабочих и не люмпенов, а новыми собственниками, которые в первую очередь не «на словах», а уже практически осуществляют пагубную диктатуру частного интереса. Так что, **луддиты-капиталисты – это еще одно порождение криминальной экономики России**. Зато рабочие протестных предприятий преподнесли российским реформаторам экономический и нравственный урок социальной ответственности за свои предприятия : из производство и перспективу.

И несколько слов об отношении рабочих к своей печати. Не все протестные предприятия имеют свои газеты, но там где они есть (ЛМЗ, ЩКХ, КМК, ТМЗ, ЧР и т.д.) - значение их переоценить трудно. Например, активу ЩКХ удалось в своей газете «Мукомол» опубликовать полностью годовой бюджет предприятия, показав тем самым, что хотя бы в такой форме принцип «прозрачной экономики» необходим и возможен. Но это возможно только в тех заводских газетах, которые находятся полностью под контролем «не карманных», а рабочих профсоюзов. Иная ситуация на тех предприятиях, на которых газеты принадлежат заводской администрации: в этом случае поступающие в редакцию статьи либо цензируются, либо редактора этих газет - ставленники администрации.

Были и другие случаи. Так, например, на ТМЗ, когда профком, первоначально предложив в учредители газеты заводскую администрацию, потом был вынужден, причем, по собственной воле согласовывать с ней все материалы. Так профком потерял свою независимость на страницах заводской

газеты, о чем сегодня сильно сожалеет. И из этого следует извлечь соответствующие уроки.

Но когда на протестных предприятиях политическая ситуация обострялась, рабочие, как правило, пытались создать свою газету, причем иногда даже не столько как орган информации, сколько как средство **самоорганизации трудового коллектива**. Это подтверждают и слова одного из профлидеров ЧР: «Когда стало плохо, стали создавать свою газету. Зарегистрировали ее и стали продавать через киоски, а распространять помогали пенсионеры». На других предприятиях, как это было, например, во Владивостоке на «Дальзаводе», где не было возможности создать свою газету, рабочие активисты выпускали с помощью компьютера свои информационные листки. Но если говорить о компьютерах, то почти на всех протестных предприятиях этот вопрос – серьезная проблема: большая часть активистов его просто не имеют и соответственно не умеют им пользоваться. **Необеспеченность российского протестного движения современными информационными технологиями неизбежно влечет за собой и его политический проигрыш.**

5.2. Солидарность рабочих - впервые за много десятилетий

Разговаривая с представителями многих протестных трудовых коллективов - от Питера до Краснодара, от Выборга до Кузбасса и Владивостока, - мы всегда выясняли, какие ценности для них в этих тяжелых условиях является наиболее важными. Не смотря на то, что мои собеседники как личности все различались друг от друга, тем не менее, их ответы на этот вопрос особым разнообразием не отличались, а зачастую даже формулировки их были одинаковыми. Этими **приоритетными ценностями**, причем не для **рабочих** вообще, а только для активистов протестного движения - тех, кто

прошел через забастовки, голодовки, пикеты, избиения, аресты, **оказались** следующие - **справедливость и солидарность**.

Сегодня в России, когда, с одной стороны, продолжается (хотя власти говорят - «стабилизируется») тяжелый экономический кризис, а, с другой - **продолжается процесс массового омещанивания** почти всех слоев общества (от олигархов до художников, от студентов и профессоров до рабочих) - такие ответы кому-то могут показаться пафосной риторикой, но только не на протестных предприятиях, где многие своими поступками сделали личный выбор в пользу таких ценностей, как «солидарность» и «справедливость».

И примеров этому немало. Когда на ВЦБК произошел захват, и трудовой коллектив держал оборону на своем предприятии, то рабочие ЩКХ отправили (как пишут в письмах, «с далекого Урала») в поддержку рабочих комбината, причем из своих средств, целую цистерну с мукой. Но «благодаря» властям, в том числе Ленинградской области, организовавшим железнодорожную блокаду рабочим ВЦБК, этот вагон с мукой, как и многое другое, просто не дошел. Кстати, по этой же причине до рабочих ВЦБК также не дошел и столь необходимый им тогда для производства мазут.

Да, вот такие крутые повороты нашей истории: когда-то блокаду Ленинграда устроили немецкие фашисты, а сегодня ее устраивают не враги – захватчики, а сами власти Ленинградской области в союзе с «новыми русскими», стремящихся сломать последние работающие отечественные предприятия. А ведь может быть, эти негодяи являются детьми и внуками тех героических солдат, кто в 1943 году по «дороге смерти» в Ленинград вез машины, чтобы не дать умереть блокадникам. И спустя полвека по распоряжению уже «ново-русских хозяев», ночью 14 октября 1999 года в поселок Советский на «растерзанный» комбинат шли другие машины - машины с войсками для... усмирения рабочих, которых до этого выстрелами и дубинками «усмирял» отряд «Тайфун» - подразделение, специализирующееся на подавлении бунтов в тюрьмах. Встретившись той ночью с этой колонной, у

меня не оставалось сомнений - идет война. И как сказал председатель профкома ВЦБК В.Кирыков: война «со своими героями и предателями».

Да, вот такими словами - «вооруженный захват», «подавление», «заложники», «раненые» - приходится оперировать автору, размышляя о самоуправлении и рабочем контроле в «демократической» России, как будто речь идет о нападении фашистов на партизанский отряд. А на самом-то деле это... будни наших «демократических» реформ. Надо сказать, что события на ВЦБК не случайно вызвали по всей стране и не только со стороны протестных предприятий, целую волну солидарности. Письмами и телеграммами от трудовых коллективов из других городов, партий, общественных организаций, в том числе, из-за рубежа, в поддержку работников комбината была обклеена вся стена в холле на первом этаже - это я видела сама.

Но кроме слов были и действия. Так, на ЛМЗ и КЦП по инициативе рабочих и профсоюзных активистов в помощь коллективу ВЦБК были организованы дружины, которые из Питера отправились в поселок Советский, где находится это предприятие для оказания помощи и в охране оборудования, и в поддержании порядка в столь экстремальной ситуации. Кроме того, коллектив ЛМЗ выделил для детей ВЦБК путевки. Эти акции солидарности, которые возникли как нравственный и эмоциональный порыв людей, потом имели и документальное закрепление. Это значит, что между профсоюзами ЛМЗ, ВЦБК и КЦП было подписано соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи, которое позволяло его представителям чувствовать себя более уверенно и в отношениях со своей администрацией, и со своими профсоюзными верхами, и даже со своими коллективами.

Более того, в поселке Советском, уже в ноябре 1999 года, спустя всего полтора месяца после захвата ВЦБК, прошла всероссийская конференция лидеров протестного движения в поддержку его коллектива. Кстати, движение «Альтернативы» не только проявило солидарность с защитниками комбината, но и инициировало проведение этой конференции, выступив одним из ее со-

организаторов. Проведенная на ВЦБК конференция в свою очередь вызвала целую серию встреч и конференций солидарности и на других протестных предприятиях по всей стране (ЛМЗ, КЦП, ЩКХ, ТМЗ и т.д.). «Если кому-то плохо, надо поддержать, хотя бы морально. Нельзя молчать», - так ответила мне профактивистка (ЩКХ).

В поддержку рабочих уже другого предприятия - КМК проходил и съезд трудовых коллективов Кузбасса в 1999 г. Немало примеров взаимной поддержки можно привести и в связи с протестными событиями на других предприятиях: акции солидарности в поддержку ТМЗ проводились рабочими активистами и Калуги, и Ростова-на Дону, и Переяславля.

Еще несколько примеров. Когда в 1998 году были арестованы лидеры ЯМЗ, то трудовой коллектив завода некоторое время даже не работал - требовал освобождения рабочих активистов. Можно вспомнить еще один пример: когда вооруженные представители «новых хозяев» начали среди «бела дня» ломать крышу швейной фабрики «Заря» (г.Рязань), чтобы парализовать ее работу, то работницы, пытаясь защититься, схватили брандспойты и водой начали отбивать атаку омонцовцев. Проезжающие мимо автобусы останавливались. Часть пассажиров бежала на помощь к работницам, а другая, образуя цепь из сомкнутых рук, перекрывала проезжую часть, чтобы подкрепить число защитников фабрики. Свою практическую солидарность с защитницами фабрики проявили и рабочие других предприятий, в том числе, Станкозавода, а также горожане, которые приносили работницам, отбивающих атаки омонцовцев продукты и деньги.

А вот пример экономической солидарности: на ВЦБК в условиях безденежья коллективом было принято решение поделить весь скудный на тот период фонд заработной платы поровну, т.е. каждому от уборщицы до директора досталось по 100 рублей. «Да, у нас в это время была система военного коммунизма, но это была объективная необходимость» - рассказал мне пожилой рабочий комбината. Посильную помощь Комбинату старались

оказать и представители демократической левой интеллигенции Москвы. Так, движение «Альтернативы» помогло организовать ряд пресс-конференций, встреч лидеров профкома ВЦБК с общественностью, сбор денежных средств для профкома Комбината и т.д.

5.3. Протестные «низы» и профсоюзные «верхи»: конфликт назревает

Побывав на предприятиях, нельзя не заметить, что отношение рабочих протестных предприятий к профсоюзам сегодня более живое и более определенное, чем к партиям. И действительно, насколько для большинства рабочих (и не только для них), начиная с их массового выхода из КПСС и по сегодняшний день, авторитет партии вообще как некоторого политического института сильно понижался, настолько в последние годы возрастала актуальность профсоюза. Причем, наибольшую значимость для рабочего представляет его родной заводской профсоюз, даже если у него с ним отношения конфликтные, а вот кого представляет этот профсоюз (ФНПР, «Соцпроф», «Защита» или др.) - это для него вопрос уже второй или третий. Были случаи и не раз, когда оказывалось, что активисты порою даже не знают, к кому относится его заводской профсоюз. И это понятно, ибо по реальным делам, а не по названию составляют они мнение о своем заводском профсоюзе и его активистах.

«Во время столкновений росло число вступающих в профком», - так нам об этом говорили профлидеры ЩКХ, ВЦБК, ЛМЗ, КЦП и других предприятий. Так, например, на начало конфликта профсоюзная организация ВЦБК насчитывала всего лишь 10-15% от числа своих работников, то уже на период его захвата - 99%.

Насколько номинально существовал профсоюз в советские времена, настолько он ожил сегодня. И не просто ожил: реальная профсоюзная жизнь как скальпель вскрывает противоречия сегодняшней реальности наиболее

полно. И вот одно из них, показывающее то, чего не было никогда прежде. После захвата ВЦБК рабочие одного предприятия, являясь членами хотя и оппозиционного (по отношению к своей заводской администрации), но официального профсоюза (автор, к сожалению, не имеет право его называть), тем не менее, скрывают этот факт от заводских властей. Рабочие этого профсоюза платят туда членские взносы, имеют соответствующие профсоюзные документы, но при этом стараются хранить в тайне свое членство из-за страха возможных административных репрессий. Т.е. профсоюз существует официально, а членство в нем - подпольное. **Подпольное профсоюзное членство** - это уже новое измерение «демократичности» современного российского капитализма.

Протестное движение в ходе своего развития начало проявлять противоречия не только внешние, но и внутренние, в том числе, и самих профсоюзов. И одна, наиболее болезненная из них - это отношение низовых (заводских) организаций с «верхами» своего профсоюза. Сегодня очевидна двойственная политика большинства профсоюзных «верхов» (на словах - за работников, а на деле - за властей), к тому же густо приправленная бюрократизмом. Все это вызывает к себе и соответствующее отношение со стороны профсоюзных активистов. Вот что говорят, в частности, о своих «верхах» настоящие, а не номенклатурные профлидеры:

- «Если они (ФНПР) заняли такую про-правительственную позицию, то они нам просто не нужны;

- «Какое там помогать! Они (ФНПР) хотя бы нам не мешали»

- «Ведь фактически они сидят на нашей шее - толку от них никакого».

- «Посмотрите, что кругом творится, заводы стоят, а они (руководство ФНПР - автор) на 1 мая проводят в Москве демонстрации под лозунгами того, что у нас социально-ориентированная экономика. Мы хотели у нас в городе на наш митинг протеста собрать побольше людей, а они нам дали разнарядку,

чтобы их было в несколько раз меньше. Я просто не понимаю, что творится». (Ярославль);

- «Я приехал в «Соцпроф» в 9 часов утра, прождал два часа, думал, ну, хоть кто-нибудь здесь наконец-то появится. Но их так и не было. Это ведь абсурд. Мы находим более идейных людей, которые и хотят, и способны что-либо сделать на предприятии и при этом бесплатно».

Кстати, побывав во Владивостоке, я столкнулась с одним феноменом, которого никогда прежде до этого не встречала. Но лучше по порядку. После того, как я побывала на «Дальзаводе», а потом познакомилась с его профсоюзным лидером Алексеем Кузнецовым и его историей (об этом написано чуть выше) я решила отправиться в краевой профсоюз Приморья, чтобы узнать, есть ли в нем те люди, которые могут хоть чем-то помочь ему, а заодно понять каковы взаимоотношения этой профсоюзной структуры с низовыми профсоюзными организациями в городе и регионе. Я слабо надеялась на положительный ответ, но, тем не менее, решила все узнать.

Но случилось так, что в этот день в краевых профсоюзах начальства на месте не оказалось. Тогда я решила отправиться в любой отдел, в котором если и не дадут информацию, то, по крайней мере, подскажут к кому лучше обратиться. Но уже самый первый и общий вопрос к заведующему одного из отделов этой конторы вызвал у него не просто раздражение и недовольство, а откровенную настороженность тут же переходящую в нескрываемую злобу. Конечно, само обстоятельство, когда человек, которого ты видишь первый раз, не глядя тебе в глаза, но с агрессивностью сквозь зубы грубо отвечает тебе: «Ну, что вы сюда пришли, что вам здесь нужно?»- все это, конечно, мало приятно. Но удивило меня даже не это, а то с какой готовностью и откровенностью вырвалась из него все это. Я, к сожалению, не выдержала и откровенно спросила его: «А вы что боитесь? Какие же вы тогда профсоюзы, если вы даже не хотите даже говорить о проблемах рабочих, не говоря уже о помощи им?» Разговор накалялся. Я поняла, что если я пойду на поводу своего

гнева и дальше, то я вообще останусь ни с чем. Закрыв эту дверь, я поняла, что надо было прорываться в другие кабинеты. Но в каждом последующем кабинете, который я брала «с боем» я встречала только холодное недовольство и откровенное нежелание вести разговор. Везде со мной говорили только так.

Л.Б.- Вы не подскажите, кто у Вас занимается низовыми профсоюзными организациями в городе ?

Ответ - Не знаю, не могу сказать.

Л.Б. - А сами вы случайно не занимаетесь этими вопросами?

Ответ - Я? Нет.

Л.Б. - Простите, а какими вопросами занимаетесь тогда вы?

Ответ: - А что вам нужно?

Л.Б. - Хорошо, а вы не знаете, когда будет ваш начальник, который уж наверняка все знает?

Ответ - Нет, не знаю.

«Нет, не знаю» - это был универсальный ответ каждого чиновника на любой мой вопрос, о чем бы, я не спрашивала. И причиной этой бюрократической «универсальности» был видимо затаенный, но постоянно живущий в каждом из них страх перед начальством, в том числе, и страх быть просто замеченным в разговоре с незнакомым человеком без данной на это санкции начальства. Вот зашла я к нему в кабинет, наверняка, кто-то из сослуживцев это заметил, а потом они же и донесут об этом вернувшемуся начальнику. Потом этому несчастному зав. отделом надо доказывать и оправдываться, что он ничего мне не говорил. Может быть, я не права, но другого объяснения я не нахожу.

Да, бюрократы - неплохие «футболисты», умеющие отбивать от себя проблемы и вопросы, которые должны решать. Но среди них мало кто умеет поймать чужой мяч и тем более, забить его в чужие ворота. Наша «игра» в краевом профсоюзе закончилась со счетом 1: 5 в их пользу: из пяти кабинетов лишь в одном мне все же удалось (все-таки удалось!) побеседовать. Но во всех

случаях мне в первую очередь задавали один и тот же вопрос - а разговаривала ли я с начальством по поводу самой возможности разговора с ним конкретно, и что «Сам Он» сказал об этом?

Мои хождения по этим кругам профсоюзной бюрократии еще раз подтверждают, что сегодня почти у **всех профсоюзных «верхов» главный интерес** состоит в том, чтобы **использовать политический эффект от деятельности низовых организаций для воспроизводства (лучше расширенного) своего «кресла» (места) на вертикали власти.** Эти «верхи» в большинстве своем, похоже, заняты решением главной проблемы - воспроизводства своей власти, естественно, со всеми (от материальных до политических) притекающими к ним дивидендами. Из такого положения неизбежно вытекает и то, что эти **профсоюзные «верхи» чрезвычайно не заинтересованы в появлении «снизу» сильных, талантливых и политически самостоятельных лидеров.** Прошедшие личное испытание практическим делом, опасностями и проверкой на прочность в глазах собственных товарищей, эти протестные профсоюзные «низовые» лидеры» - сегодня настоящие политические конкуренты профсоюзным бюрократическим «верхам». Для этих профбоссов защита интересов каких-то там рабочих - это пусть рабочие сами и думают. Впрочем, это их мнение (что рабочие должны защищать себя сами) - пожалуй, единственное, с которым я спорить не буду. Рабочие должны сами – без всякого «начальства» - защищать свой интерес.

Все это в немалой степени относится и к отраслевым профсоюзам, ибо характерный для ФНПР, с одной стороны, принцип политической угодливости властям предрержащих, а, с другой – откровенного политического и материального паразитирования на профсоюзных «низах» - все это вместе в действительности лишь укрепляет власть профсоюзных бюрократов, неизбежно рождая своих шмаковых, исаевых, храмовых и т.д.. Только низовая демократия профсоюзных активистов может быть гарантом того, что профсоюзные силы не

заразятся бюрократизмом и не позволят использовать себя в политическом бизнесе «профсоюзных верхов».

«Руководство ФНПР Ленинградской области, равно как и обком профсоюзов лесной отрасли все эти пресс-конференции (по поводу захвата комбината - авт.) проводит не потому что они сочувствуют рабочим, а потому что вынуждены приспособиться уже к активности рабочих. Это проявление их откровенно приспособленческой тактики. Поэтому независимость профсоюзных верхов – относительная», - так оценил деятельность ФНПР один из профсоюзных активистов ВЦБК. А вот мнение профактивистов-энергетиков Приморья, которые боролись за выплату зарплаты своим рабочим: «Нас не поддержал краевой орган профсоюза» (ТЭЦ-2).

Далеко не на всех протестных предприятиях профсоюзы самостоятельны и в тоже время признаны администрацией, как этого удалось добиться на КЦП, ТМЗ, ЛМЗ, ЩКХ, ЯМЗ и АХК. Зачастую профкомы находятся в открытой оппозиции, как, например, сейчас на КМК. А на таких предприятиях-гигантах как ММК профсоюз - прямой придаток администрации: так было в «застойный период», такое положение сохраняется и сейчас.

Есть предприятия, где существует одновременно несколько разных профсоюзов, в том числе «желтых», создаваемых по инициативе заводских властей для подрыва авторитета оппозиционных профсоюзов, как это было и на ЯМЗ, и на ДЗ и многих других. Понятно, что сложные между ними отношения определяются общественной расстановкой тех экономических и политических сил, которые за ними стоят или им патронируют. «Областной профсоюз нас поддержал, а вот «Соцпроф» переметнулся в «Отечество»» - жаловались нам профактивисты.

А на ВЦБК, когда оборона трудового коллектива была сломлена и был создан другой - административный профсоюз, то уволенные прежние активисты во главе с А.Заикиной, представляющие профсоюз «Защита труда» в течение многих месяцев каждый день в 8.30 утра, когда люди шли на работу,

вставали у проходной и тут же, у крыльца и в дождь, и в снег, проводили свои заседания на виду у всех. И даже в таких условиях этот профком пытался как-то решать проблемы комбината, обладая зачастую и более достоверной и гораздо большим объемом информации о комбинате. «Бывало и так, - рассказала мне А.Заикина, - что вице-губернатор области, приезжая на комбинат, в первую очередь подходил к нам за информацией, а потом уже шел на комбинат. За информацией к нам постоянно подходили и сами рабочие. Так что наш профсоюз был более полноценным, чем официально избранный.

Иное отношение на протестных предприятиях к другому профсоюзу «Защита» (со-председатели: В.Гамов, И.Кузнецов, О.Шеин до 27.09.2002, а после IV съезда: В.Воробьев, В.Гамов, О.Шеин). Его «низовые» активисты - уже достаточно известные у себя не только на предприятиях, но и в регионах люди, как, например, активисты Анжеро-Судженска, Воркуты, Арзамаса -16 и Астрахани.. Конечно, для них сегодня актуальна проблема: насколько их поддержат свои же рабочие и насколько они заставят заводские власти политически считаться с собой. Низовые структуры «Защиты» на предприятиях, как правило, не многочисленны, но, зато они социально активнее официальных профсоюзов. Например, на том же «Московском подшипнике» все основные инициативы, связанные с организацией солидаризированных акций по отстаиванию анти-правительственного КЗОТа (которые, кстати, проходили не только в Москве и Питере, но и в других регионах), разъяснением существующей на заводе системы начисления зарплаты и многое другое шло от низового профсоюза «Защита» (председатель С.Сычев), а не от параллельного заводского профсоюза (ФНПР). Но даже этот молодой профсоюз «Защита» сегодня испытывает те внутренние трудности и противоречия, неразрешенность которых, например, у ФНПР породила идейный и организационный кризис, продолжающийся до сих пор. Сумеет ли «Защита» справиться с возникшими объективными противоречиями в немалой

степени будет влиять на сплоченность и перспективы рабочего движения в России.

Кстати, только на одном предприятии (на ТМЗ) мы услышали от его директора такие слова: «Мне не нужны ручные профсоюзы. Ни одну квартиру я сам не давал, все решалось коллегиально. Пока вам люди доверяют, вы мне нужны. Нам без профкома нельзя.»

Но завершить этот разговор о профсоюзах я хочу словами одного председателя профкома «Дальэнерго» (г.Владивосток), который предельно критично относясь к любой форме политизации профсоюза и уж, тем более, своего, сказал мне: «Да, Ленин прав, сказав, что профсоюзы - это школа коммунизма.» Правда, Игорь Кузнецов из «Сибирской конфедерации труда» считает по-другому: «Профсоюзы – это сегодня школа капитализма».

5.4. Партии versus рабочее движение

Разговаривая с рабочими лидерами, мне было важно разобраться и в их отношениях к существующим общественно-политическим институтам, прежде всего - партиям и государству. Что касается партий, то это отношение достаточно сложное, но оно интересно тем, что его высказали не совсем типичные представители современного российского общества, не просто жертвы постсоветских реформ, а те, кто нашел в себе убеждение, силы и мужество стать субъектом защиты интересов рабочих, а значит - общественных интересов. Активисты протестного движения, если в прошлом и являлись членами КПСС, то в настоящее время в партиях (РКРП, Движение за рабочую партию, КПРФ, РПТ, РПК) из них состоят лишь немногие. Для этого есть объективные предпосылки.

Как известно, в большинстве своем лидеры протестного движения это выходцы из производства. Причем, такой критерий как «коммунистическая идейность» на тот период, когда они выдвигались в профлидеры, навряд ли бы «работал» на них - скорее всего это была черта, компрометирующая его,

причем, не только в глазах администрации, но и большинства самих рабочих. Для мировоззрения большинства профсоюзных активистов в первой половине 90-х гг. было характерно скорее другое: аполитичность, вялое сочувствие коммунистам или еще более вялый антикоммунизм.

Да и для рабочих тогда важна была не партийность, а нечто другое: им требовался энергичный, умный и честный защитник их интересов, а каковы при этом его политические взгляды - их это интересовало мало. Самого же кандидата в профактивисты часто привлекала не столько абстрактная идеология, сколько возможность своей творческой самореализации на общественном поприще во благо интересов коллектива. Но даже, если между профсоюзным лидером и большинством рабочих активистов и были политические различия, то в любом случае их интересы скреплялись последующей борьбой за свое предприятие, их общими неудачами и успехами.

И все-таки, каково отношение рабочих и их лидеров к существующим партиям? По поводу самой крупной оппозиционной партии раздавались чаще всего оценки следующего рода:

- «КПРФ не поддерживает нас» (ТМЗ).

- «Мы же его (Зюганова) лозунги защищаем, а он нас не поддерживает» (ВЦБК).

- «Мы не нужны ни КПРФ, ни президенту. Ни Зюганов, ни партия, никто нам не помогает - вот что страшно» (ЯМЗ).

Звучали и более резкие оценки со стороны рабочих:

- «КПРФ - капиталистическая партия Российской Федерации» (ЯМЗ).

А вот небольшой фрагмент из рассказа молодого профактивиста Андрея о принципиальности некоторых партийцев: «Наш главный администратор - явный «коммунист». Он говорит, что у него дома лежит партийный билет. Я его спрашиваю: «Ты чего его до поры до времени хранишь? Когда твои придут, тогда ты его вытащишь?»

Так у него тут же вырвалась фраза: «А мы - за капитализм».

- «А я так глаза и открыл: «Как же так? По-моему вы всю жизнь нас к коммунизму вели. Первый раз от коммуниста слышу, что, оказывается, мы шли к капитализму».
- И заканчивая, Андрей сказал: «Вот такие дела, а ведь он из КПРФ».

Понятно, что прозвучавшая выше критическая оценка КПРФ в первую очередь относится к ее руководству. Правда, бывали и исключения, например, как на ЩКХ: «КПРФ оказывала нам идеологическую, техническую и организационную помощь, в то время как все власти были против».

Зато мы увидели принципиально иное отношение к другой партии -РКРП (Российской коммунистической рабочей партии). В Рязани на крыше швейной фабрики «Заря» висит в прошлом красный, а теперь выцветший от ветров и дождей флаг РКРП. Работницы этой фабрики, до всех этих забастовок с трудом разбирающиеся в политике и не читающие газет уже хотя бы потому, что у них на это просто нет денег, теперь после того, как они сумели защитить свою фабрику от захвата, хорошо отличают партию (РКРП) от других. И причина этого простая - местная организация действительно помогала им в самой тяжелой ситуации. Во Владивостоке немалую поддержку протестным предприятиям оказала местная организация ВКПБ (секретарь В. Потапейко).

Но есть и другая сторона: например, рабочие ВЦБК, которым РКРП оказала немалую помощь, тем не менее, не очень-то спешили вступить в ее ряды. Причем, это характерно и для ряда других предприятий, которым помогает эта партия. Одним словом, в современном протестном движении до сих пор сохраняется известный парадокс: **рабочие активисты**, будучи благодарными всем, кто им помогает, тем не менее, сами **в партии не очень-то стремятся**.

«Мне не понятны все эти партии. У нас в стране каждое второе предприятие в таком положении, но у нас нет ни одного социального движения, которое бы взяло на себя смелость нас поддержать, помочь нам. У

нас пять партий (коммунистических - авт.), но они не могут понять, с какой стороны разбить яйцо» - таково мнение бывшего профлидера ВЦБК.

Не один раз в разговоре с лидерами протестного движения прозвучало предостережение подобного рода: «Нам нельзя принимать политические окраски - ни КПРФ, ни других партий. Наш инструмент- профсоюзы. А нас все стремятся преподнести под красным флагом».

Но беспартийность большинства **рабочих активистов еще не** означает их **отчуждение от** тех или иных **общественных идеалов**. Одна характерная в этом отношении деталь: на протестных предприятиях почти во всех комнатах, где располагаются профкомы или стачкомы, находится или портрет, или бюст В.И. Ленина. Вот маленький фрагмент разговора с молодым рабочим-активистом с ЯМЗ, кстати беспартийным и достаточно критично относящимся к КПСС.

Л.Б. – «Вы не возражаете, что портрет Ленина до сих пор висит в комнате вашего профсоюза ?

А. - А почему я должен возражать? Я считаю, что это наша история. Я ее учил в свое время. А сейчас я не знаю, чему учат детей. Эта история (Ленин) должна остаться. А если ты хочешь новую историю - тогда бери и делай ее сам».

При этом надо отметить, что, не смотря на то, что большинство рабочих активистов беспартийны, тем не менее, **они лишены антипартийной демагогии**. В частности, у них нет установки на неприятие партии вообще как политического института. Более того, **практика протестного движения**, связанная с необходимостью постоянно решать самые разные и сложные проблемы, **продемонстрировала** способность и **готовность рабочих активистов к политическому диалогу с разными общественными и политическими силами**.

«Кто нам помогает - с теми мы и сотрудничаем. - таково политическое кредо активистов протестного движения. И в этом нет никакого цинизма, даже

наоборот: рабочие, сполна заплатив за свой советский идеализм (когда сказать - было важнее, чем сделать), давно поняли, что не по словам надо судить, а по делам. «Левое движение помогло нам организовать наш митинг», - подчеркивали, например, энергетики Приморья. «Мы не отказывались ни от каких контактов с СМИ, с политическими партиями и движениями, ни от проведения совместных митингов и заявлений в поддержку позиций энергетиков. И это дало результаты», - резюмировал на этот счет один из лидеров профдвижения с ДЭ.

Политическая демагогия, как правило, наблюдается скорее у тех идеологов, кто пытается «оседлать» и подчинить практику протестного движения узко партийным целям и задачам. И эта политическая тенденция - достаточно вредная и даже опасная для рабочего движения, ибо те партии, которые сегодня существуют, навязывают еще не очень сильному, но уже качественно новому (по своему общественному содержанию) движению рабочих свои устаревшие политические формы. И здесь очевидный конфликт нового содержания и старой формы.

Сегодня нельзя приходить на заводы с агитацией за социализм или коммунизм. И уж совершенно точно, что не с этого надо начинать. Начинать надо с того - чем я могу вам помочь? И помогать надо политически бескорыстно, ибо это даже по-человечески нечестно: сначала ты даешь голодному хлеб, а потом требуешь, чтобы он заплатил тебе, да еще своими убеждениями. Сегодня первая задача левых - не наращивать численность своих рядов любой ценой (в этом случае, чем вы тогда отличаетесь от бывшего КПСС?), а самым первым идти в общество (к рабочим, студентам, преподавателям, колхозникам - к кому получится), чтобы понять, чем и как можно им (а значит и себе) помочь. И речь не идет о том, чтобы за них решать их собственные проблемы, т.е. своей инициативой подменять их собственную активность. Это неправильно.

Сегодня, на мой взгляд, самая большая проблема российского общества, затронувшая все его слои (от рабочих до профессоров) - это то, что его большая часть «ушла с головой» в парадигму «частной жизни». И эта частная жизнь для российского человека сегодня не только «забор» от этой страшной жизни, но и идеал, и идеология, и религия. И именно это превращение рабочего в частного индивида невольно становится достаточно прочной опорой снизу для ныне существующего режима в России. Вот и получается, что **криминальная власть - сверху, работающий, но полунищий обыватель - снизу, а в итоге - прочность власти** находящегося в союзе криминала и бюрократии (=бандократии).

Вот почему первостепенная **задача левых создать такие формы диалога с представителями разных социальных страт, которые бы позволили им осознать свой собственный материальный интерес** (получить образование, иметь оплачиваемую работу, не бояться за жизнь детей, иметь доступ к культурным ценностям и др.) **как объективно общественный интерес**. И здесь **задача левых** не в том, чтобы **найти** правильные и красивые слова, а в том, чтобы **найти такую форму практической и совместной деятельности, через которую бы он как раз и осознал свой витальный интерес как общественный интерес**, а заодно и то, **что необходимо для его реализации**.

Основная проблема современного левого политического движения в первую очередь не в том, чтобы заниматься выяснением отношений между социализмом и рабочими, определяя в какой мере для них сегодня привлекательны или антипатичны идеи социализма. А ведь именно это сегодня «ахиллесова пята» политики левых партий.. Такой подход даже более опасен, чем идеология постсоветских реформаторов, которые открыто и агрессивно нападают на левую альтернативу. «Истинные коммунисты»- догматики на основе идей социализма сегодня все также продолжают воздвигать своего рода церковь, маковку которой вершит уже не православный крест, а серп и

молот. И эта тенденция - не столько вина, сколько беда этих людей, очень искренних в своем догматизме, заслуживает не только идейного противостояния, но и научного анализа с критических марксистских позиций. Но в любом случае, обустроить из социализма церковь с ее обрядами, попами и еретиками – самый верный способ погубить нарождающийся левый потенциал, а заодно и идеи социализма.

«Соль» проблем левого движения в другом: где, при каких обстоятельствах и как сегодня возможно формирование (из рабочих и не только) деятельностного субъекта, защищающего свои интересы (как рабочего, студента, библиотекаря, врача, эколога и т.д.) как интересы всего общества в целом. И этот практически-действующий коллективный субъект, решающий задачу по реализации своих конкретных интересов, но как интересов общества (а это значит в логике левой альтернативы = социализма) - вот что сегодня должно быть главной проблемой всех левых партий и движений.

А будет субъект - тогда можно будет говорить и об его идейности, тем более, что сама практика решения проблем неизбежно сформирует у него и определенную позицию. Это подтверждают и слова одного из беспартийных профлидеров Приморья: «Само по себе рабочее движение, тем более, когда оно уже набирает ход, самостоятельным быть не может. Но если вы сегодня придете на завод и будете только взывать к идеям социализма, то вас слушать не будут. Это точно. Люди от слов устали».

В застойный период, имея идеи, но не имея активного субъекта социального творчества (КПСС в отличие от некоторых своих членов в этот период таким субъектом не была), наше общество без особого сопротивления «сдало» и страну, и социализм частному капиталу и коррумпированному чиновничеству. А легитимизация этого предательства прошла уже в ельцинский период.

В то время как рабочие активисты, реально защищающие интересы трудовых коллективов, как раз и становятся тем самым субъектом социального творчества. И этой своей борьбой они как раз объективно и порождают, общественную актуальность идей и идеалов социализма, причем уже даже независимо от того как лично ни к этому относятся. И потом дискуссии по социализму вспыхивают сами, причем по инициативе самих активистов.

Когда на ВЦБК был вооруженный захват, то отстаивали его работники, почти все как один беспартийные (а лидеры КПРФ и не подумали туда приехать, в отличие от депутата Григорьева из РПК, который не только на месте, но и уже в Москве помогал защитникам комбината.

Другой пример: когда в ноябре 1999 года на ВЦБК на конференции трудовых коллективов выступала Нина Андреева, говоря о том, что надо «брать заводы и фабрики», то со стороны рабочих стали раздаваться реплики раздражения. Подобное наблюдалось и на школах-семинарах лидеров протестного движения, проводившихся общероссийским движением «Альтернативы» в Москве и других городах: как только кто-то из профсоюзных активистов начинал говорить какие у нас грабительские реформы или повторять политические лозунги то тут же сразу его товарищи с других предприятий перебивали его и призывы говорить конструктивно и по существу.

Что же касается проблемы государства, то у рабочих протестных предприятий это понятие, в последнее время становящееся все более и более значимым (причем уже не только у левых, но и правых), тем не менее, вызвало далеко не однозначные комментарии. Исследования показали, что на предприятиях, где рабочие не включены в практику самозащиты, господствует наивное упование на государство. Там же, где был хоть какой-то опыт самоорганизации, отношение к государству гораздо более сложное. Далеко не все считают, что государственное предприятие в современных условиях - это панацея от всех бед.

Побывав 14 октября на ВЦБК и разговаривая с его работниками, которые еще не отошли от побоев спецназа «Гайфун», я услышала такие слова: **«Государство, которое берет нас в заложники - это не государство. Государство - это мы».** Мне удалось услышать на это счет мнение и еще одного работника - защитника комбината в те октябрьские дни и ночи 1999 года. Взгляды этого человека, проработавшего на ВЦБК уже 46 лет, отдав ему все свои силы, труд, жизнь, особенно важны и ценны уже хотя бы потому, для людей его поколения понятие «государство», было связано и с СССР, и с великой победой над фашизмом, и с первым полетом в космос, и с идеями коммунизма, т.е. со всеми смыслами и событиями личной жизни. Да, для людей старшего и среднего поколения понятие «государство» имело не просто огромное значение, оно соединяло страну и человека в одно целое. Так вот, этот человек сказал очень просто и очень точно: «Право на жизнь, которое предписано Конституцией, должно обеспечить государство, а если оно не может это сделать, то тогда это должны обеспечить мы сами всеми доступными нам средствами».

Особо следует отметить то, что **против самоорганизации рабочих** в их борьбе за деприватизацию, рабочий контроль и самоуправление, самым жестким образом в большинстве случаев **выступили региональные власти.** Причем не только сторонники правящего режима (что очевидно), но и так называемые **«красные губернаторы».**

«Стародубцев заморозил завод» - так сказали рабочие с ЯМЗ. Не лучше дело обстоит и с другими губернаторами. И это подтверждают, в частности, рабочие с ЩКХ: «Мы к нему (губернатору В.А.Богомолу) три раза приезжали, причем, целая делегация, а он не принимал, говорил - некогда». И это был ответ губернатора в тот период, когда ОМОН пытался захватить ЩКХ.

А вот какие отзывы я услышала о другом «красном» губернаторе: «В Кузбассе демократии нет. Везде его люди, и он тратит на это большие деньги и именно для этого, например, он создал свой фонд риска. Мы, когда он

поначалу пришел, на него молились и только через полгода мы узнали кто это на самом деле. Он подчинил себе всех. В Кузбассе просто насаждается культ его личности. На день рождения что только ему не тащили, например, картины: и среди берез, и в полный рост, и сидя, и лежа - целая галерея, камазами вести можно».

А когда на конференции трудовой коллектив КМК принял решение не перечислять в его фонд риска 4% от фонда оплаты труда (и название-то какое!) деньги, то вслед за этим сразу последовали репрессии.. «Тулеев нас использовал и нас вводил в конфликт с прокуратурой», - так сказали об этом на предприятии. «После конфликта Тулеева с «Микомом» нас начались большие проблемы, начался накат, начались аресты, уголовные дела. Нашим активистам открыто предлагали обанкротить ЧР за долги в Федеральный бюджет, которые накопились с 93 года. Тулеев также открыто нам навязывал мысль, что мы должны расстаться с «Микомом».

Мы поняли, что с властью воевать бесполезно. вся техника - лично от губернатора. С первого дня как он пришел - все лично от губернатора. Автобусы - подарок от губернатора, сельскохозяйственная техника - лично от губернатора. А разве все это его личное? Затем прошел антитулеевский съезд трудовых коллективов Кузбасса, участники которого выступили против выплат в тулеевский «фонд риска». Кстати, после этого был захват КМК. Тулеев-барин». Вот вам и «красные» губернаторы.

Закончить разговор о взаимоотношениях партий с протестным движением я хочу словами одного очень уважаемого мною человека – Владимира Воробьева, который не просто профсоюзный активист, а настоящий борец за рабочее дело: « **Партия рабочим нужна но это должна быть чисто рабочая партия.** Но я боюсь только одного, чтобы такая партия снова не попадала в грязные руки, которые бы строили эту партию из своих корыстных личных интересов, чтобы добиться своих благосостояний».

II. 6. Типы лидеров протестного движения

Протестное движение в России в конце XX века выдвинуло и своих лидеров - людей незаурядных, смелых, толковых. Но несмотря на общность многих черт, драматургия рабочего движения выявила и их различие, породив разные социальные типы лидеров протестного движения.

Откуда появились эти новые герои «не нашего времени»? Они вовсе не похожи на героев из советских фильмов и книг ни 60-х, ни 70-х, на даже 80-х гг. Какие же они - эти новые люди, которые взяли на себя ответственность не только за себя, но и за своих товарищей? Конечно, каждый, с кем я встречалась сам по себе был интересной личностью со своими противоречиями, у которых было чему поучиться. Личностные портреты некоторых из них я уже попыталась дать в начале книги. Но меня еще интересовал вопрос, а можно ли вычленить основные типажи лидеров, с которыми автору приходилось лично встречаться, общаться и работать.

6.1. «Герои-одиночки».

Это те, кто выступал последовательным защитником прав рабочих, но оставшись без их поддержки (в силу пассивности и боязни последних), в итоге был уволен с предприятия. Оказавшись за воротами завода, такие профлидеры становятся изгоями, причем тем скорее и прочнее, чем меньше город, в котором они живут. Участь безработного им, как правило, обеспечена и достаточно прочно. И дело не столько в проблеме свободных рабочих мест, хотя в таких маленьких городках, эта проблема очень актуальна.

Дело в другом: руководство любого другого предприятия, даже если среди них и найдутся сочувствующие, никогда не возьмет такого человека к себе на работу. Зачем директору портить отношения со своим местным «элитным» кругом из-за какого-то там профлидера, даже если он высокий

профессионал и замечательный человека. Да и вообще, от бунтовщиков лучше держаться подальше.

Что же остается делать этим безработным героям? Вариантов, даже рассуждая абстрактно, не так уж много. Первый - уезжать из этих мест. Но это возможно, если, во-первых, есть деньги (а их, конечно, нет), во-вторых, есть куда ехать и, в-третьих, если еще до того они не сломаются и не сопьются. Второй вариант: уже находясь за воротами завода пытаться продолжать борьбу за права, причем не только свои, но в первую очередь, твоего бывшего коллектива, т.е. становиться объективно профессиональным борцом.

За этой последней фразой, сколь пафосной на слух, столь не выдуманной автором (ибо он встречался с такими людьми среди шахтерских лидеров Кузбасса, профлидеров Владивостока) в действительности стоит очень многое. Это и предательское малодушие бывших товарищей по работе, которых он защищал и которые теперь если и решаются здороваться, то украдкой, чтобы не донесли начальству. Это и жалость, если не хуже - затаенное подозрение, соседей по дому, причем не только по отношению к бунтарю, но и ко всей его семье в целом по формуле «дыма без огня не бывает». Настороженное отношение таких соседей, которые не понимают такого рабочего активиста («и чего он все время вылезает?») к тому же сопровождается их готовностью по всей строгости судить и осуждать тех, кто на них - обывателей не похож. Это и не раз обманутые надежды (а вдруг все-таки возьмут на работу?) и идущие вслед за этим отказ за отказом. Это и постоянное безденежье, унижающее достоинство молодого мужчины, который до этого прежде всегда кормил семью, а теперь вместе с детьми «сидит на шее» у жены. Это и постоянное «затылочное» ожидание расправы - ведь новые «хозяева» жизни способны на все. Это и дающие знать о себе «расстроенные нервы», бессонница... - всего не перечислить.

И не смотря на все это, надо все-таки каждый день вставать и делать ... Что и как - здесь вопросов много. И тем, не менее, до сих пор эти люди, не

сломавшиеся и не потерявшие своего достоинства, пытаются реально что-то делать, но без массовой консолидации рабочих, как и без широкой общественной поддержки этим репрессированным лидерам протестного движения очень трудно подняться.

6 2. «Герои на цыпочках».

Это те, кто, пройдя через испытания любовых столкновений и добившись от администрации выполнения основных требований коллектива, вместе с другими активистами выправили экономическую и социальную ситуацию на своем предприятии. И вот в условиях, когда зарплата начинает выдаваться без задержек, заказы - поступать на завод, отношения с начальством - выравниваться, а отношения с коллективом - стабилизироваться, как раз именно в такой период этого профлидера и подстерегают наибольшие сложности.

С одной стороны, вчерашний лидер-герой должен в такой «мирной» ситуации должен становиться обычным профсоюзным деятелем и заниматься ежедневной «текучкой». А с другой - по мере исчезновения победной эйфории постепенно появляется недовольство рабочих уже новой ситуацией, в которой всегда есть немало нерешенных проблем. Все это вместе вызывает у профактивистов, особенно в условиях, когда «есть что терять», тревожный вопрос: а вдруг меня на предстоящих выборах не переизберут?

А если и вправду, не переизберут? Что тогда - идти в цех к станку? Но, ведь, это, ой как давно было и навык уже заметно потерян... К тому же после боевой и опасной, но все-таки творческой жизни, работа у станка уже не кажется столь интересной. Так что уходить некуда, да и не хочется. В результате, одержав победу в протестной борьбе, эти профлидеры теперь уже начинают заботиться не только о коллективе, но и о том, как остаться на своем профсоюзном месте и дальше. Т.е. теперь они беспокоятся не только по поводу того, чтобы их профком хорошо работал. **Теперь они озабочены**

еще и проблемой воспроизводства себя как председателя профсоюзного комитета, т.е. **проблемой воспроизводства своего «кресла»**, а это уже беспокойство бюрократического рода.

Такие профлидеры, в экстремальных ситуациях и при опоре на коллектив, однажды став героями, т.е. приподнявшись над собой и встав «на цыпочки», долго так ходить не могут и потому пытаются вернуться в исходное положение. Т.е. честно, не жалея сил и времени функционировать без особого перенапряжения души и тела - такой образ для них более привычен и органичен.

6.3. «Герои - авантюристы»

Те, кто поначалу героически и вместе с трудовым коллективом защищали его интересы, но в итоге потерпев поражение (коллектива, при этом не обязательно свое личное), они, если и не **продают себя «победителям»**, то оказываются в положении, когда их покупают, причем уже как политический товар, тем более, что «новым хозяевам» действительно нужны талантливые, умные организаторы на тех предприятиях, которые они незаконно приобрели. Ведь иметь дело с рабочими - малоприятно, а с недовольными - тем более, поэтому уж пусть лучше их усмиряют их же собственные профлидеры.

Иногда это вызвано искренней верой и надеждой этих же профлидеров, что, попав наверх в административные структуры, вот теперь они смогут помочь трудовому коллективу защитить свои интересы в новых, особо трудных условиях. Но, увы, в одиночку, без опоры на активные действия рабочих снизу такое пока никому еще не удавалось. Появление этого типа профлидера нельзя объяснить в полной мере только их личным предательством интересов рабочих, хотя персональную ответственность за свою позицию они нести должны. Все несколько сложнее и обусловлено в целом сложной драматургией той общественной реальности, которая

складывается в самом протестном движении. Этот вопрос заслуживает специального разговора не только потому, что он связан с необходимостью этического и политического выбора людей. Вопрос взаимоотношения личности и общества в рамках протестного движения необходимо рассматривать с учетом внутренней диалектической целостности самого протестного движения как

- **формы,**
 - **результата**
- **и предпосылки современной российской действительности».**

6. 4 «Герои с запасным аэродромом».

Это те, кто сумел, отстояв требования коллектива, остаться на заводе и продолжить работу в качестве председателя профкома. Заполучив в результате всего этого заслуженный авторитет и **не только у себя на заводе, но и** в масштабах города, они получают (благодаря своим усилиям или нет - это уже не важно) наряду с этим место **в каких-либо властных структурах города** или региона на всякий случай. Казалось бы, в этом нет ничего плохого, наоборот: в такой ситуации у таких профлидеров появляется богатая возможность подкрепить положение своего заводского трудового коллектива уже извне. И я вовсе не исключаю у них поначалу таких благородных мотивов.

Но как показывает практика, редко, кто из таких профлидеров, числясь одновременно и во властных городских структурах, если и заставлял «работать» это обстоятельство на свой завод, то, скорее на укрепление своего положения на нем, чем на укрепление позиции своего родного коллектива. Заполучив, благодаря действиям своих профсоюзных активистов, равно как и благодаря своим собственным, немалым усилиям, такой «запасной аэродром», причем уже в масштабах города, такие профлидеры потом активно заняты уже тем, как из «запасного» сделать его «основным».

Кстати, подобная ситуация в широком масштабе наблюдается и в Российской Государственной Думе, где большинство депутатов, причем чем ближе к окончанию сроков, тем активнее - заняты созданием таких же «запасных аэродромов» - новых структур. Дело вовсе не в структурах, а в том, что они создают их под свои личные, но при этом частные интересы, т.е. ориентированные не «вниз» - на решение проблем общества, а «наверх», т.е. на воспроизводство себя как начальника и уж очень желательно - если не в кругу политического истеблишмента, то хотя бы рядом с ним.

Да, сегодня в официальной в России какую сферу ни возьми - экономику, войну в Чечне, политику, церковь, культуру, политику, науку - все бизнес. А ведь бизнес в России не просто криминальный, а «с душком». Помните в рассказе Чехова «Дама с собачкой» его герой, возвращаясь из ресторана, преисполненного пошлости российского общества, с философской горечью говорит, «Да, а ведь осетрина была с душком».

6. 5. «Герои с личной перспективой»

Это те, кто не был уволен, не сломался, а **продолжает** активно работать и **сохранять независимое положение профкома** и даже - усиливать свои личные позиции. Так, например, относительно молодой профлидер АХК, очень умело и талантливо завоевавший сильные позиции профкома (об этом - ниже) и будучи простым тестомесом (причем с незаконченным высшим образованием), уже вскоре в знак признания своих успехов как организатора получил предложение от директора стать зав. отделом снабжения. Видимо, директор понял, что если этот человек смог добиться исполнения требований коллектива даже от него, то тогда почему не использовать его ум и настойчивость в интересах уже завода, например, по выбиванию всего того, что необходимо для производства.

А спрос на толковых и энергичных людей есть даже у администрации.

6. 6 Революционеры рабочего дела

Это те, кто продолжает активно и небезуспешно отстаивать позиции профкома и не терять инициативы даже в самой опасной для них ситуации - мирной, т.е. относительно благоприятной. Оппозиционная администрация протестных предприятий даже пытается купить таких лидеров, предлагая им, например, повышение, но, правда, пока безуспешно. Но в любом случае она вынуждена была признать этих лидеров и потому в дальнейших своих действиях администрация уже не могла с ними не считаться. Этот тип лидеров - самый сильный из всех перечисленных: они отстаивают интересы не только своего коллектива, но еще и активно включены в деятельность по общественной поддержке протестного движения в целом.

Положение этих профлидеров на своих заводах достаточно прочно и, в немалой степени благодаря тому, что сильна их личная позиция, основанная на четких не только этических, но и идеологических принципах. И дело здесь вовсе не в том, состоят они в партиях или нет, хотя большая часть их - беспартийная. А те, кто и состоит в партиях, в любом случае имеют с ними не простые отношения, уже хотя бы потому, что необходимость практически решать реальные проблемы завода заставляет этих профлидеров относиться ко всему, в том числе, и к политическим постулатам диалектически, творчески, а не религиозно-догматически.

Так что, практика протестного движения, вырабатывающая у этих профлидеров иммунитет против политической демагогии, которая хороша только для партийно-сектанских ритуалов, в тоже время формирует из них сильных политических лидеров, умеющих не только выступать на митингах, но и многое другое, анализировать сложные проблемы, разрешать их, организовывать рабочих, уметь находить с ними общий язык.

Но общественная драматургия взаимоотношений этих профлидеров со своими сегодняшними партиями, если последние останутся таковыми как они

есть, - еще впереди. Но в любом случае, независимо от их отношений со своими партиями, эти профлидеры уже являются самостоятельными политическими лидерами.

II. 7. О самом главном - проблемы и противоречия протестного движения

Критерием того, что **протестное движение** – это подлинно общественное движение является то, что оно **вскрывает** (а не камуфлирует) **противоречия не только общества и власти, но и свои собственные**. Вот почему затрагивая тему рабочего движения, чрезвычайно важно говорить не только о его успехах и достижениях, но и о его проблемах. В левом движении есть, на мой взгляд, одно **опасное заблуждение**: публично говорить о проблемах и ошибках левых и рабочих нельзя. Или, как говорят, в России - «нельзя выносить сор из избы», «нельзя, чтобы враг знал наши слабости». Соответственно, следуя этой позиции, нельзя говорить и о проблемах рабочего движения. Но зато такие «левые» любят много говорить о том, что рабочие **должны сделать**, а еще лучше – кричать о триумфальном шествии рабочего класса. Данный подход таких «левых» во многом схож с подходами и приемами, практикуемыми институтом церкви. И там, и здесь много общего: вместо практических действий - обряды (партийные или церковные – неважно), вместо анализа - проповеди, вместо критики – восславления, а уж изменить форму даже во имя нового содержания - «упаси боже» - тяжелейший грех и т.п. Я думаю, что для таких «левых» наиболее адекватным был бы другой лозунг – «Пролетарии всех стран, ради бога, соединяйтесь!».

Но если говорить серьезно, то ведь это сталинизм: не говорить о проблемах, закрывать дискуссии и тем более, не произносить это страшное слово - **«противоречие»**. Если **мы сами**, причем, **первыми** не будем говорить о проблемах левого и рабочего движения, то мы неизбежно отдадим все эти вопросы на откуп либералам, тем самым, укрепляя их

позиции. Если бы КПСС в ту же перестройку первая начала критику сталинизма, партийной бюрократии, привилегий т.п., то все эти ельцины и яковлевы, навряд имели бы такую широкую общественную поддержку. Вот почему, я считаю, что надо анализировать и говорить как о сильных, так и о слабых сторонах нашего рабочего движения, чтобы избежать уже совершенные ошибки не только самих рабочих, но и той части общества, которая солидарна с ними.

Так что, дорогой читатель, предлагаю вам вместе со мной перейти, может быть к самой серьезной главе этой книги, чтобы на трудностях российского протестного движения понять сложности и перспективы рабочего движения вообще.

7.1. Главный враг протестного движения - пассивность рабочих.

Это самая большая проблема, которую признают и сами профлидеры: «Кость кинули и они успокоились. Если опять остановят завод, то навряд ли уже кто-то поднимется. Лидеры в цехах - это приблизительно 10-15 человек, но ведь основная масса-то молчит. С нашим народом каши не сварить». (ЯМЗ)

Основная масса рабочих надеется и ждет, что кто-то будет решать их **вопросы,** но только не они сами. У них до сих пор нет установки, что решение их проблем - это каждодневная и длительная работа, которую должны выполнять только они - рабочие через разные формы самоорганизации и самоуправления. А вот профлидеры это уже хорошо понимают: «В чем наша беда, вина? Мы хотим результата сегодня и немедленно. Это не получится. Надо исходить из того, что мы имеем и пытаться это заставить работать на нас» (ВЦБК).

Правда, у практической пассивности всегда есть обратная сторона – «словесный» радикализм. И хотя он возникает как реакция самозащиты себя в

глазах своих товарищей, тем не менее, этот «словесный» радикализм встречает критику тех рабочих и профсоюзных активистов, кто не на словах, а на деле пытается отстаивать интересы трудовых коллективов. Так, например, однажды услышав очередную фразу подобных «радикалов»: «Вот нам бы автомат, мы бы им (заводской администрации - автор) показали!», профсоюзный лидер «Дальзавода» Алексей Кузнецов с иронией им ответил: «Дай Вам автомат, вы и его пропьете».

Как признают сами активисты протестного движения у рабочих **нет еще четкого понимания своего классового интереса.** Приводимый ниже фрагмент из разговора с рабочими Кузбасса - тому пример: «На другом разрезе директор тоже богато живет, но если его рабочие видят, что он им что-то делает, то разве они будут его осуждать. Да, они называют его барином, но отношение к нему все равно - с почтением. Но если люди у тебя плохо живут и ты их втаптываешь в грязь, то само собой они его не очень жалуют».

Об этом же говорят и активисты ЯМЗ: «Люди не хотят сами что-то делать, **люди не верят в самих себя.** У нас верят в барина-хозяина. Да, они потеряли веру в прежний строй, но ведь «демократы» тоже хороши. Нас (тех, кто боролся за производственную демократию - авт.) выбивала сначала партия, потом Горбачев, потом Ельцин».

«**Сильна еще ностальгия по советской системе (патернализму),** впрочем как и социально-иждивенческие настроения рабочих», - такое я слышала и не раз от профсоюзных активистов, с чем им приходится сталкиваться в коллективе. Действующие профактивисты, в отличие от пассивных рабочих, более диалектически относятся к советском прошлому, его противоречиям, достижениям и поражениям. Они говорят: «Да, должна была быть и модернизация, и реструктуризация советской экономики (не надо цепляться за старое), но сделать ее надо было по-другому, а не так как у нас Ельцин сделал» (ДЭ). Говоря о прошлом, большинство рабочих активистов все же оценивают его с болью и горечью невосполнимых утрат. На ЛМЗ

рабочие активисты мне как-то сказали: «Да, сейчас для нас многое не достижимо. Например, стабильность, а ведь это, когда ты знаешь, что тебя не продадут кому-то, как это происходит у нас сейчас» (ЛМЗ).

7.2. Боевая активность или страх и пьянство: кто кого?

Большинство рабочих сильно заражены страхом выразить свое мнение не только в присутствии администрации, но даже своих товарищей. Заводская цензура, равно как и самоцензура рабочих сегодня сильна как никогда. Находясь на территории завода, рабочие выражаются очень осторожно. Во время своего посещения Черниговского разреза я попыталась вести разговор в обществе двух его работниц. Как потом выяснилось, каждая из них боялась выразить свои взгляды в присутствии другой. «Нам желательно, чтобы не знали, что мы встречались» – приходилось мне слышать и такое. И вот еще мнение: «Люди хотят участвовать в борьбе, но боятся».

В отличие от рядовых рабочих актив ведет себя достаточно смело. И в подтверждении этого упомяну лишь о такой детали: все рабочие лидеры, с кем мне приходилось встречаться, ни разу не отказали нам в том, чтобы велась магнитофонная запись наших с ними разговоров, зачастую очень откровенных. Сегодня такое встретишь не часто. Но если говорить о пассивных рабочих, то приходится признать, что за последнее десятилетие **российские рабочие стали пить еще сильнее, чем прежде**. Это усугубляется и тем, что почти везде при выходе с территории завода, подчас прямо у проходной, стоят винно-водочные лавки, в которые рабочие могут заглянуть после смены.

Приведу конкретный пример из жизни г. Тутаевска Ярославской области: у автобусной остановки по дороге на завод стоит не обогреваемая временка (около 20 кв.м.), в которой вдоль стен набиты из дерева полки-столики, стульев нет, звучит тяжелая «попса». В качестве закуски: пакетики с картофелем, со сметками (7 рублей за 7 штук) и с арахисом, но последнее -

уже деликатес. Вдоль стен с кружками и бутылками стоят, как правило, молодые парни, хронически не высыпавшиеся и уставшие после работы. Они быстро хмелеют. Нарастающее возбуждение громко говорящих и не слушающих друг друга людей в этой прокуренной и убогой будке лишь подчеркивает их неприкаянность. А эта пивная - едва ли не единственная и доступная (и в смысле денег, и в смысле выбора возможностей) радость для этих молодых и, в принципе, хороших и честных, живущих своим трудом, парней. Впечатление гнетущее.

7.3. Идеализм – дорогостоящая наивность или ловушка для рабочих?

Надо признать, что советские люди в российский капитализм шагнули тем увереннее, чем больше идеализма было в их головах. Мировоззренческим идеализмом было заражено большинство советского общества, причем, не зависимо от идеологических предпочтений человека (будь то идеи социализма или капитализма). Это в полной мере относилось и к интеллигенции, и к рабочим. Советский идеализм рабочих выражался в противоречии между их реальными интересами и тем, как они их осознавали. И именно это противоречие **человека труда ельцинская власть и использовала для защиты своих интересов, т.е. интересов капитала.** Одним словом, **ельцинская власть, используя идеализм рабочих, так или иначе заставила их, по меткому выражению Э.Н.Рудыка, «честно играть в чужие игры».**

Отсюда заблуждения, ошибки, раскаяния, в которых рабочие, хотя и с опозданием, но признаются сами. Кстати, надо сказать, что в отличие от интеллигентов и большинства левых, рабочие активисты не боятся говорить критично о себе. Вот, например, что сказали рабочие Кузбасса: «Мы поняли ошибки 89 года, но мы тогда поднялись из за своего равнодушия». А вот мнение с ЩКХ: «Сейчас бы вернуть 94-й год, знали бы тогда, что делать».

Идеализм рабочих проявился и в их отношении к судам, на которые они поначалу возлагали все свои надежды, полагая, что если они не могут наказать виновных, то хотя бы пусть их морально осудят. Такие надежды рабочих иной раз порождали на протестных заводах целое подвижничество: сколько было исписано бумаг, потрачено времени и здоровья активистами, чтобы донести до общества и властей правду и только правду.

Точно как в былые времена: «Вот я напишу письмо товарищу Сталину и правда восторжествует». Формула этой честной наивности проистекает все их того же идеализма, с которым мы вышли из рухнувшего СССР. Понимание, что сегодня «наверху» все решает логика капитала, а суд лишь озвучивает его решения – это приходит к нашим рабочим быстрее всего через протестную практику, самоорганизация которой – сегодня один из верных способов избежать манипуляции со стороны власть придержащих.

7.4. Внутренние проблемы протестного движения: вина или беда?

В этом отношении рабочие сами называют в качестве основных проблем следующие.

а) Неготовность заводских профсоюзов брать на себя власть по принятию тех или иных экономических решений на своем предприятии. И вот лишь один пример из практики Тутаевского моторного завода рассказали мне сами рабочие: «Надо было добирать блокирующий пакет акций и отдать его профкому, но они там растерялись, оказались не готовы к этому. А в итоге - шанс сохранить контрольный пакет акций за трудовым коллективом был упущен».

б) Низкий уровень социально-экономической и особенно юридической образованности профсоюзных активистов. Сегодня существует хроническая недостаточность экспертов и особенно юристов, работающих в интересах трудовых коллективов, ибо они почти все

обслуживают либо представителей власти, либо капитала. И лишь только практика рабочих и их собственные ошибки (иногда трудно исправимые) позволяют рабочим обрести нужные знания. «Не хватает у нас образования. – пожаловались мне профлидеры с ЯМЗ. - Мы лишь «задним числом» разобрались с акциями, но было уже поздно».

в) **Кадровый голод**: не хватает инициативных организаторов, знающих экономику и право. Но самое главное еще не достаточно тех, кто готов, жертвуя своими силами, временем, умело заниматься организацией рабочих для защиты их собственных интересов. «Кадровый голод – колоссальный. «Найти хорошего человека, болеющего за дела рабочих, но к тому же еще умеющего работать - это целая находка»- слышала я не раз.

г) **Заводская власть с целью подрыва реально действующего профсоюза начинает создавать теневые цехкомы и теневой профком**, куда уходит в первую очередь администрация цехов, за которыми потом идут все те, кто намерен продемонстрировать свою лояльность заводской власти. Такая ситуация - не единичный случай в практике протестного движения. Такие случаи были на ЯМЗ, ДЗ и других предприятиях.

д) **Невозможность решения многих проблем предприятия собственными силами профсоюзных активистов**, зачастую приводит к появлению и развитию конфликта уже внутри самого трудового коллектива.

7. 5. Рабочий актив и «болото»: проблемы взаимоотношения.

Главная в этом блоке проблема – реально существующий разрыв между рабочими активистами и «рядовыми» работниками. Несмотря на проявляемое сочувствие, тем не менее, **пассивное большинство рабочих**, (как они сами себя называют - «болото») все-таки **держится несколько отстранено от рабочих активистов и их лидеров**. В следствие этого рабочий актив оказывается под перекрестным огнем, идущим не только со

стороны заводской администрации, и «новых хозяев» предприятия, но и ...да, да именно, «болота». «Почему? Разве эти, пусть даже пассивные рабочие, не видят как профсоюзные активисты борются за них?» - можете спросить вы.

Да, конечно, с одной стороны, они видят, что происходит. Но, с другой - между активом и «болотом» есть серьезный конфликт, разрешить который не в силах даже очевидные факты. Этот конфликт заключается в том, что рабочие активисты по своему социальному и экономическому положению - точно такие же люди как и их товарищи из «болота»: они также не получают денег, также имеют семьи, но в отличие от последних, они все-таки хоть как-то пытаются изменить заводскую ситуацию к лучшему. И то, что активисты, решая общезаводские задачи, при этом тратят на все это свое личное время, силы, здоровье - это обстоятельство бросает моральный вызов всем пассивным рабочим, отнимая у них право на самооправдание. Активисты на практике полностью опровергают жизненный принцип рабочего «болота»: «А что, мне больше всех надо?».

Проблемы на работе и дома; боязнь сказать вопреки начальству; страх потерять работу; отсутствие денег и здоровья; постоянный стресс от теле-новостей и страх будущего - все это вместе рождает у бедного рабочего из «болота» ощущение полной беспомощности и раздавленности. И чем оно сильнее, тем тотальнее и неразборчивее его недоверие ко всем, в том числе, и к активу. И формула этого их недоверия такова: «А кто их знает, что у них там на уме. Но если они так крутятся - видимо чего-то хотят».». В итоге такая позиция «работает» против рабочих активистов, предоставляя администрации еще одну «козырную карту» в борьбе с ними.» Вот видите, - говорит начальник рабочему активисту, - если вы правы, то почему же тогда вас не поддерживает большинство рабочих?»

Вот и получается, что **профсоюзный актив**, с одной стороны, **идейно чужд новым «хозяевам жизни»**, а, с другой - **культурно чужд рабочему**

«болоту», отличаясь от него и своим мировоззрением, и своими моральными (антимещанскими) принципами, и своими поступками.

Вот почему для рабочих лидеров (личное общение с ними подтвердило это) проблема «болота», как и взаимоотношение с ним - до сих пор остаются самыми актуальными вопросами. Опыт многих протестных предприятий показал, что рабочие зачастую не могут и даже не хотят защитить своих вожakov. И эта проблема – также боль и мука протестного движения.

Защитили рабочие Черниговского разреза тех профактивистов, кто боролся за их же интересы, а после был выброшен за ворота предприятия, например, как В.Буб и А.Белин. Защитили рабочие тех активистов, которых хотя и не выгнали с предприятия, но зато они имели репрессии со стороны администрации, например, как В.Михайлов и другие? Нет, не защитили.

Устроили рабочие, пусть не всего «Дальзавода», то хотя бы цеха № 36 забастовку в защиту своего профлидера А.Кузнецова? Нет! А ведь он своей способностью и умением защищать товарищей так испугал власть, что она при всех стараниях «подкопаться» к нему с профессиональной стороны, так и не нашла оснований его уволить, но в тоже время на всех проходных повесила его фотографию, чтобы его ни в коем случае не пропустили на завод. И на всю эту чудовищную выходку в ответ - ни одного массового протеста рабочих.

Более того, стыдно говорить, но среди рабочих были и такие, кто, завидев А.Кузнецова на улице, быстро переходил на другую сторону. А ведь у всех этих репрессированных профактивистов есть дети, которые однажды с полным правом могут задать вопрос: «Отец, ну что тебя так не любило начальство - это понятно, но почему же твои же товарищи не защитили тебя и отдали на расправу начальству?» А если однажды дети бунтовщиков зададут этот же самый вопрос уже тем, кто предал их отцов? Что отвечать тогда?

Вот почему сегодня заводская власть, опираясь на нравственную беспринципность пассивных рабочих, позволяет себе по отношению к ним же использовать такие грязные методы, как подслушивание (причем не только

служебных, но и частных разговоров оппозиционеров). А ведь доноительство на некоторых предприятиях имело даже свою таксу (300 руб. по курсу доллара 27 руб. 00 коп. - информация 2002 года) и т.п. Но разве рабочие по этому поводу хотя бы раз протестовали? А раз для властей со стороны рабочих «красного света» (и тем более - цвета) протеста нет, то она по этому подлому пути идет и дальше.

Так что разъединенность рабочих в итоге оборачивается для них и определенной нравственной несостоятельностью, что невольно приводит к разрушению их уже изнутри. Это сказывается на многом, даже на постановке такого горького, но, к сожалению, до сих пор традиционного для большинства вопроса: пить или не пить? Возвращаясь к этой, уже обозначенной выше проблеме, подчеркну: как сказали сами рабочие: «Теперь пьют еще больше».

Этот вопрос, с одной стороны, для рабочих сегодня страшно в буквальном смысле (действительно, цифры на это счет чудовищные), актуален, а, с другой - в условиях нарастающего их разобщения он оборачивается уже несколько иной альтернативой. Либо пить компанией, но молча, спрятав душу (правда, сразу возникает вопрос - а зачем тогда пить?) - а то ведь по пьянке и не такое наболтать можно, а потом за твои же деньги и на тебя же донесут те, кто с тобой пили, причем не столько по злобе, сколько по глупости. Либо пить в одиночку, что тоже как-то не по-человечески. Одним словом, даже в пьянке какой-то сплошной постмодернизм получается.

А может быть все-таки лучше и вовсе не пить, а вместо этого...

Но нет, автор вовсе не собирается здесь что-либо проповедовать уже хотя бы потому, что ему чуждо миссионерство любого рода, неважно, идущее от коммунистических, религиозных или каких-либо других этических идей. В данном случае я лишь поделюсь одним, может быть, любопытным наблюдением: среди рабочих лидеров мне нередко встречались те, кто, как говорится, «в рот капли не берет».

Так оказалось, что протестное движение несет в себе еще и отрезвляющую альтернативу, которая особенно была заметна на фоне перманентно нетрезвого Ельцина. И эта трезвость рабочих активистов - совершенно иного рода, чем та, к которой призывала антиалкогольная кампания Горбачева, развернувшаяся в период перестройки в «Общество трезвости».

7.6. «Трудно усидеть на штыках» .

«Мирные ситуации» - так это хорошо или плохо?

Одной из острейших проблем для протестного движения являются постоянно предпринимаемые властями попытки подкупа его рабочих лидеров, например, предложением занять тот или иной пост во властных структурах. «Предложения они всегда делают очень заманчивые» - делились со мной профлидеры многих протестных предприятий.

Есть и другая проблема: профсоюзные и рабочие лидеры возникают и заявляют себя, как правило, в экстремальных для завода ситуациях, т.е. когда идет наступление на интересы их коллектива. Но в действительности **более коварными и трудными для лидеров являются «мирные ситуации»**. Именно они как раз и несут опасность того, что инициатива дальнейшего развития ситуации, как и контроля над ней, будет перехвачена администрацией завода. И это особенно опасно, если у профактива нет стратегии дальнейших действий. Да, именно **отсутствие стратегии - ахиллесова пята современного российского протестного движения**.

Если не иметь стратегии, а исходить только из тактики реагирования на те или иные выходки заводских властей и их хозяев, то тогда для трудовых коллективов и их профлидеров проигрыш обеспечен. Что же получается: если «мирные ситуации» так опасны, тогда для прочности позиции профактивистов, обязательно необходимо ухудшение положения рабочих, а также столкновение

их с властями? Т.е. тайно ожидать конфликты, а если их нет - специально устраивать?

Оказывается, совсем нет. Вот как справились с этой проблемой на заводе по ремонту тепловозов им. Дзержинского в г. Воронеже. Лидеры его трудового коллектива вместе с членами областного общественного объединения «Союз рабочих, крестьян и интеллигенции», постоянно участвуют в солидарных акциях по поддержке коллективов других предприятий. Им не только удалось уже трижды отбить попытки приватизации их собственного завода, но и помочь защитить фабрику «Промтекстиль», Центральный универмаг и т.д. Участие в таких акциях показывает всем (и городской власти, и заводской администрации, и трудовому коллективу), что если эти профактивисты способны и готовы защищать даже «чужих», то уж «своих» они защитят обязательно. Так что, солидарность рабочих не только важна, показывая насколько они состоятельны с этической и организационной точки зрения, но и выгодна даже политически.

7. 7. Демократия экстремальных ситуаций.

Российская практика последних лет показала, что волна протестного движения на том или ином предприятии чаще всего вспыхивала спонтанно. Организация протестных акций, осуществляемая, как правило, в экстремальных ситуациях, зачастую вынуждает рабочих активистов оперативно принимать то или иное решение. И тут возникает жесткая дилемма: либо придерживаться всех процедурных требований демократии (например, собирать широкий круг активистов), но при этом тогда проигрывать время своим противникам и соответственно - заметно сокращать свои шансы на успех. Либо, нарушая (не по своей воле) принцип коллегиальности, оперативно принимать решения, но тогда возникает риск - потерять доверие коллектива. «Подумаешь, возомнили себя важными и с коллективом уже не считаются» – в этом случае можно услышать и такое.

А ведь проблема отношения рабочих и активистов, как мы отметили, чрезвычайно сложна: даже незначительный отрыв лидеров от коллектива иногда дорого стоил и тем, и другим одновременно. Ко всему этому добавляется еще и боязнь того, что информация о планируемых протестных акциях, уйдя в коллектив, может дойти и до администрации, что может вызвать с ее стороны опережающие контрудары. Нельзя забывать и то, что в условиях борьбы профактива с администрацией, последняя зачастую использует метод наговоров на лидеров, приписывая все победы себе, а все поражения – профсоюзному активу.

Так что, **протестные ситуации**, порожденные самой логикой борьбы (здесь ничего нового нет), **требует от рабочих активистов творческого** подхода к решению любой проблемы в каждом конкретном случае. Протестное движение в постсоветской России опять востребовало **диалектику как методологический ключ к решению своих проблем**. Это хороший признак и хороший знак того, что протестное движение ищет классические формы своего выражения. И это еще один аргумент в пользу того, что протестное движение несет в себе общественную альтернативу, ибо оно опирается на демократию не как идеологический ритуал или демагогическую риторику, а на демократию как инструмент практической диалектики.

7.8. Заводская власть и рабочий актив: кто первый?

Директоры так же извлекают уроки из опыта борьбы с рабочими активистами. Как правило, **администрация препятствует возможности рабочим участвовать в принятии решений** социальной и экономической политики предприятия. **Но** ведь и **рабочие не очень жаждут этого**. И этим своим совпадением «верхи» и «низы» создают прочный тандем. Таково мнение и самих «рядовых» работников.

Кроме того, есть еще одна большая проблема: у трудовых коллективов, как правило, **нет механизмов контроля за информацией**, в том числе, финансовой. И хуже того: иной раз рабочие даже не осознают в полной мере актуальность этой проблемы для себя. Среди большинства рабочих пока очень слабо развито понимание того, что законы информационного общества уже сегодня, пусть в латентном виде и превращенной форме, но уже действуют и даже в России. Одним словом, на большинстве предприятий господствует непонимание того, что сегодня информация - это не только знание, но и власть, и политический инструмент.

Но самая большая проблема в том, что **победами рабочего движения воспользовалась в первую очередь власть** (заводская и территориальная) и **в значительно меньшей степени сами рабочие**. Вот почему победы рабочих оборачивались для них зачастую поражениями. Сегодня на предприятия пришло умное руководство, которое из практики первого этапа протестного движения сделало для себя конструктивные и жесткие выводы.

Вот пример с Черниговского разреза: вновь пришедший туда директор почти сразу выступил с инициативой наведения порядка в душевых и туалетных комнатах для рабочих. Сказал - и вскоре идея была реализована. Велико впечатление тех, кто, побывав в административном корпусе на разрезе: после череды дверей, покрытых половой краской на тоскливой по цвету и бесконечной по длине коридорной стене, он вдруг видит - представьте себе! - плоды евроремонта и где! - в заводских туалетах...

Казалось бы, что здесь плохого? К тому же директор начал ремонтировать все эти помещения для рабочих прежде, чем привел в порядок свой собственный кабинет. Но этот факт имел свой глубокий подтекст: наведя такую «красоту», приятную для всех, директор тем самым узаконил не просто свою патерналистскую позицию по отношению к рабочим, но и свое монопольное право на все инициативы по отношению к работникам, показав всем, что отныне все решать будет он и только он. Одним словом, **директор**

приватизировал, причем, в личное пользование, право коллектива быть самостоятельным субъектом на предприятии. Отныне это право принадлежит только ему, а не рабочим.

А? Чем это не умная политика по сравнению с теми шумными методами в исполнении ОМОНа или «Тайфуна», к которым власть прибегала и не раз? А теперь, при такой политике, когда «я вам - отец (а заодно и царь, и бог)», у директора и интерес свой соблюден, и придраться не к чему: ведь действительно рабочие не могут и еще больше не хотят сами о себе беспокоиться. Так что все в порядке: перехватив у рабочих творческую и этическую инициативу, причем, в первую очередь, по отношению к самим себе, директор Черниговского разреза, тем самым, присвоил себе едва ли не самое главное - то, что составляет «соль» и ценность протестного движения, а именно - право (ипостась) рабочих быть общественным субъектом у себя на предприятии. И сделал он это очень умно: без силового и административного давления он продемонстрировав рабочим, во-первых, якобы, свою заботу о них и, во-вторых, то, что у него слово с делом не расходятся: сказал - сделал. Вот так, **используя слабость рабочих**, т.е. с помощью самих рабочих (этот тот случай, когда ничего не делать является самой большой услугой администрации) **директор лично себе присвоил**, а точнее - приватизировал, (причем ценой строительства комфортных туалетов) **моральное право решать за них все.**

Так что после приватизации предприятий власти начали приватизировать роль коллектива как социального субъекта предприятия. Каков ход! Шах и мат! Это вам не в рабочих стрелять!

Завершая наш разговор, директор ЧР сказал: «Было пьянство, воровство, не было политики. Губернатор назначил меня. Политикой могу заниматься только я. Надобности же в наблюдательном совете нет. А бузотеры нам не нужны. Профсоюзам говорю - занимайтесь своим делом в нерабочее время». На мой вопрос - как он относится к идее участия рабочих в управлении

производством, - в ответ я услышала восклицание: «Да разве коллектив может управлять предприятием? Это что, опять кухарки должны приходить к власти?» И далее в ответе прозвучало: сегодняшние кухарки, естественно, от кухарок происходящие, не могут и потому не должны, более того, просто не имеют право даже помышлять об управлении. Не выдержав, я спросила: «А что, ваш папа тоже был директором?». Затянувшаяся пауза послужила ответом.

Так что из побед и поражений, достоинств и слабостей протестного движения, «новые хозяева» извлекли для себя уроки, причем, пожалуй, даже более конструктивно и творчески, более оперативно, чем сами рабочие.

7.9. Олигархические войны – новое в рабочем движении.

Но наряду с внутренними проблемами у рабочих есть и такие, когда им, равно как и администрации приходится отодвигать на второй план вопросы своих взаимоотношений. Речь идет о вынужденном участии рабочих в олигархических войнах. Такая ситуация обычно типична для перспективных предприятий с патерналистским менеджментом, на которых, трудно требовать от их трудовых коллективов жесткой независимости и самостоятельности. Как ни покажется странным, но **иногда рабочим в своей борьбе**, в том числе, против государства, **приходится опираться на те или иные олигархические структуры.**

Так, например, трудовой коллектив КМК, стараясь вырваться из своего кризисного положения, но в тоже время не попасть «в лапы» сомнительных фирм, равно как и под тотальный контроль регионального губернатора Тулеева, пытался (и как показала дальнейшая жизнь - небезуспешно) выйти на конструктивное сотрудничество с компанией «Миком».»Да, мы, конечно, понимали, что у нас у каждого есть свой интерес, но кроме различий, на тот период у нас была и интересов - мы хотели, чтобы комбинат начал эффективно работать.

Конечно, на таких предприятиях, где его акции рассеяны и пока не сконцентрированы в руках одного хозяина (как, например, на Воронежском «Промтекстиле»), положение коллектива оказывается не столь тяжелым и зависимым - здесь еще сохраняется ситуация, когда пока выбирают они, но не их. Но опыт профсоюзных и рабочих активистов КМК показал, что даже в такой не простой для их предприятия ситуации они сумели построить свои отношения с «Микомом» на основе социального партнерства, что принесло немалые результаты обеим сторонам.

7.10. Так все же - социализм или капитализм?

Этот принципиально важный пункт я бы открыла краткой цитатой из разговора с рабочим лидером ЯМЗ: **«Нет идеи, которая была бы не партийной, но объединяла бы всех».** Но возможно ли это?

События на ВЦБК показали, что попытки рабочих отстоять, ими же установленную на предприятии прото-социалистическую модель социальных отношений, что предполагало комплекс социальной заботы о своих работниках (детские сады, дешевые парикмахерские, бесплатное питание и лечение, в том числе, и пенсионеров, путевки, и т.п.) - все эти усилия были безжалостно подавлены силами государства и криминала.

То, что в постсоветской России власть в союзе с криминалом подавляет любые социалистически тенденции - это не удивительно. Но ведь вторжение региональной власти во главе с Тулеевым в экономическую политику КМК, в итоге приведшие к разрушению механизма социального партнерства между профсоюзом комбината и «Микомом»- эти события в полной мере продемонстрировали, что в России не проходима не только социалистическая, но и буржуазно-демократическая модель. отношений. А ведь на КМК трудовой коллектив и пришедшая туда компания «Миком» пытались выстроить хоть в какой-то степени именно отношения «цивилизованного» капитализма (по

российским меркам), Причем наиболее выгодные для трудового коллектива позиции даже были закреплены в документах коллективного договора.

То обстоятельство, что интересы трудового коллектива (через профком), администрации и инвестора имели хоть какое-то демократическое согласование - все это спустя какое-то время дало и свои результаты: началась реконструкция некоторых производственных мощностей, в том числе, ремонт доменной печи; были выплачены долги по заработной плате; ожила «социалка», поднялась трудовая дисциплина; подбор кадров стал лучше. Вследствие таких перемен рабочие воспряли духом, стали чувствовать себя более уверенно и независимо, как-никак появились перспективы. «При «Микоме», - сказал один из его профактивистов, - мы хоть в какой-то степени стали участвовали в решении стратегических задач. У нас стали проходить ежемесячные собрания по планированию и утверждению финансового плана КМК».

Налаживание ситуации объективно придавало комбинату и коллективу экономическую (а потому - и политическую) независимость. Но возможность появления в Кемеровской области самостоятельного экономического и политического субъекта, особенно такого как КМК, в любом случае не могло понравиться региональной власти и, в первую очередь, Тулееву. Не удивительно, что предпринятая им вскоре попытка взять под свой контроль ситуацию на КМК привела к тому, что «Миком» реально был вынужден покинуть комбинат.

Так что, **события на протестных предприятиях показали, что любые попытки рабочих самим установить либо социалистическую, либо буржуазную модель, но что очень важно - в любом случае, на демократической основе - в постсоветской ситуации властями любого уровня не допускаются.**

В заключение это раздела хочется еще раз напомнить, что формулируя выше проблемы протестного движения, я стремилась прежде всего отобразить

мнения рабочих и лидеров, выделив и поставив на первые места те, что чаще других назывались и сильнее акцентировались участниками движения.

II. 8. Уроки и выводы протестного движения

В этом разделе нам хотелось бы прежде всего суммировать мнения самих рабочих о том, что им удалось и что не удалось сделать в процессе борьбы, какие уроки по их мнению следует извлечь из немалого опыта борьбы. Автору при этом хотелось прежде всего сохранить мысли рабочих и их лидеров, сведя к абсолютному минимуму комментарии (исключением станет заключительная часть текста, где я сформулирую некоторые свои выводы).

8.1. Что удалось добиться - говорят сами рабочие

Вот что говорят сами рабочие о своих достижениях в протестной борьбе (ниже я привожу данные лишь по четырем предприятиям).

ЯМЗ (Тульская область):

- «Удалось создать комиссию по контролю за отгрузкой продукции и добиться того, чтобы она была допущена к финансовой комиссии;
- без подписи органов рабочего контроля не принимались решения, связанные с отгрузкой заводской продукции;
- у рабочей комиссии появился доступ к информации;
- выплатить всю задолженность;
- убрать частично жульническую власть;
- добиться, чтобы заработную плату выдавали два раза в месяц;
- вырос авторитет профсоюзов и начальники цехов теперь считаются с нами;
- раньше боялись высказываться, а теперь не так;
- кадровая политика стала определяться не только администрацией, но и профкомом;

- удалось закрыть 27 уголовных дел по трудовому коллективу;
- убрали старый совет директоров;
- былой забитости уже нет».

ЛМЗ (Ленинградская область):

- «Сохранить и возродить завод;
- удалось сохранить свою марку и как знак на мировом рынке, и как честь, и как традицию нашего завода;
- отправить в отставку прежнего генерального директора;
- поднять авторитет профкома, увеличить численность профсоюза;
- приостановить сокращение численности работников;
- сохранить «социалку» (турбазу, летний лагерь, 2 базы отдыха, столовые)».

КЦП (Ленинградская область):

- «Добиться передачи работникам 51% акций;
- ввести председателя профкома в состав Совета директоров;
- существенно поднять авторитет профкома и его лидера;
- не допустить разрушения комбината;
- обеспечить рост объемов производства, зарплаты, финансовых результатов;
- не допустить массовых увольнений;
- добиться регулярной выплаты зарплаты и ее индексации минимум один раз в год.

ЩКХ (Курганская область):

- «Отстоять комбинат от внешних претендентов на его имущество;
- сохранить в руках коллектива и государства контрольный пакет акций;
- предотвратить насильственный захват комбината;
- избрать своего генерального директора (зима 2000/2001 года);
- обеспечить помощь поселку;

- сплотить работников, привнести в их сознание необходимость солидарности с другими протестными предприятиями;
- создать новые организационные формы участия работников в управлении комбинатом на основе трудовых прав (Координационный совет);
- когда пришлось «затягивать ремни», то мы стали «наскребать все по сусекам» и в результате обнаружили на своих складах многое, что нам понадобилось;
- выросло качество производства, пересмотрели технологию помола, научились работать с прибылью, привлекли инвесторов;
- когда добились стабильности, закрепили клиентуру (в нас бы стали вкладывать деньги, даже не имея акций);
- не пользуемся кредитами - все за свой счет, налоги стали платить вперед, ежегодно проводим независимые аудиторские проверки;
- сами обратились в комитет по реконструкции;
- теперь у коллектива появилась и цель, и идея».

8.2. Что не удалось – признают сами рабочие

Лидеры протестного движения весьма самокритичны и не боятся подчеркивать нерешенные проблемы. Вот что они говорят о своих трудностях (ниже я привожу данные по трем другим предприятиям, где результаты протестных действий были не столь успешны; подробнее с проблемами протестного движения можно в той же книге).

ЧР (Кузбасс):

- «Сохранить избранную работниками-акционерами администрацию;
- сохранить хозяйственную власть на производстве трудящихся;
- утеряны основные права на участие в управлении;
- добиться стабильной солидарности рабочих;
- предотвратить увольнение активистов профсоюзов»

ВЦБК:

- «Решить в пользу работников конфликт с внешними претендентами на имущество комбината;

- добиться широкого вовлечения работников в учет, контроль, управление;

- обеспечить единство действий профлидеров и трудового коллектива;

- предотвратить предательство профлидеров;

- сохранить солидарность и постоянную активность трудового коллектива в борьбе за свои права.

КМК:

- «Сохранить завоевавшую доверию рабочих администрацию;

- радикально демократизировать систему управления;

- предотвратить подчинение руководства комбината губернатору области;

- мобилизовать рабочих на систематическую защиту трудовой демократии;

- решить проблемы самостоятельной независимой экономической и юридической экспертизы».

8.3. Уроки: рабочие советуют рабочим

Этот раздел автору представляется особо важным. Я ничего не добавляла и не изменяла в высказываниях лидеров и «рядовых» участников протестного движения. Ниже я не делала ссылок на конкретные предприятия: это общее достижение всех участников протестного движения:

- «Необходимо развивать практику рабочего контроля, добиваться, чтобы каждый хоть немножко что-то делал для коллектива;

- отрыв лидеров от коллектива - главная опасность;

- профком должен стоять на позициях коллектива и все вопросы решать только с этих позиций;

- надо копить коллективный опыт, он может пригодиться другим;

- если бы вовремя плюнули на повышение зарплаты и сами рабочие скупали акции, чтобы потом самим контролировать ситуацию, мы бы победили;

- начинать надо с демократии в самом профсоюзе, в коллективе: чтобы каждый высказался, хочет он или нет участвовать в совместных действиях;

- в одиночку не продержаться, нужна солидарность протестных предприятий;

- должны быть мощные профсоюзы и рабочий контроль;

- надо учиться использовать даже существующее законодательство;

- все надо начинать с малого и не запускать проблему, а взявшись - доводить ее до конца;

- надо научиться разбираться с акциями, системой отношений собственности;

- надо иметь своего юриста, экономиста, экспертов;

- нужны свои кандидаты на руководящие должности (директор и т.д.);

- нужен такой орган, который бы позволил концентрировать акции у рабочих;

- надо использовать слабости бюрократии;

- нельзя рассчитывать на порядочность властей, им нельзя верить на слово, только делам; все отношения с начальством надо оформлять документально;

- если подаешь от имени рабочих предложения в адрес администрации - их надо обосновывать крепко;

- мы хотели отдать в доверительное управление свои акции и, слава богу, не получилось;

- профком должен иметь стратегию своей работы и участвовать в выработке стратегии завода;

- самое главное - найти человека который хочет и может работать с литературой и документами, умеет грамотно их анализировать, и при этом иметь репутацию, чтобы не продавливаться под администрацией;

- надо уметь контролировать и анализировать информацию;

- нельзя позволять делать карьеру на профсоюзе, надо чтобы в профсоюз шли работать, «пахать»;

- надо помнить, что забастовка - не самоцель, а средство достижения поставленных задач, и любая задача заканчивается переговорами, причем, чем продолжительней забастовка, тем сложнее приступить к переговорам как одной так и другой стороне;

- в течение одной акции (забастовки) невозможно решить все проблемы конфликта и потому необходимо разрешать конфликт поэтапно, закрепившись на достигнутом, а затем приступить к следующему этапу, чтобы переговоры были результативные, нужно найти результирующую всех интересов».

И в качестве некоторого завершающего аккорда хотелось бы привести высказывание энергетиков Приморья: «Мы прошли лишь первый этап борьбы, результатом которого стало осознание коллективами своей значимости и причастности к общему делу. Как сказали участники голодовки на Приморской ГРЭС: **«Мы перебороли в себе страх, мы стали себя уважать.** И это - итог двух лет борьбы и испытаний трудящихся на стойкость и решимость отстаивать свои законные интересы и права. Мы должны были пройти эту школу».

II. 9. Выводы автора.

Автор позволяет себе сформулировать собственные обобщения двухлетнего участия в протестном движении.

1. Наиболее напряженными объектами протестной борьбы, являются чаще всего наиболее экономически перспективные предприятия с новыми технологиями, и поэтому вызывающими большой «аппетит» у представителей частного капитала. (ВЦБК).

2. **Наиболее ожесточенная борьба рабочих за свои права идет на градообразующих предприятиях,** где экономическая и социальная альтернатива предельно жестка (Ясногорск, Выборг, Тутаев, Березовский).

3. Анализ борьбы на протестных предприятиях показал, что **принцип «чем хуже, тем лучше» - далеко не всегда определяет логику разрешения существующих на них внутренних конфликтов.** Наиболее яркий, символический пример протестного движения последних двух лет - события на ВЦБК - показали, что «пружина» протеста там сработала не столько в силу резкого ухудшения положения рабочих, которые дошли до того, что уже начали есть сныть (что еще менее питательно, чем крапива), сколько в силу глубочайшего оскорбления чувства человеческого достоинства.

4. Опыт протестного движения показал, что и **федеральные, и региональные власти** проявили себя по сути дела **противники рабочих** в их борьбе за свои - пусть даже только буржуазно демократические права. Более того, даже «красные» губернаторы, сами недавно вышедшие из рабочей среды и потому так хорошо знающие ее сильные и слабые стороны, теперь (уже в постсоветской ситуации) в полной мере продемонстрировали свое умение «закручивать гайки», подавляя протестное движение (Стародубцев, Тулеев). Как говорится в одном известном анекдоте про американского автомеханика: ему платят много не за то, что он хорошо закручивает гайки, а за то, что знает, где именно их надо закрутить.

5. Основные лозунги и требования протестного движения, отстаивают главным образом, буржуазные, а не социалистические права рабочих. Но конкретные события на протестных предприятиях показали, **что господствующий в России режим,** в официальной идеологии проповедующий идеи либерализма, в действительности **не позволяет реализовать не то что социалистические, но даже минимальные буржуазные права.** Так что, протестное движение рабочих стало определенным лакмусом и на буржуазную демократичность наших властей, которые с их диктатурой частного интереса

и с их монополией на такой инструмент как государство, в действительности продемонстрировали, **в России для рабочих у них есть только ооновская «демократия»**. И вооруженные захваты на вышеупомянутых предприятиях, породившие протестное движение, - уже исторические свидетельства этого.

6. **Протестное движение как низовое оживило деятельность «верховных» структур**, в частности, - некоторых депутатов Государственной Думы. Именно благодаря настойчивой инициативе лидеров, рабочих активистов при поддержке отдельных депутатов (Н.Безбородова, В.Григорьева, В.А.Кислицына, Л.В.Олейника, О.Н.Смолина, О.В.Шейна), в ГД прошли слушания и по ВЦБК, и по проблеме конфликтных ситуаций на предприятиях, и по КЗОТУ.

7. Протестное движение стало основой формирования коллектива как субъекта социальной и экономической политики на предприятии. И это действительно так, ибо в любой другой, благополучной ситуации, рабочие разобщены друг с другом и потому там коллектива с его «мы» - не существует. **В протестном движении основным принципом управления стала не вертикаль власти, а принцип горизонтальных связей действующих субъектов**, на основе обеспечения «прозрачности» как принципа всех общественных отношений на предприятии.

8. Одним из самых больных мест протестного движения является **сохраняющаяся пассивность, разобщенность рабочих**, что становится **одним из оснований нового наступления властей на их интересы**. Сегодня за такой тактический принцип как «разделяй и властвуй» властям и не надо специально бороться - рабочие реально и так разъединены, более того, они и не стремятся солидаризироваться, неважно касается это вопроса зарплаты или защиты их профсоюзных активистов. И таких горьких примеров, как было показано выше, к сожалению, не мало.

9. Сегодня **только в рамках протестного движения у рабочих появляется возможность осознать свой индивидуальный интерес как**

общественный. И уже это становится важной предпосылкой (наряду со всеми остальными) формирования классового, а не корпоративного сознания рабочих.

10. В рамках протестного движения участие женщин не очень велико, но если в них включались **женщины**, то они **достаточно прочно держали позиции своих трудовых коллективов.** (ВПТ, ВЦБК, ШФЗ, ЯМЗ, ЩКХ).

11. Драматургия протестного движения - необходимость творчески принимать те или иные решения, общаться с людьми так, чтобы предлагаемое тобой было понятным и убедительным, способность вдохновлять коллектив на защиту общих интересов - все это, равно как и многое другое, заставляет профлидеров развиваться (причем форсированно!) как личность, причем универсальная и творческая. Так что **протестное движение** в постсоветских условиях для **рабочего** становится едва ли не единственной **основой всестороннего развития его личности**, причем как общественного субъекта.

12. На встречах, **школах-семинарах рабочие активисты продемонстрировали свой конструктивный подход к проблемам протестного движения.** Например, когда кто-нибудь из его участников начинал говорить не по делу, т.е. только описывать насколько плохо у них на заводе ситуация, то с места сразу раздавались возгласы: «Хватит плач Ярославны! Ближе к делу». Таким образом, практики рабочего движения требовали от своих товарищей не просто эмоциональной оценки событий и проблем, но их анализа и главное - идей их конкретного решения.

13. **Только через практику совместной защиты своих интересов у рабочего появляется шанс вырваться из логики «частного человека»** (не «маленького человека» Чарли Чаплина или Чехова, а именно «мелкого» частного человека, которого у нас пока принято называть «мещанином»). Именно мещанство нашего советского общества (от академиков до рабочих, от офицеров до художников) в значительной степени позволило так легко

утвердиться уже в постсоветской ситуации диктатуре частного интереса во всем его историческом и культурном хамстве.

Вот почему протестное движение (не столько в своей оппозиционности, сколько в своей альтернативности) **позволяет рабочему** уйти от этой разрушительной ипостаси «частного человека» и **стать подлинно общественным субъектом**, защищающим не только свой частный карман, но и интересы своих товарищей.

Сегодняшнее же общество предоставляет любому возможность идентифицировать себя, но только лишь с деньгами или «креслом» в кабинетах власти. Вот почему **для рабочего**, у которого нет ни того, ни другого (да и цена такому достоинству не велика) **проблема нравственности** сегодня - в ситуации борьбы - **встает в очень жесткой альтернативе**: либо своим «ничего-неделанием», начиная с малого, а потом все больше и больше предавать своих товарищей-активистов, либо подключаться к их борьбе и тем самым обрести человеческое достоинство.

Российское протестное движение последних лет - это уже не столько оппозиционное, сколько **альтернативное движение**. И именно когда оно заявило свою альтернативность в полную меру - как, например, на ВЦБК - оно сразу и «на смерть» испугало «власть предрержащих» со всем их обслуживающим персоналом, включая СМИ. В целом же альтернативная сущность этого протестного движения редко где была проявлена во всей полноте; чаще всего она была представлена лишь некоторым спектром отдельных тенденций, да и то разбросанных по разным предприятиям страны. Несмотря на свое различие, они тем не менее, все без исключения имеют одну общность: каждая из этих тенденций возникла не на бюрократической и не на криминально-коммерческой основе, а в силу попыток тех или иных трудовых коллективов отстаивать свои интересы на подлинно общественной и потому этической основе.

Заключение

Да, **протестное движение** в России еще слабо, и судьба его в целом еще не ясна, но одно уже очевидно: оно действительно **сегодня является** альтернативой, ибо **порождает нового субъекта** - людей труда (а не выходцев из номенклатуры или криминала), **объединенных практическим участием в каждодневной конструктивной**, хотя и тяжелой, но при этом творческой деятельности по реализации своих общественных интересов. Эта деятельность строилась не по указке сверху, не по инструкции, а на основе собственных инициатив и энтузиазма добровольно, самостоятельно включавшихся в эту общественную деятельность людей на принципах самоорганизации, демократии, открытости, ответственности, не отчужденности от реальных проблем людей труда.

Итак, рабочее движение в постсоветской России прошло уже два этапа. Символом первого этапа можно назвать **Выборгский Целлюлозно-бумажный комбинат**, а символом второго - **Анжеро-Судженскую Городскую конфедерацию профсоюзов**. Два этих небольших городка, один - на севере России, другой - в глубокой Сибири связали пока еще разрозненные выступления рабочих в одно целое движение. Знамя рабочего движения, поднятое профсоюзными активистами Ясногорска, Щучанска, Питера, Владивостока и наконец - Выборгского ЦБК перехватили рабочие Анжеро-Судженска.

ВЦБК показал, как рабочие сами смогли, во-первых, защитить свое предприятие, а, во-вторых, управлять, причем не только производством, но и всей социальной жизнью комбината. Хотя бы на время, но это им удалось и в первую очередь, благодаря тому, что они сумели взять лучшее из советского прошлого, а именно - умение совместно воплотить такую ценность как радость коллективного труда и коллективной жизни, основанной на уважении и достоинстве **человека труда**. И события на ВЦБК показали, что это не слова, когда приходит час испытаний. Именно чувство оскорбленного достоинства

человека труда и подняло рабочих, рискуя собственной жизнью, на защиту своего комбината и своих товарищей.

Опыт ВЦБК стал «лебединой песней» советского социализма, ибо его трудовой коллектив как и советский народ во время войны с фашизмом показал, что он способен идти даже на смерть, защищая свой комбинат или страну от захватчиков и с таким же героическим энтузиазмом готов отстроить его после разрухи заново. **Безоружные рабочие Выборгского комбината показали всю свою способность к самоорганизации в опасной ситуации войны** с вооруженным криминалом и властью, физически защищая в первую очередь комбинат и поселок, а не себя. И именно в период военной мобилизации в советский период человек труда стал полноценным субъектом Истории. Вот почему события на ВЦБК так взволновали все общество, вызывая у одних страх, а у других восхищение.

Опыт Анжеро-Судженска стал **«первой ласточкой»** рабочего движения, несущего в себе качественно новое социальное содержание. Эта новая волна рабочего движения проявила себя уже, как бы, в **«мирных»** буднях российского криминального капитализма, при котором экстремальность стала нормой. В чем же заключается социальная новизна этого движения? Легче всего это увидеть в сравнении.

Если **на первом** этапе рабочее движение имело **характер протеста и обороны** против наступающего криминального собственника, то **на втором** – уже **наступления**. То, что глава Анжеро-Судженска добровольно ушел со своей должности вследствие высокоорганизованной борьбы профсоюзных активистов за свои права – одно из тому подтверждений.

Если на первом этапе **рабочие реагировали на действия власть**, то на втором – уже **власть вынуждена реагировать на инициативу рабочих**.

Если на первом этапе задачей рабочих была **защита своих интересов, подчиненных идеи - ВЫЖИТЬ**, то на втором – уже реализация своего

интереса, ориентированного на идею - **ЖИТЬ**. То, что Городская конфедерация профсоюзов Анжеро-Судженска является не только центром борьбы, но и становится центром культурной жизни города, в том числе, со своими музыкантами – тому доказательство.

Если на первом этапе рабочие боролись за **право на труд**, то на втором – за **освобождение труда**. Профсоюзные активисты Анжеро-Судженска, работая бесплатно на этом поприще, **сумели свою профсоюзную работу превратить - в борьбу, а борьбу – в творчество**. Т.е. борцы за рабочее дело, создавая новые общественные отношения в городе, реально стали творцами новых социальных отношений. Или, используя термин А. Бузгалина, с уверенностью можно сказать, что они фактически стали субъектами социального творчества, для которых сама деятельность становится стимулом, уже хотя бы потому, что оно интересно само по себе.

А при таком положении вещей такие искушения для профсоюзных активистов как подкуп, сладость власти или служебный покой – все они объективно утрачивают свою силу. Этот новый тип рабочих активистов включен в борьбу не только потому, что «это нужно» или «я могу», но еще и в силу иного принципа - **«я хочу»**. **Надо = могу = хочу** – единство этих трех составных как раз и является основой деятельности этого типа активистов. Мне лично встречались такие активисты, которые, предложи им кабинет с табличкой – «здесь сидит начальник Х» и с хорошим окладом, - все равно они будут заниматься своей деятельностью. Превратив работу в творчество, эти ребята раскрепостили сам труд, сделали его свободным. Так что понятие «освобождение труда» в деятельности этих активистов обрело реальное основание.

Если на первом этапе профсоюзные активисты сумели конструктивно и **не бюрократично** использовать старые организационные формы и

принципы, то на втором – рабочие **активисты создают** качественно новую **антибюрократическую систему самоорганизации.**

Эти принципы самоорганизации, казалось бы просты, но они несут новый социальный смысл, делают заявку на новый тип общественных отношений не только в профсоюзной, но и в общественной деятельности в целом. Вот они.

- **Вся профсоюзная работа осуществляется бесплатно,** на основе энтузиазма и личной инициативы. Поэтому профсоюзного аппарата нет. Твоя идея – ты ее и реализуешь. Сумеешь убедить товарищей – значит будешь делать не один.

- **Снятие ведомственных перегородок между профсоюзами** всех типов, т.е. рабочие объединяются не по принципу принадлежности к той или иной отрасли, а по принципу общности практического решения конкретных задач.

- **Деятельность профсоюза осуществляется теперь на основе целевого финансирования под конкретные практические задачи.** Происходит отказ от бюрократической модели финансирования: больше деньги не идут вверх к профсоюзному начальству и его аппарату, которые ими распоряжаются.

- **Все решения принимаются только рабочими «низами»** – при решении лидеры покидают помещение, чтобы потом вернуться за готовым решением. В этом случае уже не лидеры несут ответственность за исполнение решений, а сами рабочие.

- Отказ от модели, когда решения всех вопросов завязываются на Москву. Центр деятельности переносится в регионы. Таким образом, **размывается принцип организационной централизации,** а значит и централизации власти.

- Инициирование и **воплощение** тех или иных **идей носит авторский, характер.** Т.е. деятельность в этом случае обретает предельно личный стиль, а не формально-бюрократический.

В целом этот опыт показал, что реально **профсоюзная борьба** активистов Анжеро-Суджинска **стала основой появления прообраза новых Советов** (почти каламбур - постсоветских Советов) как формы народовластия в условиях диктатуры криминального капитала.

Так, протестное движение стало движением зарождения субъекта защиты общественных интересов трудящихся через и посредством самих трудящихся. И опыт показал, что

а) оно стало альтернативой господствующим ныне принципам общественной жизни, впервые в новейшей истории России строясь на основе не бюрократической власти и денег, а искреннего энтузиазма совместной деятельности;

б) протестное движение рождает общественные силы, способные решать те социально-экономические проблемы и противоречия, которые не под силу ни государственным чиновникам, ни олигархам, ни бандитам, вместе взятых, причем, на основе этического принципа.

Не случайно **высшими ценностями протестного движения, по мнению самих рабочих, стали человеческое достоинство, справедливость и солидарность, за которые они готовы бороться:**

- «Ценности сегодняшние мы не принимаем» (ЧР).

- «**Социальная справедливость должна быть на первом месте**»
«**Без солидарности нам нельзя**» (КЦП).

- «Мы действуем так, как нам подсказывает сердце» (ЯМЗ).

- «**Нам необходима человеческая жизнь. С нами должны считаться.**

Если так не будет - мы не исключаем новой революции в России.

- «**Чем нас испугаешь теперь? У нас даже цепи забрали!**» (ЛМЗ).

- «Мы сумели взять цех. А можно и завод взять. Ничего страшного» (ДЗ).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Результаты

социологического опроса

рабочих предприятий Ярославской области

От культуры еще не отказались, но к идеям еще не пришли.

От философии поступка к солидаризированным действиям

Большая часть работников считает, что для администрации он является лишь наемным работником (65 %) и лишь только потом, может быть, человеком труда (17 %). При этом, большинство работников администрацию оценило так: «Вроде, стараются, но себя не забывают». Может быть «что-то и делают, но что – не знаю».

Своих коллег рабочие оценили так: «Это тот, на кого я могу положиться в трудную минуту» (51 %). Но 32% считают, что коллега – это все-таки «товарищ по обстоятельствам: сегодня – я, завтра - другой». Соответственно таким же является и соотношение мнений по поводу своего коллектива: для большей части его (38 %) коллектив – это «общество, в котором мне надежно и интересно», для меньшей (21 %) - это все же «набор случайных людей». Но в любом случае свой коллектив рабочие оценили как сильный (23 %) или скорее как сильный, чем слабый (45 %). А чтобы

коллектив был сильным, по мнению рабочих, **надо**, во-первых, чтобы он имел право для участия в экономической и социальной политике (39 %) и, во-вторых, надо улучшить отношения в коллективе (39 %).

Вот почему **свои достижения работники** в первую очередь **объяснили тем**, что у коллектива была общая цель (32 %). Но это подкреплялось еще и дополнительным фактором: для одних это – удачные к тому моменту обстоятельства (22 %) ; для вторых – это то, что коллектив был вместе (20 %), а для третьих - это сильные лидеры (18 %).

Причину своей пассивности большинство рабочих усматривает в следующем обстоятельстве: «люди хотят изменить ситуацию, но как – не знают».

А **каково значение профсоюза для рабочих?** «На всякий случай профсоюз нужен» (42 %). «Профсоюз – это единственное, на что сегодня можно положиться». Но при этом, основную причину своего вялого отношения к профсоюзу, рабочие видят в том, что «по-старому работать в нем они не хотят, а по-новому – не знают как». Но несмотря на это, работники считают, что, для того, **чтобы усилить позиции профсоюза, надо** все-таки «каждому хоть немного участвовать в его работе». А вот **готов ли при этом каждый лично что-то сделать для профсоюза** и трудового коллектива? И как всегда при переходе от того, «что надо» к тому, «что могу сделать лично» энергия энтузиазма, в том числе наших рабочих, значительно уменьшилась. Неслучайно основными ответами на этот вопрос были следующие: «хотел бы, но знаю, что толка не будет» (23 %) и «хочу, но пока не готов» (20 %).

Но зато около 80 % рабочих убеждены, что **коллектив должен иметь право на участие** в контроле и управлении предприятием. При этом, наиболее **важными формами такого участия рабочие** считают, во-первых, «участие в решении социальных вопросов предприятия» (46 %) и, лишь потом – «контроль за финансовой деятельностью» (24 %).

Несмотря на такое мнение, тем не менее, если можно было бы изменить ситуацию, то **в качестве собственника на своем предприятии значительная часть рабочих хотела бы видеть** государство, но только такое, которое будет отстаивать интересы народа. Это еще раз подтверждает, что ностальгия по патернализму у работников до сих пор существует, при чем усиленная не только отсутствием в прошлом практики и умения участвовать в управлении, но и реальной опасностью, идущей от засилья криминалитета в экономике и с которой, без организованной государственной машины, по мнению рабочих, не справиться.

При этом, для реализации такой модели лишь только 38% работников готовы лично активно участвовать в любых законных действиях для того, чтобы на предприятии появился эффективный собственник (38 %), а остальные 47 % – лишь поддерживать действия активистов трудового коллектива или им сочувствовать.

Жизненные принципы респондентов оказались разными и **выстроились в следующий порядок приоритетности:**

1. «сделал дело - гуляй смело» - 55 %
2. «важно самому быть честным, а остальное меня не касается» (20 %)
3. «если не я, то кто же?» (13 %)
4. «ешь - потей, работай – мерзни» (9 %)
5. «моя хата с краю – я ничего не знаю» (3 %)

Основные ценности, названные работниками, в порядке уменьшения их значимости выглядят следующим образом:

1. стабильная социальная жизнь
2. честно заработанные деньги
3. хорошие отношения в коллективе и интересная работа
4. возможность чувствовать себя уважаемым человеком на работе
5. деньги.

Итак, мы видим, что для рабочих в первую очередь имеют значение не деньги, причем, даже честно заработанные, а **стабильная социальная жизнь**. Потом возможность иметь интересную работу и быть в дружеском коллективе. А сами деньги как таковые остались на последнем месте. Т.е. по существу **рабочие продемонстрировали прочность** существующих в них **поздне-советских ценностей** со всеми их противоречиями и это несмотря на то, что за все годы «реформ» идеология ново-русских либералов агрессивно навязывала только одну ценность – деньги, деньги и еще раз деньги. Одним словом, этот опрос показал, что основная масса рабочих, с одной стороны, так и не разрешила основные противоречия поздне-советских ценностей, а, с другой – не приняла капитализм с его рыночными идеалами. Т.е. современный российский рабочий в аксеологическом отношении до сих пор находится между социализмом и капитализмом. Для социализма не хватает зрелости Истории и его личной деятельностной воли, а для капитализма – у рабочего преизбыток культуры. *Итак, большинство российских рабочих от культуры еще не отказались, но к идеям еще не пришли.*

Фонд «Альтернативы»

Анкета

1. Кто я для администрации комбината?

1. просто наемный работник, «сегодня - я, завтра - другой».
2. уважаемый человек труда.
3. «рабочее быдло», которым так не называют, но которого таковым считают.
4. кто еще?

2. Как Вы оцениваете работу администрации?

1. вообще не знаю, что они делают.
2. у нее своя жизнь, а у нас - своя,

3. об интересах комбината она в целом заботятся.
4. что-то делают, а что - не знаю.
5. вроде стараются, но себя не забывают.
6. главное для администрации - забота об успехах комбината и трудовом коллективе
7. что еще

3. Кто я для товарищей по работе?

1. просто «товарищ по обстоятельствам: сегодня - я, завтра - другой, а в целом - без разницы».
2. тот, кто может понять меня лучше, чем, например, сосед по дому.
3. вчера - товарищ, а сегодня - скрытый конкурент.
4. тот, на кого можно положиться в трудную минуту.
5. кто еще?

4. Наш коллектив - это что?

1. набор случайных людей, которым в принципе нет дела друг до друга.
2. «сборище товарищей по несчастью».
3. единый сплоченный «кулак», способный, когда надо защитить себя и комбинат.
4. общество, в котором мне не только надежно, но и приятно, интересно.
5. что еще?

5. Как Вы оцениваете свой коллектив?

1. сильный
2. скорее сильный, чем слабый.
3. слабый
4. как еще?

6. Если ваш коллектив чего-нибудь добивался для себя и комбината, то благодаря чему это получалось?

1. у нас была общая цель.
2. мы были вместе.
3. у нас были сильные лидеры.
4. нам просто повезло с обстоятельствами.
5. что еще?

7. Если ваш коллектив пассивный, то что, на Ваш взгляд, является причиной этого?

1. усталость от жизни - «ничего уже не хочется».
2. безверие в себя и в других - «ну, что мы можем?».
3. люди хотят изменить ситуацию к лучшему, но как - не знают.
4. не доверяем лидерам.
5. что еще?

8. Что, по-вашему, нужно сделать, чтобы коллектив стал сильным?

1. надо, чтобы коллектив имел право для участия в экономической и социальной политике комбината.
2. надо улучшить отношения между людьми на комбинате (может быть чаще встречаться для дискуссий, отдыха, взаимопомощи).
3. каждый из нас должен хоть что-то сделать для коллектива.
4. надо обновить состав профкома.
5. надо сделать жизнь на комбинате более интересной (может быть, приглашая специалистов, устраивать встречи по поводу того, что нас ждет в стране, городе, на комбинате).
6. что еще?

9. Каково значение вашего профсоюза для Вас лично?

1. просто номинальная организация, «которая должна быть для проформы».
2. на всякий случай профсоюз нужен - мало ли что может случиться.
3. профсоюз - это единственное, на что сегодня можно положиться на комбинате в трудную минуту.
4. что еще?

10. Если вы хотите что-то сделать для профсоюза, то что Вам мешает?

1. «жизнь сегодня тяжелая, да и вообще некогда»
2. страх перед администрацией
3. не уверен, что могу что-то сделать.
4. существующие формы работы
 - а) не интересны
 - б) бесполезны
5. по-старому работать не хочется, а как по-новому - не знаю.

11. Что надо сделать, чтобы усилить позиции профсоюза?

1. ничего, все и так нормально
2. переизбрать профком
3. сменить председателя профкома
4. каждому из нас хоть немного участвовать в работе профсоюза
5. что еще?

12. Готовы ли Вы лично что-то сделать для профсоюза и трудового коллектива (а значит - для себя)?

1. да, хочу и готов(а)
2. хочу, но пока не очень готов(а)
3. хотел бы, но знаю, что толка никакого не будет
4. мне это просто не интересно
5. не хочу
6. что еще?

13. Считаете ли Вы, что коллектив должен иметь права на участие в контроле и управлению предприятием?

1. да.
2. нет.
3. не знаю.

14. Если да, то тогда какие формы Вы считаете наиболее важными?

1. контроль за финансовой деятельностью
2. участие в решении социальных вопросов (зарплаты, увольнения, условий труда и т.д.)
3. участие в решении вопросов стратегии предприятия
4. участие в решении вопросов собственности (перераспределения акции)
5. что еще?

15. Какие ценности Вы считаете для себя наиболее важными (справа пронумеруйте все ответы по степени их важности для вас)?

1. деньги
2. только честно заработанные деньги
3. интересная работа
4. хорошие отношения в коллективе
5. стабильная социальная жизнь
6. возможность чувствовать себя уважаемым человеком в семье, на комбинате

16. Ваши основные жизненные принципы?

1. «ешь - потей, работай - мерзни»
2. «моя хата с краю»
3. «сделал дело - гуляй смело»
4. главное самому быть честным, а остальное меня не касается
5. «если не я, то кто же?»
7. что еще?

Обведите ответ, соответствующим вашим данным

Пол: женский, мужской

Возраст: до 20, 20-25, 25-35, 35-50, 50-60, старше 60

Степень квалификации:

Стаж работы

Участвовали ли Вы в работе профсоюза?

Спасибо за участие в работе!

Приложение № 2

Практическое участие в протестном движении

В данной книге я попыталась показать только то, что мне удалось лично «пощупать своими руками», увидеть своим глазами, **перечувствовать** и **пережить** на «собственной шкуре». Но ограничиться только фактологическим описанием протестного опыта (хотя это тоже нужно) – все-таки не достаточно. Нужно проанализировать весь этот опыт еще и теоретически.

Но есть и практическая сторона этого вопроса. В связи с этим, мне хочется назвать тех, кто на протяжении уже многих лет занимается практической поддержкой рабочего движения. И **прежде всего** я хочу назвать и оценить их деятельность как деятельность НЕ *структур*, а **конкретных людей**. Другой вопрос, что большинство из них являются представителями тех или иных партий, политических организаций или профсоюзов, но в любом делают они свое дело по своей инициативе, на основе личного энтузиазма. Таких людей по стране немало, многих из них я даже не знаю по имени, но знаю, что в меру своих сил и возможностей они всячески стараются помочь рабочим. Это и **представители партий**, таких как РПК, КПРФ, Региональная партия коммунистов, Совет рабочих Москвы, ВКПБ, **молодежных**

политических организаций и др. Это и рядовые активисты разных профсоюзов, в том числе, активисты профсоюза «Защита» (со-председатели: В.П.Воробьев, В.Г.Гамов, В. К, О.В. Шеин), региональных профсоюзных объединений, например, «Сибирская конфедерация труда», «Городская конфедерация профсоюзов г.Анжеро-Судженска. и др. Это и представители рабочей печати, левых информационных агентств (С.Байбородова, И.Кузнецов, А.Малкин и др.)

Это и те, кто на протяжении многих лет отдает свои силы и время, причем, на общественной основе в поддержку рабочего движения, болея за его судьбу душой. Среди них есть и наши иностранные товарищи, которые для российского рабочего движения делают иной раз больше, чем сами рабочие и интеллигенты России. Вот лишь несколько имен тех, кого знаю лично: *А.В. Воробьев, А.Желенин, К.Клеман, А.А.Лашин, Д.Мандел, С. Маркелов, А.В.Николаев, В.Петров, В.Н. Потапейко, Б. и Г. Ракитские, Л.П.Яковлева и др.* В действительности этот список намного длиннее и нет возможности перечислить всех активистов (за что автор и приносит свои глубокие извинения), но все они в итоге делают общее и очень важное дело, вызывая уважение к себе. И деятельность всех этих людей также является важной составной протестного движения России.

Также хочу о том, что **было сделано** мною вместе с моими товарищами по «Альтернативам» (*А.Бузгалин, А.Колганов, Э.Рудык и др.*) в рамках протестного движения уже **практически**.

а) Семинары и конференции

- **9 школ –семинаров** для лидеров протестного движения в Москве (март 2000 – 2002).
- **7 выездных семинаров** с рабочими лидерами (Краснодар – май 2000, Питер – ноябрь 2000, Уфа – февраль 2001, Новосибирск, Барнаул – май 2001, Севастополь – август 2002, Барнаул - март 2002, Арзамас – сентябрь 2002).
- **6 пресс-конференций** с профсоюзными активистами Выборга, Питера, Александрова, ЛМЗ, Москвы (осень 1999, весна и осень 2000, весна 2001, весна 2002).

- 3 научно-теоретических конференций «Рабочий класс России: история и современность» с участием рабочих лидеров и ученых Москвы и Питера.
- Научно-практическая конференции по проблемам самоуправления (сентябрь 2002).
- Подготовка и проведение семинара по проблемам деприватизации с участием активистов Выборгского ЦБК, профсоюзных активистов Питера, Кузбасса, Москвы, ученых, экспертов.
- 5 заседаний клуба «Диалог» на тему рабочего движения с участием представителей из регионов (ВЦБК, Барнаула, Краснодара, Кемерово, Казахстана), а также с докладами Л. Булавки по итогам поездки во Владивосток.

б) Организационно-консультационная работа

- Участие в акциях единых действий по КЗОТу (Москва и Питер, осень 2000, весна 2001)
- Участие в организации и проведении конференции лидеров рабочего движения на Выборгском ЦБК (осень 1999)
- Постоянное консультирование лидеров протестного движения (Воронеж, Кузбасс, Тутаев, Москва, Питер, Рязань, Барнаул, Уфа, Краснодар, Владивосток)

в) Пропаганда опыта протестного движения

- Организация ежемесячных радиопередач по проблемам рабочего движения на всероссийской радиостанции «Резонанс», «Эхо Москвы», в том числе с участие лидеров рабочего движения.
- Организация теледебатов по проблема Выборгского ЦБК в рамках передачи «Слушается дело» с участием А.Заикиной и бывшего директора - А.Ванторина. (март 2002), выступление на телеканале «Культура» (август 2002).
- Пропаганда практики рабочего движения на международных конференциях.
- Издание и рассылка по заводам (30-40) ежеквартального бюллетеня по рабочему движению «К конструктивным действиям» с материалами о рабочем движении в регионах.
- Отправка поездами литературы по рабочему вопросу в регионы.

г) Научно-исследовательская деятельность

- Исследование социально-экономической ситуации на 25-ти протестных предприятиях с подготовкой аналитических материалов и их последующей публикацией.

- Проведение социологического опроса на предприятиях Ярославской области.
- Проведение мониторинга на четырех протестных предприятиях.
- Подготовка **комментариев** к новому Трудовому кодексу РФ (**Э.Рудык**)

д) Публикации

- Публикации 9 выпусков бюллетеня «К конструктивным действиям»
- Спецвыпуск бюллетеня Л.Булавки «Портрет протестного движения» М., 2001.
- Монография «Рабочий протест в России» М.2000
- Монография «Рабочий класс в процессах модернизации России. М., 2001.
- Монография «На пути к рабочему контролю и самоуправлению» М., 2001
- Монография «От наемного труда – к свободному» М., 2001
- Э.Рудык «Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М. 2002
- Ежеквартальная публикация материалов по рабочему движению в журнале «Альтернативы»
- Публикация 22 статей в периодических изданиях: газетах и журналах.

То немногое, что мы делали и делаем всегда возникало **не как** высокомерный **жест одаривания** рабочих научной интеллектуальностью и **не как аргумент** в пользу присутствия у автора данной книги левых убеждений, **а как практическое проявление** следующего **убеждения**.

Существующие сегодня противоречия и проблемы российской реальности стали настолько **всеобщими**, что разрешить их можно, во-первых, только подходу **с общественных** позиций и, во-вторых, в организационном отношении - только **сообща**, размывая границы между национальностями, религиями, государствами, возрастом, культурами, профессиями и т.п. Известный принцип, который своей непреходящей актуальностью для властей, делает его классическим – **разделяй и властвуй** – имеет прямое отношение, в том числе, и к труду. Непреодоленная система разделения труда, когда рабочие и интеллигенты разделены профессиональными «перегородками» сегодня особенно выгодна властям.

«Каждый пусть делает хорошо свое дело и «не сует нос в дела другого»» - вот кредо профессионализма, которое сегодняшние либералы

выдвигают (на самом деле он иной) в качестве универсального принципа одновременно и своей идеологии, и своей этики, и даже экзистенциальной философии. Вместо **социальной справедливости** и **солидарности** либералы провозгласили принцип **технологической сообразности**.

Да современный либерализм пошел дальше: он упразднил функциональный подход к человеку, ибо **упразднил самого человека**. Действительно, сегодня **Человека нет как понятия** и в этом суть постмодернизма как философской парадигмы либерализма. **Человек**, как таковой, со всеми его проявлениями сегодня - не функция, а **непосредственно уже сама технология «делания (не зарабатывания) денег»**. Неслучайно постсоветская Россия как авангард постмодернизма демонстрирует, как в ней, что ни возьми (экономику, политику, искусство, церковь, медицину, брак) – все бизнес, причем, в той или иной степени, но криминальный. Да и сам человек со всеми его составными (политические взгляды, художественные и научные таланты и даже внутренние органы) сегодня мыслится главным образом в ключе - **all for sale**. И наглядное (в буквальном смысле слова) тому подтверждение – на шумевшая недавно на российском телевидении телевизионная программа “За стеклом” .

Вот почему, по моему глубокому убеждению, отделять проблемы рабочих от проблем интеллигенции сегодня особенно вредно и даже опасно уже хотя бы потому, что по одиночке решать их просто не хватит сил. Более того, **совместная и практическая деятельность** – это не только **организационная**, но и **культурная предпосылка становления индивида** (не важно ученый он или рабочий) **как общественного субъекта, способного к действиям**. Появление и укрепление этого субъекта сегодня в России - **самая главная и самая трудная задача**. А будет человек - будет и понятие «человек». Вот почему вопрос рабочего движения – это в первую очередь вопрос нового человека, а значит и новой культуры.

Возвращаясь к нашему союзу рабочих и интеллигенции, надо сказать, что формулой их сотрудничества должно быть - «не вместо» и «не за» рабочих (интеллигентов)», а «вместе с» рабочими (интеллигентами)». И в первую очередь это продиктовано общностью проблем: например, проблема деприватизации – это вопрос не только рабочих, а вопрос реформирования системы образования – это проблема не только интеллигенции, но и рабочих. Другой вопрос: каковы основы сотрудничества интеллигенции и рабочих? Этот вопрос, на мой взгляд, всякий раз должен решаться конкретно, но в любом случае демократично, конструктивно и диалектично.

Во вторых, предоставляемые здесь результаты нашей деятельности в рамках протестного движения, показывают одновременно и методы нашего участия в практике рабочего движения.

Библиография

1. Текущий архив Министерства труда и социального развития РФ. Известия, 1998, 24 февр.
2. Независимая газета, 1998, 24 янв.
3. Известия. 1998, 7 марта. Белая книга “Экономика и политика России в 1997 г., М., 1998, с.73.
4. Аргументы и факты. 1997, № 25, НГ-регионы, 1998, февр.
5. ГК РФ по статистике. Информация о социально-экономическом положении России. 1997. С. 5.
6. ГК РФ по статистике. Информация о социально-экономическом положении России. Январь-декабрь 1997. М. 1998, с. 271-272.
7. Известия, 1998, 13 марта.
8. Человек и труд. 1997, № 2, с.103; 1998 № 1, с.93. Подсчет А.М.Кацва
9. Текущий архив Госкомстата РФ. Свободная таблица для всех типов забастовок за январь-декабрь 1997 г. РФ. Расчет А.М.Кацва.
10. Хроника рабочего движения. Еженедельный информационный бюллетень. Агентство социально-трудовой информации (АСТИ)
11. Текущий архив Госкомстата РФ. Свободные таблицы за 1996 и 1997 г
12. Там же.
13. Там же.
14. Кацва А.М. Забастовки и другие формы коллективного протеста трудящихся России в 1997 г. - Альтернативы. 1998, № 2, с. 63.
15. Текущий архив Госкомстата РФ. Свободные таблицы за 1996 и 1997 г

16. Там же
17. Кацва А.М. Забастовки и другие формы коллективного протеста трудящихся России в 1997 г. - Альтернативы. 1998, № 2, с. 67.
18. 1. Текущий архив Министерства труда и социального развития РФ.
19. Золя Э. Чрево Парижа. Госиздат. Ташкент. 1956, с. 330.
20. Кацва М.А. Массовые протестные действия в условиях общественной трансформации (90-е годы XX века).- В кн. Рабочий класс и в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001, с. 141.
21. Цветаева М. Эпос и лирика современной России. Собрание сочинений в семи томах. Том 5. М., 1994